
Министерство образования и науки
Российской Федерации

Научный журнал
**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**
(продолжение журнала 1947–1975 гг.)

№ 5 (142). Август, 2014

Серия: **Общественные и гуманитарные науки**

Главный редактор

А. В. Воронин, доктор технических наук, профессор

Зам. главного редактора

В. Б. Акулов, доктор экономических наук, профессор

Э. В. Ивантер, доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН

В. С. Сюнёв, доктор технических наук, профессор

Ответственный секретарь журнала

Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук

Перепечатка материалов, опубликованных
в журнале, без разрешения редакции запрещена.
Статьи журнала рецензируются.

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrSU.ru

Редакционный совет

- В. Н. БОЛЬШАКОВ**
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Екатеринбург)
- И. П. ДУДАНОВ**
доктор медицинских наук,
профессор, член-корреспондент РАН
(Петрозаводск)
- В. Н. ЗАХАРОВ**
доктор филологических наук,
профессор (Москва)
- ЮКИЁСИ ИНОУЭ**
профессор (Токио, Япония)
- А. С. ИСАЕВ**
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Москва)
- МАРЕК ВОХОЗКА**
доктор экономических наук
(Чешские Будейовицы, Чешская Республика)
- В. М. ЛЕВИН**
доктор физико-математических наук,
профессор (Мехико, Мексика)
- Т. П. ЛЁННГРЕН**
доктор философии (Тромсё, Норвегия)
- Н. Н. МЕЛЬНИКОВ**
доктор технических наук,
профессор, академик РАН (Апатиты)
- И. И. МУЛЛОНЕН**
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)
- В. П. ОРФИНСКИЙ**
доктор архитектуры, профессор,
действительный член РАН (Петрозаводск)
- ПААВО ПЕЛКОНЕН**
доктор технических наук,
профессор (Йоенсуу, Финляндия)
- И. В. РОМАНОВСКИЙ**
доктор физико-математических наук,
профессор (Санкт-Петербург)
- Е. С. СЕНЯВСКАЯ**
доктор исторических наук, профессор (Москва)
- КАРОЛИНА СКВАРСКА**
доктор философии (Прага, Чешская Республика)
- А. Ф. ТИТОВ**
доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Петрозаводск)
- Р. М. ЮСУПОВ**
доктор технических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия серии
«Общественные и гуманитарные науки»

- Т. А. БАБАКОВА**
доктор педагогических наук,
профессор (Петрозаводск)
- С. Г. ВЕРИГИН**
доктор исторических наук,
профессор (Петрозаводск)
- РИХО ГРЮНТХАЛ**
доктор философии,
профессор (Хельсинки, Финляндия)
- П. М. ЗАЙКОВ**
доктор филологических наук,
профессор (Йоенсуу, Финляндия)
- Ю. М. КИЛИН**
доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)
- С. И. КОЧКУРКИНА**
доктор исторических наук (Петрозаводск)
- А. Е. КУНИЛЬСКИЙ**
доктор филологических наук, профессор,
ответственный секретарь серии (Петрозаводск)
- Т. Г. МАЛЬЧУКОВА**
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)
- Н. В. ПАТРОЕВА**
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)
- А. М. ПАШКОВ**
доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)
- С. Н. ЧЕРНОВ**
доктор юридических наук,
профессор (Петрозаводск)
- М. И. ШУМИЛОВ**
доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)

Ministry of Education and Science
of the Russian Federation

Scientific Journal
PROCEEDINGS
OF PETROZAVODSK
STATE UNIVERSITY
(following up 1947–1975)

№ 5 (142). August, 2014

Social Sciences & Humanities

Chief Editor

Anatoly V. Voronin, Doctor of Technical Sciences, Professor

Chief Deputy Editor

Vladimir B. Akulov, Doctor of Economic Sciences, Professor

Ernest V. Ivanter, Doctor of Biological Sciences, Professor,
The RAS Corresponding Member

Vladimir S. Syuney, Doctor of Technical Sciences, Professor

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Philological Sciences

All rights reserved. No part of this journal may be used
or reproduced in any manner whatsoever without written permission.
The articles are reviewed.

The Editor's Office Address
185910, Lenin Avenue, 33. Tel. +7 (8142) 769711
Petrozavodsk, Republic of Karelia
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrSU.ru

Editorial Council

<p style="text-align: center;">V. BOLSHAKOV
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Ekaterinburg)</p>	<p style="text-align: center;">I. MULLONEN
Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)</p>
<p style="text-align: center;">I. DUDANOV
Doctor of Medical Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (Petrozavodsk)</p>	<p style="text-align: center;">V. ORPHINSKY
Doctor of Architecture, Professor,
Full Member of RAS (Petrozavodsk)</p>
<p style="text-align: center;">V. ZAKHAROV
Doctor of Philological Sciences, Professor (Moscow)</p>	<p style="text-align: center;">P. PELKONEN
Doctor of Technical Sciences,
Professor (Joensuu, Finland)</p>
<p style="text-align: center;">Y. INOUE
Professor (Tokyo, Japan)</p>	<p style="text-align: center;">I. ROMANOVSKY
Doctor of Physical-Mathematical Sciences,
Professor (St. Petersburg)</p>
<p style="text-align: center;">A. ISAYEV
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Moscow)</p>	<p style="text-align: center;">E. SENYAVSKAYA
Doctor of Historical Sciences,
Professor (Moscow)</p>
<p style="text-align: center;">M. VOCHOZKA
Doctor of Economic Sciences
(Ceske Budejovice, Czech Republic)</p>	<p style="text-align: center;">K. SKWARSKA
Doctor of Philosophy
(Praha, Czech Republic)</p>
<p style="text-align: center;">V. LEVIN
Doctor of Physical-Mathematical Sciences,
Professor (Mexico, Mexico)</p>	<p style="text-align: center;">A. TITOV
Doctor of Biological Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (Petrozavodsk)</p>
<p style="text-align: center;">T. LÖNNGREN
Doctor of Philosophy (Tromsø, Norway)</p>	<p style="text-align: center;">R. YUSUPOV
Doctor of Technical Sciences, Professor, the RAS Corresponding Member (St. Petersburg)</p>
<p style="text-align: center;">N. MEL'NIKOV
Doctor of Technical Sciences,
Professor, the RAS Member (Apatity)</p>	

Editorial Board of the Series
“Social Sciences & Humanities”

<p style="text-align: center;">T. BABAKOVA
Doctor of Pedagogical Sciences,
Professor (Petrozavodsk)</p>	<p style="text-align: center;">A. KUNIL'SKIY
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Executive Secretary of the series (Petrozavodsk)</p>
<p style="text-align: center;">S. VERIGIN
Doctor of Historical Sciences,
Professor (Petrozavodsk)</p>	<p style="text-align: center;">T. MAL'CHUKOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor
(Petrozavodsk)</p>
<p style="text-align: center;">R. GRYŮNTHAL
Doctor of Philosophic Sciences,
Professor (Helsinki, Finland)</p>	<p style="text-align: center;">N. PATROEVA
Doctor of Philological Sciences, Professor
(Petrozavodsk)</p>
<p style="text-align: center;">P. ZAIKOV
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Joensuu, Finland)</p>	<p style="text-align: center;">A. PASHKOV
Doctor of Historical Sciences, Professor
(Petrozavodsk)</p>
<p style="text-align: center;">U. KILIN
Doctor of Historical Sciences,
Professor (Petrozavodsk)</p>	<p style="text-align: center;">S. CHERNOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor
(Petrozavodsk)</p>
<p style="text-align: center;">S. KOCHKURKINA
Doctor of Historical Sciences (Petrozavodsk)</p>	<p style="text-align: center;">M. SHUMILOV
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)</p>

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Барышников В. Н.

Советская разведка о скрытом германо-финляндском военном сотрудничестве накануне начала Великой Отечественной войны (1940–1941 годы) 7

Змеева О. В., Разумова И. А.

«Я решил жить здесь...»: адаптация азербайджанцев в заполярном городе в 2010-е годы 13

Шорохова И. В.

«Стирание национальных особенностей» в театральном искусстве Карелии в 1950-е – начале 1960-х годов (на примере работы Финского драматического театра) 18

Березняк Я. В.

Создание и деятельность агрономической организации Таврической губернии (1890–1914 годы) ... 23

ПЕДАГОГИКА

Бабакова Т. А.

Технология педагогического сопровождения научно-методического проекта студентов магистратуры в университете 27

Корицунова О. В.

Модульная технология с уровнево-стилевой дифференциацией как инструментальная основа дидактической системы учителя сельской школы ... 31

Островская С. В.

Основные этапы развития дополнительного образования детей в России 38

ФИЛОЛОГИЯ

Патроева Н. В.

Интродуктивные предложения в лирике М. Ю. Лермонтова 41

Щеглова Е. А.

Неизвестные и малоизвестные номинации в очерках путешествия И. А. Гончарова «Фрегат “Паллада”» 47

Грякалова Н. Ю.

Аллегория повествования (об одном иконографическом мотиве в повести И. А. Бунина «Суходол») 51

Дранникова Н. В., Морозова Т. Н.

Промысловый календарь Зимнего берега Белого моря 56

Спасова М. А., Пигин А. В.

Торжественник конца XV – начала XVI века из собрания Национального архива Республики Карелия 61

Савкина И. Л., Бахтина Ю. В.

Жизнь как путешествие: нарративная идентификация в автобиографическом интервью 73

Литинская Е. П.

Перевод фразеологии романа Ф. М. Достоевского «Бедные люди» на греческий язык 79

Шилова Н. Л.

Карельские реалии в рассказе Ю. Казакова «Адам и Ева» 82

Солопова А. И.

Роман Ф. М. Достоевского «Подросток»: проблема канонического текста 86

ЭКОНОМИКА

Дружинин П. В., Белый Е. К.

Моделирование структурных сдвигов в экономике России 91

Мартишин Е. М.

Эволюционно-институциональные основы «экономического чуда» 97

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ефимова В. В.

Проект перенесения губернского управления из Петрозаводска в Вытегру в 1820-е годы 102

Оленина Т. Ю.

Юридическое определение леса в Российской Федерации 110

ЮБИЛЕИ

К 80-летию С. М. Лойтер 114

РЕЦЕНЗИИ

Иванова Т. Г.

Рец. на кн.: Лойтер С. М. Детский поэтический фольклор Карелии: Исследование и тексты 115

Севандер С. М.

Рец. на кн.: Alexey Golubev and Irina Takala. The Search for a Socialist El Dorado: Finnish Immigration to Soviet Karelia from the United States and Canada in the 1930s (В поисках социалистического Эльдorado: Финская иммиграция в Советскую Карелию из США и Канады в 1930-е гг.) 118

ПАМЯТЬ

Памяти Е. М. Неёлова 123

Contents 124

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в ОАО «Агентство “Книга-Сервис”» и размещаются на базовом интернет-ресурсе www.rucont.ru

Журнал и его архив размещаются в «Университетской библиотеке онлайн» по адресу <http://biblioclub.ru>

**Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrSU.ru/req.php>**

Учредитель: ФГБОУ ВПО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик Н. К. Дмитриева. Верстка Е. В. Бобковой

Подписано в печать 20.08.2014. Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 130 экз.). Изд. № 254

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–37987
от 2 ноября 2009 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства
Петрозаводского государственного университета
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ БАРЫШНИКОВ
доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Нового и новейшего времени Института истории, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
vbaryshnikov@mail.ru

СОВЕТСКАЯ РАЗВЕДКА О СКРЫТОМ ГЕРМАНО-ФИНЛЯНДСКОМ ВОЕННОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ НАКАНУНЕ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1940–1941 ГОДЫ)*

Накануне начала Великой Отечественной войны советские разведывательные службы стремились обращать повышенное внимание на военно-политическую ситуацию, которая складывалась в это время в Финляндии. И их деятельность была весьма хорошо организована. В результате советская разведка во второй половине 1940 – начале 1941 года смогла зафиксировать большое количество различных примеров проявления динамики нарастающего германо-финского военного сотрудничества, а также развертывания у границ СССР в Северной Финляндии немецкой группировки войск. Все это не могло не настораживать советское военное руководство, которое из складывающейся ситуации делало соответствующие выводы. В результате нанесенный 25 июня 1941 года советской авиацией удар по финской территории был обусловлен как развернутыми боевыми действиями германских ВВС, использующих Финляндию для своего авиабазирования, так и хорошей информированностью советского руководства относительно финско-германского военного сотрудничества в 1940–1941 годах.

Ключевые слова: международные отношения в период Второй мировой войны, Великая Отечественная война, история Финляндии, финляндско-германские отношения

В последнее время в отечественной историографии вопрос о вступлении Финляндии в войну против Советского Союза в 1941 году весьма активно привлекает внимание историков и публицистов. При этом в поисках определенных сенсаций люди, нередко довольно далекие от исторической науки, принялись в новой обстановке старательно реанимировать те положения, которые были характерны, в частности, для финской пропаганды периода войны. Тогда, чтобы оправдать союз с нацистами, в Хельсинки упорно пытались распространять представления, что не финская армия вместе с вермахтом напала в июне 1941 года на СССР, а наоборот, советские вооруженные силы готовились, а затем и совершили акт агрессии в отношении финского народа. Так, собственно, 26 июня заявил президент Финляндии Р. Рюти. Выступая по финскому радио, он сказал: «Со вчерашнего дня вооруженные силы Советского Союза, невзирая на соглашения, и без всякого повода с нашей стороны, по распоряжению своего правительства производят регулярные обширные военные действия во всех направлениях нашей страны». Далее он отметил: «Вооруженные силы Великой Германии под руководством гениального предводителя канцлера Гитлера успешно сражаются с нами против известных нам вооруженных сил СССР... Таким образом образовался единый фронт от Северного Ледовитого океана до Черного моря» [11; 54, 59]. В итоге получалось, что войну с Финляндией начал Советский Союз.

При этом Рюти всячески стремился скрыть существование каких-либо тайных договоренностей с германским командованием, а также присутствие финских войск в оперативных разработках плана «Барбаросса», где нацистское командование уже отвело им соответствующие наступательные задачи. Не говорил он, разумеется, и о большой группировке германских войск на севере страны. Тем более не мог он сказать о том, что уже с 22 июня против СССР проводились совместные боевые операции финских и немецких военно-морских и военно-воздушных сил. Всего этого, если верить речи президента Р. Рюти, тогда не могло и быть.

Тем не менее теперь хорошо известно, что еще накануне начала войны Финляндия в распоряжение немецкой авиации предоставила ряд аэродромов, что позволяло серьезно приблизить места германского авиационного базирования к жизненно важным районам северо-западной части СССР. За десять дней до начала войны, 12 июня, в финские территориальные воды вошел отряд боевых кораблей, состоящий из лучших торпедных катеров Германии [16; 459], [17; 108]. Эти суда должны были вместе с финскими кораблями с началом войны постараться перекрыть выход советского Балтийского флота из Финского залива. С 15 по 19 июня в генштабе финской армии были внесены окончательные уточнения в наступательные операции в северном Приладожье и на Карельском перешейке [16; 427], а 17 июня финскому военному коман-

дованию уже четко сообщили, что нападение Германии на СССР произойдет 22 июня [16; 430]. И действительно, в этот день с территории Финляндии уже начали осуществляться боевые операции военно-воздушных и военно-морских сил Германии против Советского Союза.

Тем не менее некоторые современные отечественные авторы так же, как когда-то финские военные пропагандисты, усиленно пытаются исказить все эти уже хорошо известные факты. Ярким образцом подобных трактовок стала работа отечественного публициста, работающего в жанре «история», М. С. Солонина. В 2008 году им была издана книга «25 июня. Глупость или агрессия?» [13]. Эта работа является фактически продолжением серии из большого количества работ известного автора В. Б. Резуна (В. Суворова), который активно распространял версию о некоем маниакальном желании Сталина напасть на Германию. Солонин на примере Финляндии нашел этому «подтверждение». Он пишет: «25 июня 1941 года Красная Армия подтвердила "суворовскую" (так в тексте. – В. Б.) теорию на практике» [13; текст на обложке книги]. Причем, заняв позицию первого и безупречного эксперта в нашей стране в этом отношении, он также не без ложной скромности отметил, что вообще «по сей день в России не вышло ни одной серьезной монографии... в которой бы история войны 1941–1944 гг. стала предметом комплексного, непредвзятого исследования» [13; 17]. В итоге со страниц его книги на читателя буквально обрушиваются невероятные по силе аргументы, доказывающие то, что Сталин, который всю свою жизнь мечтал о присоединении Финляндии к СССР, посчитал, что в конце июня 1941 года этот момент наконец настал. Не обнаружив, естественно, никаких документов, которые бы подтверждали эти фантазии, Солонин принялся истолковывать весьма поверхностные архивные материалы, делая из них невероятные по силе выводы. При этом вся система доказательств того, что накануне Великой Отечественной войны в СССР как бы стала осуществляться уже «рутинная подготовка к войне с Финляндией» [13; 281], у М. С. Солонина фактически сведена к разбору реальных фактов учений советских войск, а также посещению советских подразделений, дислоцирующихся у государственной границы, окружным военным руководством. Здесь автор, очевидно, полагал, что именно это и сможет убедить «наивного читателя» в доказательстве будущего намерения Красной армии напасть на Финляндию. В книге даже присутствует удивительное по своей невежественности откровение, когда Солонин, особо не задумываясь о том, что собственно написал, утверждает: «В штабах Красной Армии продолжалась отработка каких-то планов» и далее: «И хотя их содержание нам неизвестно, некоторые выводы можно сделать на основании опубликованного во второй половине 90-х годов

“Контрольного плана проведения сборов высшего начсостава, игр, полевых поездок и учений в округах в 1941 г.”» [13; 282]. С другой стороны, на страницах своего «комплексного» творения Солонин весьма снисходительно дает оценку осведомленности советского руководства относительно развернувшегося в 1940–1941 годах финско-германского военного сотрудничества. Он указывает на существующие у него данные о том, что чуть ли не все основные сведения о военных планах и подготовке финской армии советская агентурная сеть в этой стране добывала из застольных бесед финских офицеров в ресторанах Хельсинки [13; 319–320].

Тем не менее ситуация со сбором Советским Союзом разведывательных сведений относительно подготовки Финляндии совместно с Германией к войне против СССР является одной из ключевых с точки зрения того, чтобы понять причины произошедшего 25 июня 1941 года.

В предвоенный период советские разведывательные службы стремились обращать повышенное внимание на военно-политическую ситуацию, которая складывалась в Финляндии. И их деятельность была значительно более хорошо организована и была значительно более серьезной, чем об этом пишет М. Солонин. Советская разведка во второй половине 1940 – начале 1941 года фиксировала массу различных примеров проявления динамики нарастающего тогда германо-финского военного сотрудничества, а также развертывания у границ СССР в Финляндии немецкой группировки войск. Все это не могло не настораживать советское военное руководство, которое из складывающейся ситуации делало соответствующие выводы.

С начала лета 1940 года в Москву уже четко сообщали, что финское руководство явно «ищет сближения с Германией», при этом обращалось особое внимание на существующую в правительственных кругах Финляндии скрытую надежду «получить от Германии помощь против СССР». Такая информация поступала в Советский Союз неоднократно и передавалась из различных разведывательных структур [10; 110, 111–112, 209]. Кроме того, в приводившемся анализе военно-политической обстановки, складывающейся в Финляндии, советские разведчики обращали особое внимание на сохраняющуюся после окончания «зимней войны» тенденцию к наращиванию военных приготовлений, направленных против СССР. В Москву сообщали совершенно верные сведения о том, что «в Финляндии продолжают действовать законы военного времени, армия не распущена» и «обстановка может быть охарактеризована как военная» [10; 110, 111–112].

Но особое место в потоке информации, поступающей в СССР, занимали, конечно, сведения, которые получала советская разведка о наблюдающихся фактах финско-германского военно-

го сближения. Причем советский посланник в Хельсинки И. С. Зотов уже в августе 1940 года утверждал, что «мы не можем допускать, чтобы идея реванша, вынашиваемая правящей кликой (финским руководством. – В. Б.), и работа по созданию связей с Германией увенчалась успехом и была бы закреплена» [10; 114–115]. Более того, в Москве уже имелись четкие сведения, что при условии втягивания Советского Союза во Вторую мировую войну будущее «вооруженное столкновение СССР с Германией может вовлечь в военный конфликт с нами – с целью реванша – Финляндию...» [10; 117].

В целом процесс наметившегося финско-немецкого военного сотрудничества достаточно подробно фиксировался советскими разведывательными органами. Более того, из поступавших тогда донесений явно просматривалась тенденция к усилению этого сотрудничества. Таким образом, Москва получала необходимую информацию и получала ее весьма своевременно. Поток сведений, поступающий в СССР о военных контактах между Германией и Финляндией, начал нарастать, когда с сентября 1940 года на финскую территорию стали направляться немецкие войска [10; 122–124]. В данном случае советская разведка четко отмечала, что немецкая армия не просто размещается на севере Финляндии, а сосредотачивается там исключительно с целью «подготовки плацдарма против СССР» [10; 123–124].

На основании поступающих советскому руководству донесений нельзя утверждать, что в Москве обладали подробными сведениями о реальных планах своих потенциальных противников. Более того, в сентябре 1940 года советское командование вынуждено было признать, что «документальными данными о плане оперативного развертывания финской армии Генеральный штаб Красной Армии не располагает» [10; 120]. Тем не менее сам факт усиления военной напряженности на северо-западных границах СССР требовал от Москвы адекватной реакции. Поэтому очевидно, что уже в середине сентября появилась записка высшего советского командования, адресованная И. В. Сталину и В. М. Молотову, где содержались «соображения» в отношении необходимости проведения соответствующих действий «на случай войны с Финляндией» [10; 118–121]. Озабоченность складывающейся ситуацией выразилась также и в организации с советской стороны переговоров в Берлине, которые прошли между В. М. Молотовым и А. Гитлером в ноябре 1940 года. На этих переговорах были затронуты конкретные вопросы, связанные с присутствием немецких войск на финской территории.

Нарастающая военная активность Третьего рейха на северо-западных рубежах СССР в конечном итоге приводит к тому, что 25 ноября

1940 года советское военное руководство уже отдает конкретные указания командованию Ленинградским военным округом «приступить к разработке плана оперативного развертывания войск» для организации боевых действий против Финляндии. Причем в директиве особо подчеркивалось, что «не исключена возможность усиления вооруженных сил Финляндии войсками ее возможных союзников (Швеция, Норвегия, Германия)». Таким образом, вооруженные силы Германии четко определялись в качестве войск потенциального противника СССР на границах с Финляндией, а упоминание оккупированной рейхом Норвегии как еще одного «возможного» финского союзника явно свидетельствовало, что в Москве все больше начали опасаться перспективы масштабных боевых действий именно на Крайнем Севере, где уже происходила концентрация немецких войск.

В целом к концу 1940 года у советского военного руководства уже не оставалось никаких сомнений в отношении будущей позиции Финляндии в случае возникновения войны с Германией. Неслучайно поэтому в составленном в декабре 1940 года разведывательным отделом штаба Ленинградского военного округа материале, характеризующем офицерский состав финской армии, прямо указывалось, что «в среде высших офицеров (генералов и полковников) – 90 % из 27-го егерского батальона, участвовавшего на стороне Германии в период первой империалистической войны. Они прошли немецкую школу» [15; 175], что четко показывало дальнейшие перспективы финско-германского сотрудничества. Таким образом, можно говорить о том, что советские разведывательные донесения второй половины 1940 года вполне адекватно отражали процессы финского военного сближения с рейхом.

Но поскольку к весне – началу лета 1941 года военно-политическая обстановка на западных границах СССР начала обостряться и поток немецких войск туда стремительно нарастал, советские представители, работавшие в Финляндии, это также начали отмечать. Причем в Москву информация о том, что «немцы перебрасывают в Финляндию войска», поступала из разных стран [14; 24–25, 78]. В частности, как сообщал в конце апреля советский военный атташе в Германии, «потоки военных транспортов из Германии в Финляндию идут непрерывно, а в последнее время получают сведения о транспортировке войсковых частей» [14; 116]. Всего же к началу мая, по финским данным, на территорию страны из рейха было направлено около 13 тысяч немецких солдат [16; 252]. Более того, наряду с достаточно развитой сетью советских агентов, работающих в различных странах, советские разведчики подбирали ключи к шифротелеграммам дипломатической переписки ряда государств, а также наладили прослушивание

зданий иностранных дипломатических представительств в Москве, в том числе и финского [12; 78, 83–86]. Далее, советская разведка перехватывала определенную информацию, которая поступала в английскую миссию в Хельсинки, и даже имела агентурный доступ к определенным документам разведывательной службы Англии. В результате в Москву нередко попадали весьма ценные аналитические документы британской разведки, в том числе и отдельные материалы относительно германо-финляндского сотрудничества [9; 479].

В итоге, согласно справке наркомата госбезопасности, обобщавшей новые агентурные сведения о подготовке Финляндии совместно с Германией к нападению на Советский Союз, имелись четкие сведения, что Финляндия должна была вступить в войну [4; 209], [8; 71], [14; 14, 26]. Особенно хорошо это стало заметно, когда 7 июня 1941 года началась массовая переброска немецких солдат в Финляндию [18; 93]. Туда было направлено огромное количество судов, на борту которых находились военнослужащие сразу двух немецких дивизий. Всего в июне 1941 года на более чем 70 транспортных кораблях рейху удалось перевезти свыше 21 тысячи германских солдат. Они выгружались в портах Оулу, Пиетарсаари, Вааса, Каскинен и Турку [16; 104], [18; 93]. Затем эшелонами по железной дороге эти войска следовали в район Рованиеми. Вместе с тем в финскую Лапландию из Норвегии стали маршем прибывать и первые механизированные части дивизии СС «Норд». Вообще же в те дни благодаря переброске войск из Северной Норвегии группировка немецкой армии в районе Рованиеми увеличилась более чем на 40 тысяч солдат [6; 145], [18; 93]. Разумеется, такое значительное перемещение немецких войск уже просто не могли не замечать. Из информации, которая была представлена Сталину еще в начале мая 1941 года на основе данных разведывательного управления Генерального штаба Красной армии, становится ясно, что именно такое развитие событий, где Финляндия станет военным союзником рейха, и предполагалось в перспективе советским командованием. В указанной информации говорилось, что «вероятно дальнейшее усиление немецких войск на территории Норвегии, северо-норвежская группировка которых в перспективе может быть использована против СССР через Финляндию и морем» [14; 173].

В целом по поводу переброски в Финляндию немецких войск Сталину неоднократно направлялась подробная разведывательная информация. 5, 9, 11 и 13 июня на имя Сталина и Молотова поступали сведения, в которых подробно рассматривались вопросы, касающиеся возможности вступления Финляндии в войну против СССР на стороне Германии¹ [12; 140, 151–153]. В них, в частности, указывалось, что с 5 по 15 июня в порты Финляндии «выгрузилось

не менее двух моторизованных дивизий». Также сообщалось, что «немцы перебрасывают из Северной Норвегии в Финляндию дивизию, которая прибывает в Рованиеми» [12; 154], [14; 366]. Очевидно, что в этой информации речь шла о совершенно конкретной дивизии СС «Норд», которая перемещалась тогда к границам Советского Союза на севере. Таким образом, сведения поступали в Москву весьма конкретные.

К тому же в последние дни перед войной советская радиоразведка перехватила ряд шифровок зарубежных посланников в Хельсинки. В телеграмме от 18 июня, адресованной японскому послу в Москве, и от 19 июня, отправленной итальянским посланником в Рим, говорилось о последних военных приготовлениях, происходящих в это время в Финляндии. Так, в частности, отмечалось: «Всеобщая мобилизация, объявленная неофициально, сейчас завершена. Страна находится на военном положении. Продолжается прибытие германских вооруженных сил, включая авиационные части. Считается, что Германия немедленно примет решение в отношении СССР» [4; 216–217]. Более того, советской разведке из сообщения японского посланника своему руководству стало известно о том, что в его дипломатическом представительстве в финской столице начали сжигать секретную документацию [8; 268]. Все это говорило только об одном – неотвратимо приближается война с СССР.

Основываясь на воспоминаниях командующего войсками Ленинградского военного округа генерал-лейтенанта М. М. Попова и начальника штаба округа генерал-майора Д. Н. Никишева, можно заключить, что и они, располагая поступавшей разведывательной информацией, также имели довольно ясное представление о приближавшейся военной опасности с территории Финляндии² [7]. Более того, говоря о серьезном отношении к происходящим в Финляндии событиям, командование Ленинградского военного округа почти в полном составе 19 июня выехало специальным поездом в Заполярье. Целью этой поездки было изучение на месте складывавшейся обстановки. Впоследствии М. М. Попов писал: «...Мы лично наблюдали, поднимаясь на некоторые вышки пограничников, отчетливо видимые группы немецких офицеров, группы солдат, продвигавшихся в различных направлениях, машины, носившиеся по дорогам, и много дымов – очевидно, от полевых кухонь, так как в жаркий июньский день вряд ли кто-нибудь разводил костры» [7; 36–37]. В данном случае советскому окружному руководству действительно повезло, поскольку они в режиме реального времени наблюдали, как немецкие войска, выполняя приказ, начали уже с 18 июня выдвигаться к советской границе на севере Финляндии [17; 108].

Все это свидетельствовало, естественно, только об одном – Финляндия и Германия действова-

ли строго по выработанному единому стратегическому плану. Это фактически подтвердил 22 июня и германский посол в Москве Шуленбург, встретившись с Молотовым в половине шестого утра, когда сообщил о начале войны с Советским Союзом. На поставленный Молотовым вопрос относительно выезда германского посольства из СССР Шуленбург без колебаний ответил, что «выезд через западную границу невозможен, так как Румыния и Финляндия совместно с Германией тоже должны выступить» [1; 37].

Таким образом, реальные действия Финляндии накануне и в начале войны ясно указывали советскому командованию о сложившихся у рейха на практической основе союзнических с финским руководством отношениях. Они выражались в том, что Финляндия, не объявив Советскому Союзу войну, позволила Германии с финской территории развертывать боевые действия против СССР. Этого было вполне достаточно, чтобы в Москве сделали весьма адекватные выводы из реально происходивших на северо-западе Советского Союза событий. Поэтому, когда на второй день войны в позиции Финляндии стало все предельно ясно, а нарушения советской границы превращались в весьма регулярные по своей сути действия, было принято решение дать соответствующий отпор. Это решение принималось в Москве, даже несмотря на то, что войскам Ленинградского военного округа ранее давалось категорическое указание, чтобы они «не шли на провокации»³.

По воспоминаниям начальника штаба округа генерал-майора Д. Н. Никишева, он 23 июня в 12 часов дня доложил по прямой телефонной связи с Москвой о действиях финнов Г. К. Жукову, который тогда являлся заместителем Наркома обороны СССР и начальником Генштаба. Как пишет Никишев, он сообщил ему о системати-

ческих фактах нарушения границы со стороны Финляндии⁴. Ответ был категоричным. Жуков твердо сказал: «"Бейте эту сволочь", и положил трубку» [3]. Это означало, что для военных загадок тогда уже не было. Боевые действия Финляндии на границе с СССР явно указывали на то, что финны вступили в войну на стороне Германии и по этому поводу требуются адекватные действия, которые реально наступили. Уже в ночь с 23 на 24 июня разведывательному отделу штаба округа было поручено подготовить карту финских «аэродромов с указанием координат каждого из них», а также «количества базирующихся самолетов и зенитного прикрытия» [2; 13]. Эта карта, собственно, затем и стала использоваться для разработки общего плана действий советских военно-воздушных сил против немецкой авиации на финской территории. Сам этот план, судя по воспоминаниям Новикова, был утвержден командующим округом днем 24 июня, когда он уже лично связался с наркомом обороны С. К. Тимошенко. Тот в свою очередь «проконсультировался в еще более высоких инстанциях, и решение было получено» [5; 50]. В результате на следующий день, рано утром, разработанный в штабе ВВС округа план уже начал реализовываться и «первый удар по вражеским аэродромам был нанесен 25 июня в 4 часа утра» [5; 51].

Таким образом, нанесенный советской авиацией удар по финской территории был обусловлен как развернутыми боевыми действиями германских ВВС, использующих Финляндию для своего авиабазирования, так и хорошей информированностью советского руководства относительно финско-германского военного сотрудничества в 1940–1941 годах, которая основывалась на достаточно высокой эффективности сбора разведывательных данных, касающихся отношений Финляндии с Германией накануне начала Великой Отечественной войны.

*Статья подготовлена в рамках проекта Мероприятия 2 СПбГУ «От национальных государств к единой Европе: проблемы европейской интеграции в XIX–XXI вв.», шифр в ИАС: 5.38.275.2014.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Правда. 1989. 8 мая.

² Архив штаба Ленинградского военного округа. Ф. 47127. Оп. 1. Л. 272.

³ Архив штаба Ленинградского военного округа. Ф. 47. Оп. 47/127. Д. 24(2). Воспоминания Д. Н. Никишева.

⁴ В это время уже был сбит первый немецкий самолет над Карельским перешейком и у взятых в плен немецких военных летчиков были обнаружены карты, на которых была обозначена цель производимого полета – район Кировского завода в Ленинграде. Этим, по мнению финского исследователя К.-Ф. Геуста, «командование ЛВО получило доказательство наличия планов люфтваффе бомбить город» [3; 226–227].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барышников Н. И. Блокада Ленинграда и Финляндия. СПб.; Хельсинки: Johan Beckman Institute, 2002. 300 с.
2. Винницкий Л. Г. Бойцы особого фронта. Л.: Лениздат, 1980. 200 с.
3. Геуст К.-Ф. Советская бомбардировка финских аэродромов в июне 1941 г. в начальной стадии «войны-продолжения» // От войны к миру. СССР и Финляндия в 1939–1944 гг. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. 440 с.
4. Накануне войны (1940–1941). О подготовке Германии к нападению на СССР // Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 198–222.
5. Новиков А. А. В небе Ленинграда. М.: Наука, 1970. 308 с.
6. Носков А. М. Скандинавский плацдарм во второй мировой войне. М.: Наука, 1977. 248 с.
7. Оборона Ленинграда. Воспоминания и дневники участников. Л.: Наука, 1968. 791 с.
8. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 1, кн. 2. М.: Книга и бизнес, 1995. 398 с.
9. Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. М.: Международные отношения, 1997. 496 с.

10. Подборка советских архивных документов о финско-германском сотрудничестве (май – декабрь 1940 г.) // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. № 8. СПб., 2012. С. 109–130.
11. По обе стороны Карельского фронта. Документы и материалы. Петрозаводск: Карелия, 1995. 636 с.
12. Секреты Гитлера на столе у Сталина. Разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР. Март – июнь 1941 г. Документы из Центрального архива ФСБ России. М.: Мосгорархив, 1995. 256 с.
13. Солонин М. 25 июня. Глупость или агрессия? М.: Эксмо: Яуза, 2008. 656 с.
14. 1941 год. Кн. 2. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. 752 с.
15. Финляндия. Краткая характеристика офицерского состава // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. № 7. СПб., 2011. С. 175–181.
16. Jokipii M. Jatkosodan synty. Helsinki: Otava, 1987. 748 s.
17. Menger M. Deutschland und Finnland im Zweiten Weltkrieg. Berlin: Militärverlag Der Deutschen Demokratischen Republik, 1988. 276 s.
18. Seppälä H. Suomi hyökkääjänä 1941. Porvoo; Helsinki; Juva: Werner Söderström, 1984. 268 s.

Baryshnikov V. N., St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

SOVIET MILITARY INTELLIGENCE ON COVERT GERMAN – FINNISH MILITARY COOPERATION SHORTLY BEFORE GREAT PATRIOTIC WAR (1940–1941)

On the eve of the Great Patriotic War, the Soviet intelligence services paid increased attention to the military and political situation in Finland. The Soviet intelligence activity was well organized on its territory. As a result, the Soviet intelligence in the second half of the 1940 and at the beginning of the 1941 was able to collect extensive evidences on growing dynamics of military cooperation between Germany and Finland, as well as on deployment of German troops in the northern wing of the Soviet – Finnish border. Due to this information, the Soviet military command was on guard concerning the development of military situation. As a result, the bombing of the Finnish territory by Soviet air forces on June 25, 1941 was caused by military activities of German aviation that used Finland as its military base. The air strike was also conditioned by high quality operational awareness on German – Finnish military cooperation in 1940–1941

Key words: international relations, Second World War, Great Patriotic War, Finnish history, German – Finnish relations

REFERENCES

1. Baryshnikov N. I. *Blokada Leningrada i Finlyandiya* [Siege of Leningrad and Finland]. St. Petersburg, Helsinki, Johan Beckman Institute Publ., 2002. 300 p.
2. Vinnitskiy L. G. *Boytzy osobogo fronta* [Soldiers of special front]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1980. 200 p.
3. Geust K.-F. Soviet bombardment of Finnish aerodromes in June, 1941 at the initial stage of “continuation of the war” [Sovetskaya bombardirovka finskikh aerodromov v iyune 1941 g. v nachal’noy stadii “voynny-prodolzheniya”]. *Ot voynny k miru. SSSR i Finlyandiya v 1939–1944 gg.* [From war to peace. USSR and Finland in 1939–1944]. St. Petersburg, St. Petersburg Univ. Publishing house, 2006. 440 p.
4. On the eve of the war (1940–1941). On preparation of German assault on the USSR [Nakanune voynny (1940–1941). O podgotovke Germanii k napadeniyu na SSSR]. *Izvestiya TsK KPSS* [Proceedings of the Central Committee of CPSU]. 1990. № 4. P. 198–222.
5. Novikov A. A. *V nebe Leningrada* [In the sky of Leningrad]. Moscow, Nauka Publ., 1970. 308 p.
6. Noskov A. M. *Skandinavskiy platsdarm vo vtoroy mirovoy voyne* [Scandinavian bridgehead in the second World War]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 248 p.
7. *Oborona Leningrada. Vospominaniya i dnevniky uchastnikov* [Defence of Leningrad. Reminiscences and diaries of participants]. Leningrad, Nauka Publ., 1968. 791 p.
8. *Organy gosudarstvennoy bezopasnosti SSSR v Velikoy Otechestvennoy voyne* [State security bodies of the USSR in Great Patriotic war]. Vol. 1, book 2. Moscow, Kniga i biznes Publ., 1995. 398 p.
9. *Ocherki istorii rossiyskoy vneshney razvedki* [Sketches on the history of Russian foreign intelligence]. Vol. 3. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1997. 496 p.
10. Selection of Soviet archive documents on Finnish-German collaboration (May – December, 1940) [Podboroka sovetskikh arkhivnykh dokumentov o finsko-germanskom sotrudnichestve (may – dekabr’ 1940 g.)]. *Trudy kafedry istorii Novogo i noveyshego vremeni* [Transactions of the Department of Modern and Contemporary History]. № 8. St. Petersburg, 2012. P. 109–130.
11. *Po obe storony Karel’skogo fronta. Dokumenty i materialy* [On both sides of Karelian front. Documents and materials]. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1995. 636 p.
12. *Sekrety Gitera na stole u Stalina. Razvedka i kontrrazvedka o podgotovke germanskoj agressii protiv SSSR. Mart – iyun’ 1941 g. Dokumenty iz Tsentral’nogo arkhiva FSB Rossii* [Hitler’s secrets on Stalin’s desk. Intelligence and counter-intelligence on the preparation of German aggression against the USSR. March – June, 1941. Documents from the Central Archive of Russian FSS]. Moscow, Mosgorarkhiv Publ., 1995. 256 p.
13. Solonin M. *25 iyunya. Glupost’ ili agressiya?* [June 25. Stupidity or aggression?]. Moscow, Eksmo, Yauza Publ., 2008. 656 p.
14. *1941 god* [1941]. Book 2. Moscow, Mezhdunarodnyy fond “Demokratiya” Publ., 1998. 752 p.
15. Finland. Brief description of commissioned rank [Finlyandiya. Kratkaya kharakteristika ofiterskogo sostava]. *Trudy kafedry istorii Novogo i noveyshego vremeni* [Transactions of the Department of Modern and Contemporary History]. № 7. St. Petersburg, 2011. P. 175–181.
16. Jokipii M. *Jatkosodan synty*. Helsinki: Otava, 1987. 748 s.
17. Menger M. *Deutschland und Finnland im Zweiten Weltkrieg*. Berlin: Militärverlag Der Deutschen Demokratischen Republik, 1988. 276 s.
18. Seppälä H. *Suomi hyökkääjänä 1941*. Porvoo; Helsinki; Juva: Werner Söderström, 1984. 268 s.

Поступила в редакцию 08.06.2014

УДК 314.74(=35):316.52(470.21)

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА ЗМЕЕВА

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц-региона, Кольский научный центр Российской академии наук (Апатиты, Российская Федерация)
zmeyeva@rambler.ru

ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА РАЗУМОВА

доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц-региона, Кольский научный центр Российской академии наук (Апатиты, Российская Федерация)
irinarazumova@yandex.ru

«Я РЕШИЛ ЖИТЬ ЗДЕСЬ...»: АДАПТАЦИЯ АЗЕРБАЙДЖАНЦЕВ В ЗАПОЛЯРНОМ ГОРОДЕ В 2010-Е ГОДЫ*

На материале интервью с азербайджанцами, которые переехали в г. Мончегорск Мурманской области в последние пять лет, выявлено, что условия проживания, сфера деятельности, круг общения, семейное положение мигрантов обеспечивают экономическую и этносоциальную стабильность. Если еще несколько лет назад мигранты ориентировались на потенциальный выезд из Заполярья в более привлекательные районы страны и на этническую родину, то сейчас малый северный город при возможности получения детьми образования становится более привлекательным, чем мегаполис.

Ключевые слова: этническая миграция, азербайджанцы, Кольский Север, малый город

Быстрый и разнообразный в этническом отношении рост населения Мурманской области к середине 1950-х годов превратил «северную пустыню» в урбанизированный регион с новыми населенными пунктами и крупнейшими предприятиями. До 1980-х годов население на Кольском Севере значительно прибывало, но уже с начала 1990-х в области начался его массовый отток. В 2000-е годы этот процесс продолжается: по данным Всероссийской переписи 2010 года, численность населения составляет 795,4 тыс. чел. (в 2002 году – 892,5 тыс. чел.) [1], [2]. Лидирующие позиции в области в 2010 году занимали русские – 642 310, украинцы – 34 268, белорусы – 12 050, татары – 5 624, азербайджанцы – 3 841 [2]. Число «кавказцев» по сравнению с 2002 годом уменьшается (в том числе и азербайджанцев, которых в 2002 году насчитывалось 4 614 чел.). Вместе с тем мы не можем однозначно утверждать о том, что произошло фактическое снижение численности закавказских этнических групп. Данные переписи свидетельствуют о наличии достаточно многочисленной группы северян, которые не указали национальную принадлежность (в 2002 году таких было 10 679, а в 2010-м – уже 73 484). Возможно, представители некоторых этнических общностей сознательно не афишируют этническую принадлежность и тем самым поддерживают закрытость своих групп. Наблюдается и новая для области тенденция – увеличение числа выходцев из Средней Азии (например, число узбеков за последний межпереписной период возросло в 3 раза).

Миграционные стратегии и тактики переселенцев, характер адаптации значительно варьируют в зависимости от статуса населенного

пункта (столичного или областного центра), процессов социально-культурной интеграции в регионе прибытия, включенности мигрантов в этнические сообщества, а также от их ориентации на постоянное или временное пребывание на новом месте [4], [5]. Настоящая статья посвящена начальному этапу обустройства этнических мигрантов в одном из малых городов Кольского Заполярья – Мончегорске. Мы использовали метод биографического интервью, сбор информации осуществлялся в мае и декабре 2013 года¹. Интервью проводились с азербайджанцами, приехавшими в Мурманскую область и г. Мончегорск не более 5 лет назад. Все информанты – мужчины, выходцы из моноэтнических семей, уроженцы Азербайджанской ССР, эмигранты различных населенных пунктов Азербайджанской Республики. Практически все состоят в браке с представительницами собственной этнической группы, и только один женат на русской женщине. Возраст опрошенных – от 30 до 48 лет.

Мигранты приезжают на Крайний Север с одной целью – заработать деньги. С учетом экономического кризиса, продолжающегося в бывших советских республиках, перспективы не только найти работу, но и больше зарабатывать в России для них очевидны. Тем не менее интервью с мончегорскими азербайджанцами показали, что в процессе адаптации к новому месту мигранты переопределяют не только цели переезда, но и поведение. Как и несколько лет назад, они не отрицают того, что приезжают на Север зарабатывать деньги, но теперь стратегической целью уже не является просто финансовое обеспечение семьи, члены которой

остались на родине. Переселенцы хотят жить со своей семьей. Типичны высказывания: «*Чтобы жизнь у детей моих была лучше*», «*Жизнь там не так, как тут*», «*Не будут же люди ехать, где плохо*». Азербайджанцы едут в Заполярье не для того, чтобы заработать в одной стране и перевести деньги в другую, они оседают на новом месте, перевозят сюда свои семьи. Соответственно, денежные средства, накопленные мигрантами, остаются в регионе. В частности, переселенцы покупают в городе квартиры.

Миграционная тактика не подвергается трансформации. Азербайджанцы продолжают приезжать к друзьям и родным, как близким, так и дальним. При этом они всегда переселяются к старшему по возрасту мужчине. Как правило, первым приезжает мужчина к уже обосновавшемуся родственнику (это могут быть отец, брат, дядя и т. д.), близкому другу или другу родственника и осваивается на новом месте. Время адаптации индивидуально, но чаще ограничивается календарным годом. Обустроившись, новосел привозит на новое место малую семью (жену и детей). Некоторые перевозят родителей или других близких родственников, но в несколько более поздние сроки. Таким образом, не только завершается цикл переездов для одной семьи и создается возможность переселения для других азербайджанцев, но и формируется семейно-родственное пространство на новом месте.

«Лучшая жизнь» – общее условие переезда, которое мигрант определяет не только для себя, но и для близких, в первую очередь детей. Можно предположить, что уже на этапе принятия решения о семейной миграции потенциальный переселенец планирует, как и где будет учиться его ребенок. Он решает, в каких условиях детям лучше адаптироваться так, чтобы потом выросший в России азербайджанец смог воплотить мечты родителей: поступить в престижное учебное заведение, получить специальность, повысить свой собственный и семейный статус.

Переезд к старшему и, как правило, успешному в финансовом отношении родственнику – одна из самых распространенных моделей миграционного поведения в постсоветский период. Принимающая сторона не только информирует потенциального или вновь прибывшего мигранта о новом месте, его природно-климатических, экономических, этносоциальных и других особенностях. Старший родственник оказывается единственным человеком, который курирует новичка в первое время. Эта опека, конечно, не бескорыстна. Нередко новые переселенцы работают у (или на) тех, кто их пригласил. Видимо, все условия обговариваются до переезда. Принимающий делится опытом, сведениями о городе, социальном окружении, устраивает на работу переселенца, а тот предоставляет нанимателю право решать его профессиональное будущее.

В жизни приезжего многое зависит от статуса, места работы, социальной адаптированности и финансового благополучия принимающего родственника. Есть и другие факторы, которые могут повлиять на успешность закрепления мигранта. Среди них особое место занимают степень родства и возраст самого приезжего и его родственника, знание и владение русским языком, место выезда мигранта (село или город). По всей видимости, сфера деятельности «местного» родственника не имеет принципиального значения, важны его известность среди азербайджанцев и вовлеченность в социальные сети города. Как сказал один из информантов: «*Тут тоже так все устроено, ближе родственник – лучше работа*» (М., 1980 г. р.)². Таким образом, формируются этнические референтные группы, члены которых, подобно старейшинам в традиционном обществе, определяют возможности трудоустройства и количество потенциальных мигрантов.

Самым популярным местом работы среди мончегорских азербайджанцев остается рынок. Товары не отличаются разнообразием. Азербайджанцы специализируются на торговле одеждой или фруктами-овощами. По их мнению, торговать вещами более престижно, поскольку в этом бизнесе не так много грязной работы, как в торговле овощами и фруктами (не надо перебирать портящиеся продукты и т. п.). Приехавшие помогают своим нанимателям, занимают места продавцов, их оставляют «вместо себя». Начиная с должности продавца, мигранты стремятся создать свою торговую точку. При этом они не отгораживаются от своего попечителя, рабочие отношения с родственником сохраняются. У них может быть общий водитель или даже один поставщик товара, но у мигранта появляется возможность «работать на себя», то есть попробовать самому стать бизнесменом.

Кроме занятия торговлей, азербайджанцы включаются в сферу услуг (шашлычные, рестораны и пр.), создают ремесленные мастерские по ремонту обуви, пошиву одежды. Такие виды деятельности требуют профессионализма, поэтому считаются более престижными. Они предполагают больше свободы, и работают здесь, как правило, члены семьи – дети, племянники, братья. Адаптированные азербайджанцы дают старт приезжим, помогают им на первом этапе обустройства, но не гарантируют дальнейшего продвижения. Если переселенец планирует карьерный рост, он вынужден отделяться и создавать свой бизнес, занимая место в определенной сфере.

Многoletняя и отработанная схема переселения этнических мигрантов с родины на новое место претерпевает изменения. Исследования, которые проводились Центром гуманитарных проблем Баренц-региона в малых городах Мур-

манской области в период с 2004 по 2009 год, показали, что мигранты проживали у обосновавшихся родственников исключительно на первых порах, а затем «дядя» (старший родственник-мужчина) исчезал из биографического сюжета [3]. Как правило, вначале переезжал глава семьи, накапливал средства на приобретение собственного или съемного жилья и только тогда решался на переселение остальных членов семьи. Сейчас ситуация несколько изменилась. Обустроенные родственники по-прежнему мотивируют к переезду и предоставляют его возможность, но далеко не все готовы принимать новых жильцов в своем доме: *«Все равно, хоть и к брату переехал, живем мы все-таки в общежитии пока, как переехали, так и живем, хочется квартиру, конечно, но еще не заработал, конечно, но думаю, в ближайшие года переедем в квартиру куда-нибудь»* (М., 1973 г. р.). Некоторые живут в семье принимающего родственника, но и им приходится в сжатые сроки решать жилищную проблему. Кто-то, в надежде на близкие отношения, перевозит к родне свою семью, но потом понимает, что сосуществование двух семей в одном пространстве невозможно, и переезжает в общежитие: *«Когда только приехал, жил у брата, но не мог же я постоянно с ним и его семьей жить. Начал работать. Как деньги начал получать, решил искать жилье. Конечно, квартиру многокомнатную не снять мне было, нашел место в общежитии»* (М., 1970 г. р.). Бытовые условия совместного проживания рассматриваются как непривлекательные и создающие проблемы для жизни семьи. Многие мигранты делают выбор в пользу общежития, аргументируя его потребностью жить отдельно и не надоедать своим присутствием родственнику-покровителю. На вопрос интервьюера: «Вы ему (племяннику, которого настраивает на переезд. – О. З., И. Р.) будете здесь помогать с работой, квартирой, например?», – мигрант не отвечает утвердительно. Он не желает предоставлять жилищную поддержку молодому родственнику: *«Советом помогу, работу предложу, может, ко мне пойдет, поможет, чем, может, еще куда... потому что всем же мы не поможем, всем, что они хотят»* (М., 1966 г. р.). Главная задача принимающих – помочь землякам переехать и встать на ноги, но не обеспечивать им бытовые удобства. Возможно, переехавшие в советский период азербайджанцы пытаются таким образом показать новоселам сложности адаптации, а не создавать им комфортную среду. По существу, мы имеем дело с частным случаем «глобального» социально-исторического процесса: тенденцией к «приватизации» частной жизни человека и малой семьи, их стремлением к автономному существованию даже в условиях плотных родственных сетей. Рассматриваемый случай адаптации этнических мигрантов в отдаленном от их родины регионе

демонстрирует, что эта тенденция затрагивает даже этнические группы с устойчивыми «общинными» связями.

Пребывание в общежитии коснулось каждого второго азербайджанца. По всей видимости, в общежитии мигранты взаимодействуют только со «своими» – они редко общаются с соседями, с некоторыми стараются вообще не контактировать. Объяснение одно – социальная среда общежития: *«Соседи есть, но я с ними не очень разговариваю, пьют они все»* (М., 1970 г. р.). Беседа с азербайджанцами показала, что социально неблагополучное соседство в общежитии лишает их возможности устанавливать дружеские отношения с местным населением. В результате за пределами рабочего пространства приезжие продолжают общаться исключительно с представителями своей этнической группы. Таким образом, самостоятельное и отдельное проживание мигрантов, с одной стороны, предоставляет потенциальную независимость и позволяет не ограничивать круг общения, а с другой стороны, не дает реальной возможности завязать новые контакты и принимать помощь от соседей в силу особенностей окружения и бытовых условий в общежитии.

Когда речь заходит о трудностях привыкания к новому месту, в первую очередь мигранты-южане отмечают непривычные природно-климатические условия. На втором и третьем местах соответственно коммуникативные и жилищно-бытовые проблемы. Сложности в общении приезжие связывают с незнанием или слабым знанием русского языка. Оно отличает молодых мигрантов от тех, кто учился в школе в советский период, когда русский язык хорошо преподавался и шире использовался, особенно в городах Азербайджана. Из-за русского языка, считают мигранты старшего поколения, сужается круг общения молодых мигрантов, они взаимодействуют только с представителями своей этнической группы, довольствуясь общением с местными жителями на рабочем месте.

В монопрофильном Мончегорске продолжает работу один из гигантов северной промышленности – комбинат «Североникель». Работа на комбинате среди местного населения считается престижной. Мигранты-азербайджанцы практически не рассматривают такую перспективу. Главный аргумент – низкий заработок на производстве: *«Я так скажу, что дело все в деньгах, мне дядя платит больше, чем там бы я получал... А так я и родственнику помогаю, и деньги получаю, и график работы не строгий, прихожу, если скажут, когда надо, не надо – прихожу попозже»* (М., 1980 г. р.). Экономическое пространство города, таким образом, сегментируется: местные работают на предприятии, мигранты создают и осваивают новые рабочие места. Несмотря на отсутствие у мигрантов стремления

работать на производстве, по их мнению, местные жители обеспокоены тем, что приезжие могут отнять у них рабочие места. Азербайджанцы предполагают, что это служит основанием для скрытой недоброжелательности по отношению к ним: *«Любить нас не за что, как и ненавидеть, но может, думают некоторые, что, мол, торгуем здесь, у себя не можем, и работаем вместо них»* (М., 1970 г. р.).

Азербайджанцы не чувствуют себя ущемленными на новом месте, они считают, что улучшили свое материальное положение уже тем, что переехали в Мончегорск. А жилищные проблемы – это временные трудности, и в ближайшей перспективе у них будет достаточно средств, чтобы справиться с ними. Подтверждением такой оптимистичной позиции является переезд в Мончегорск вместе с семьей, без предварительного решения жилищного вопроса ее главой. Кроме того, приезжие покупают квартиры в кредит, что также указывает на желание осесть в выбранном месте.

Современные мигранты считают, что увеличение существующих доходов возможно только по достижении более высокого статуса и при наличии образования, которого они, как правило, не имеют. Все информанты, участвовавшие в исследовании, получили среднее специальное образование на родине. Кто-то работает по специальности, но большинство ушли в торговлю. У некоторых есть родственники, которые работают на высокооплачиваемых должностях, однако сами переселенцы пока не рассматривают возможность проникнуть в новое рабочее пространство, прежде всего из-за отсутствия образования. Они задаются вопросом: необходимо ли на новом месте вообще какое-либо образование? Опыт жизни на родине показал, что наличие специальности не спасает от нищеты: *«...там, в Азербайджане, я был механиком простым, жил на маленькие деньги, а тут к брату переехал... заработок тут больше получается у меня, и жить тут спокойнее»* (М., 1970 г. р.).

Оценивая свое настоящее положение, переселенцы делают вывод, что зарабатывают достаточно, чтобы обеспечить будущее семьи. В поддержании существующего экономического статуса отсутствие образования не играет существенной роли. Оно во многом компенсируется социальной активностью и бытовой заинтересованностью. Мигранты считают, что, преодолев несколько тысяч километров и переместившись с юга на север, они получили реальное представление о Заполярье, расширили свой кругозор, приобрели новый опыт. Вместе с тем среда, в которой приобретаются новые знания, по-прежнему ограничивается этнической группой. По сообщениям информантов, их знакомые и родственники в Азербайджане уговаривают свою молодежь съездить на север, посмотреть,

как живут земляки, научиться у них говорить по-русски и т. д.

Если сами мигранты не претендуют на высокие должности и престижные профессии, то для детей получение высшего образования они считают обязательным. Размышляя о возможности своего ребенка, думают о вузе, в который хотели бы его определить. Перспектива столичного обучения не привлекает мончегорских мигрантов. В их представлениях присутствует легко узнаваемый образ «испорченной столицы». Один из информантов прямо высказал опасение, что пребывание в столице отрицательно повлияет на его воспитанного ребенка: *«...только не в Москву, я не разрешу ему туда... Не нравится мне этот город, я там как-то был, он мне не понравился, не знаю, просто какой-то он не настоящий, я не хочу, чтобы жизнь мне сына испортила, он воспитан хорошо, но может быть разное, ситуации там, мне кажется, что Москва его испортит»* (М., 1966 г. р.).

Самый серьезный барьер для полноценной адаптации представляет взаимодействие мигрантов с этническим большинством города – русскими. По мнению мигрантов, главной причиной недоверия остается представление о «кавказцах» как преступниках и террористах, сформированное во многом благодаря СМИ: *«Как телевизор ни посмотришь, то наркотики там продают, то еще что, национальностей много похожих, никто не разбирает»* (М., 1978 г. р.); *«Террористы там разные, наркотиками торгуют, грабят там, наверное, так некоторые про нас думают»* (М., 1970 г. р.); *«Думают, украдем что, или еще чего. Милиция постоянно наших трясут, наркотики находят, да и если что, всегда на нас думают»* (М., 1970 г. р.).

Прожив в Мончегорске не более 5 лет, а некоторые и менее года, азербайджанцы не стремятся вернуться на родину. Эта установка отличает современных переселенцев от мигрантов начала перестройки. Они периодически ездят в родные места в отпуск, но жить предпочитают в Мончегорске: *«Здесь я больше имею. На родину я и так езжу»* (М., 1970 г. р.); *«Семья здесь, все здесь, не поеду туда назад»* (М., 1965 г. р.); *«Да я теперь останусь здесь, я девушку нашел»* (М., 1980 г. р.). Возвращению препятствуют наличие семьи, которую и так уже однажды перевезли на новое место жительства, а также возможность создания собственной семьи в Мончегорске. И даже климатическая привлекательность «солнечного Азербайджана» существенно не влияет на принятое решение. Некоторые азербайджанцы перевозят родителей в северный город. Семья является определяющим фактором окончательного решения остаться на севере, отказа от дальнейшей или возвратной миграции. Приобретенное финансовое положение и бытовые удобства (развитость городской инфраструктуры в месте прибытия)

утверждают переселенцев в намерении укорениться: «Здесь мы в квартире живем, топить печь не надо, батареи греют» (М., 1970 г. р.).

Таким образом, не только экономическую, но и этносоциальную стабильность обеспечивают условия проживания, сфера деятельности, круг общения, семейное положение мигрантов. Еще несколько лет назад новые мигранты были ориентированы на потенциальный выезд из Заполярья в другие, более привлекательные районы страны и на этническую родину. Сейчас си-

туация изменилась. Малый северный город при возможности получения детьми образования становится более привлекательным, чем мегаполис: «Я хотел денег заработать и жить лучше, поэтому я и жену, и детей быстро перевез, чтоб учились здесь. Гражданство чтобы получить, это же небольшой город, здесь с этим легче. Вот те, кто в Москву едут, им плохо. На работу не берут, все незаконно у них получается, обманывают. А здесь мы вместе, друг на друга работаем, живем хорошо...» (М., 1970 г. р.).

* Статья написана при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №14-06-98805_р_север_а «Северяне-“старожилы” и северяне-“мигранты”: миграционный опыт и коммуникационные сети современных жителей Мурманской области».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сбор информации осуществлялся по разработанной авторами методике студентом 5-го курса гуманитарного факультета Кольского филиала ПетрГУ М. А. Лукиным.

² Здесь и далее приводятся выдержки из интервью. В скобках указан пол информанта и год рождения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Всероссийская перепись населения 2002. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. Население по национальности и владению русским языком по субъектам Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17>
2. Всероссийская перепись населения 2010. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. Население по национальности и владению русским языком по субъектам Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
3. З м е е в а О. В. «Новый дом» вдаль от родины: этнические мигранты на Кольском Севере. Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН, 2011. 95 с.
4. К у з н е ц о в И. М. Мигранты в мегаполисе и провинции: вариативность реализации интеграционного потенциала // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. М. К. Горшков. Вып. 7. М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 273–288.
5. К у з н е ц о в И. М. Средовые факторы формирования социально-культурной дистанции в мегаполисе. Официальный сайт ИС РАН, 2010 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.isras.ru/publ.html?id=1966>

Zmeyeva O. V., Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences (Apatity, Russian Federation)
Razumova I. A., Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences (Apatity, Russian Federation)

“I HAVE DECIDED TO LIVE HERE...”: ADAPTATION OF AZERBAIJANI IN NORTHERN TOWN IN 2010s

The research was conducted based on the materials obtained from the interviews with the Azerbaijani that moved to Monchegorsk in the last 5 years. The authors of the article revealed that accommodation, fields of activity, circles of friends, and family status of the interviewed migrants provide for the economic and ethno-social stability. Several years ago, Azerbaijani migrants were oriented toward potential departure from the polar region to more attractive areas of the country or their ethnic homeland. Today this small northern city is turning into a more attractive territory than metropolis due to the city's ability to provide high quality education for children.

Key words: ethnic migration, Azerbaijanis, Kola North, small town

REFERENCES

1. *Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2002. T. 4. Natsional'nyy sostav i vladenie yazykami, grazhdanstvo. Naselenie po natsional'nosti i vladeniyu russkim yazykom po sub'ektam Rossiyskoy Federatsii* [All-Russia population census 2002. Vol. 4. National structure and language, citizenship. The population on a nationality and possession of Russian language for the subjects of the Russian Federation]. Available at: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17>
2. *Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2010. T. 4. Natsional'nyy sostav i vladenie yazykami, grazhdanstvo. Naselenie po natsional'nosti i vladeniyu russkim yazykom po sub'ektam Rossiyskoy Federatsii* [All-Russia population census 2010. Vol. 4. National structure and language, citizenship. The population on a nationality and possession of Russian language for the subjects of the Russian Federation]. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
3. Z m e y e v a O. V. “Novyy dom” vdali ot rodiny: etnicheskie migranty na Kol'skom Severe [“The new home” far away from motherland: ethnic migrants in the Kola North]. Apatity, Kola Science Centre RAS Publ., 2011. 95 p.
4. K u z n e t s o v I. M. Migrants in the city and province: variability implementation of the integration potential [Migrants v megapolise i provintsii: variativnost' realizatsii intergatsionnogo potentsiala]. *Rossiya reformiruyushchayasya. Ezhegodnik* [Russia is reforming. Yearbook]. Vol. 7. Moscow, 2008. P. 273–288.
5. К у з н е ц о в И. М. Средовые факторы формирования социально-культурной дистанции в мегаполисе [Environmental factors of formation of socio-cultural distance in the city]. Available at: <http://www.isras.ru/publ.html?id=1966>

Поступила в редакцию 17.06.2014

ИРИНА ВИКТОРОВНА ШОРОХОВА

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории исторического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
ivikshor@yandex.ru

«СТИРАНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ» В ТЕАТРАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ КАРЕЛИИ В 1950-Е – НАЧАЛЕ 1960-Х ГОДОВ (НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ ФИНСКОГО ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА)*

Целью статьи является изучение реализации политики по сокращению государственного финансирования искусства и стиранию национальных особенностей советской культуры в Карелии в конце 1950-х – первой половине 1960-х годов. На основе анализа архивных источников исследованы последствия объединения Музыкально-драматического и Финского драматического театров республики для театрального искусства края. Дается положительная оценка борьбы карельской творческой интеллигенции для сохранения и развития финноязычной культуры региона.

Ключевые слова: Финский театр, национальная культура, государственное финансирование искусства, творческая интеллигенция

Задача сохранения национальной культуры традиционно относится к числу наиболее сложно решаемых проблем в любом полиэтничном обществе, требуя от властей осторожного и взвешенного подхода к сохранению и развитию национальной культуры региона.

В 1950-е – первой половине 1960-х годов финноязычная культура республики переживала сложный период. Единственным профессиональным театром Карелии, работавшим на финском языке, был Государственный Финский драматический театр. Созданный в начале 1930-х годов, он имел непростую историю. Несколько раз театр закрывали. Потом вновь собирали актеров из любительских драмкружков и студий. В начале пути труппа состояла в основном из финнов, эмигрировавших из Америки, Канады и Финляндии. Творческий коллектив театра значительно пострадал от репрессий 1930-х годов. В это время после ликвидации ленинградского Финского театра в Петрозаводск приехали Е. Томберг и В. Суни, ставшие вскоре ведущими актерами республики. Вернулись в состав труппы уволенные ранее по политическим мотивам К. Севандер и Т. Ромппайнен [1; 59].

К началу 1950-х годов Финский театр имел сильную труппу и разнообразный репертуар. В 1957 году творческий коллектив Финского театра пополнился выпускниками карельской студии Ленинградского театрального института имени А. Н. Островского. Они определили лицо театра на многие годы. Это были такие известные в Карелии актеры, как Р. Паули, Е. Корнилова, Т. Хайми, Э. Берг, П. Микшиев, В. Мальми, В. Халл и др. С их приходом для театра открылись новые возможности по реализации постановок более высокого уровня и качества. Театральный коллектив Финского драматического

театра в 1952 году состоял из 82 человек. Из них 64,6 % являлись финнами и 13,4 % карелами по национальности. Русских актеров в труппе театра насчитывалось 19,5 %¹. К началу 1960-х годов доля актеров-финнов почти не изменилась и составила 63,6 %, а число карелов в составе труппы увеличилось до 25 %. При этом сократилось количество русских актеров до 9 %².

Труппа Финского театра состояла из признанных обществом и государством талантливых актеров и режиссеров. Среди них были заслуженные деятели искусства РСФСР (В. Суни, С. Туорила) и КАССР (Ф. Линдхольм), народные артисты РСФСР (Т. Ромппайнен, Т. Ланкинен, одна из основательниц театра Д. Карпова), заслуженные артисты Карелии (Э. Хиппелайнен, Г. Роутту, С. Бочарникова, М. Любовин), народный артист Карелии Ю. Хумппи³. Театр по праву мог гордиться первой в Карелии народной артисткой СССР, удостоенной звания лауреата Сталинской премии, Е. Томберг.

Все спектакли театра шли на финском языке с дикторским переводом на русский. Основная часть труппы Финского драматического театра являлась носителями финского языка, поэтому у театра не возникало трудностей с переводами пьес на финский язык. Театр находился в постоянном поиске своего оригинального репертуара. Его разнообразие стало отличительной особенностью театра. Актеры следили за репертуаром столичных театров. Если спектакль успешно шел в Москве или Ленинграде, его почти всегда мог увидеть зритель Карелии в исполнении артистов республики.

Национальный театр показывал много спектаклей по классическим произведениям. Предпочтение отдавалось М. Горькому. Интересными были постановки и по пьесам национальных драматур-

гов Советского Союза. За период с 1950 по 1965 год на сцене Финского театра были поставлены спектакли по пьесам украинских, белорусских, эстонских, латышских, туркменских авторов. Постановка в 1954 году спектакля «Сын рыбака» по мотивам одноименного романа латышского писателя В. Лациса произвела на современников большое впечатление и «стала предметом обсуждения в учебных заведениях, учреждениях, предприятиях Петрозаводска» [9; 123].

Театральный коллектив сотрудничал и с карельскими драматургами. Только за 1956–1960 годы на сцене Финского театра было поставлено три спектакля о жизни карельского народа: «Глушь пробуждается» по пьесе Н. Яккола и Т. Ланкинена, «Бессмертные звезды» (или «Это случилось в Карелии») А. Иванова и «Хозяйка леса» по пьесе В. Бабич и Е. Палечек [1; 62]. Театром впервые в СССР были поставлены спектакли по финской пьесе Х. Вуолийоки «Женщины Нискавуори» (1956) и драме М.-А. Нексе «Люди с Дангора» (1955). Они впоследствии с успехом вошли в репертуары многих театральных коллективов страны [6; 12]. Особенно хорошие отклики зрителей получил последний спектакль. Его показывали на сценах Карелии, Латвии, Эстонии, Москвы и Финляндии. Постановку «Люди с Дангора» транслировали по телевидению [10; 62].

В 1959 году на Декаде карельского искусства и литературы в Москве критики высоко оценили спектакль театра по пьесе А. Киви «Сельские сапожники». Эту постановку отнесли к числу таких работ, которыми «мог бы гордиться любой национальный театр» [4; 12]. «Подкупающая искренность – самое привлекательное в искусстве простого и умного Финского театра Карелии», – так оценила работу театра театральный критик Е. Полякова на страницах «Литературной газеты» от 29 августа 1959 года.

В 1950-е – начале 1960-х годов в театральной жизни Петрозаводска и Карелии Финский театр занял особую нишу. Его спектакли всегда отличало стремление к углубленному пониманию человека, психологическому анализу его состояния. Критики, анализировавшие особенности творческого почерка театра, неоднократно отмечали немногословность, сдержанность, своеобразный «лаконизм выражения» при большом внутреннем накале и напряженной работе мысли [7; 32]. Особенностью всех постановок театра являлось стремление артистов и режиссеров больше доверять зрителю, давать ему пищу для самостоятельных размышлений об увиденном на сцене⁴.

В рассматриваемый период времени Финский театр не выезжал за пределы СССР. Но о его творчестве хорошо знали жители Финляндии. В 1956 году одна из начинающих актрис театра рассказывала о том, что, работая летом

переводчицей, смогла пообщаться с финскими туристами. Артистка отметила, что «разные слои финнов просят прислать в Финляндию наш театр»⁵. Оказалось, что в соседней стране слушали трансляции радиоспектаклей театра из Петрозаводска. Финская публика полюбила театр и хотела не только слышать его постановки, но и увидеть.

Финский драматический театр развивался успешно и динамично. За тридцать лет существования на сцене театра прошло 200 премьер, более 500 спектаклей. Театр посетили около 3 млн зрителей⁶. К середине 1950-х годов национальный театр стал пользоваться огромной популярностью у карельского зрителя. «Все чаще у кассы Карело-Финского государственного драматического театра появлялась надпись “На сегодня все билеты проданы”», – отмечали современники [8; 123]. Но в середине 1950-х годов театр столкнулся с серьезной проблемой. Начался процесс «сокращения национального зрителя»⁷. Доля русскоговорящего населения республики неуклонно возрастала. При этом уменьшалось число носителей финского и карельского языков, способных понимать, говорить и читать на родном языке. Доля карел в национальном составе Карелии с 1939 по 1959 год сократилась с 23 до 13 %, вепсов – с 2 до 1,1 %. Немного увеличилось число проживавших на территории республики финнов. Их доля от общего числа населения Карелии в 1959 году составила 4,2 % против 1,7 % в 1939 году⁸. Эти процессы сопровождалась притоком молодого поколения финнов и карел в города республики и утратой ими национальных традиций и языка [2; 133].

В 1954 году началось сужение функций финского языка в республике. А в 1956 году изменился государственный статус Карело-Финской ССР. Руководство образованной Карельской автономной советской социалистической республики сменило вектор ориентации культуры края на русскоговорящее население. С 1956 по 1963 год в школах и вузах Карелии не велось преподавание национальных языков. Это привело к тяжелым последствиям для сохранения национального наследия республики. В начале 1960-х годов в СССР начала осуществляться политика по стиранию национальных особенностей советского народа и жесткой экономии государственных средств. Так, повсеместно сокращение расходов на содержание учреждений искусства выразилось в урезании штатного расписания театров, снятии или сокращении государственных дотаций театральных коллективов РСФСР [11; 29].

В 1963 году в журнале «Театр» была опубликована статья Ф. Евсеева о государственной дотации театрам страны. В ней особое внимание было уделено положению национальных театров автономных республик. Мы полагаем, что

эта статья, отразившая политическую тенденцию на стирание национальных особенностей в культуре Советского Союза и экономию средств на ее развитие, сыграла важную роль в решении республиканских органов власти об объединении театральных трупп в Карелии. В статье отмечалось, что национальные театры «получают довольно крупную сумму дотации». Она составляла 30 % всей государственной дотации театрам страны. При этом Ф. Евсеев привел данные о том, что повсеместно посещаемость национальных театров была очень низкой: всего 45–50 %. В статье отмечалось, что «в ряде республик национальные театры для увеличения доходов дают спектакли на русском языке» [5; 86]. Основной смысл статьи сводился к тому, что национальные театры никому не нужны. Зритель не ходил на спектакли, поставленные на национальных языках, но эти театральные коллективы поглощали огромные государственные средства. Решение проблемы, по мнению автора, лежало в объединении национальных театральных коллективов с обычными театрами республик [5; 92].

В целях экономии бюджета в начале 1960-х годов по всему Советскому Союзу прошли объединения дирекций театров. Многие национальные театры республик были либо закрыты, либо объединены с театрами, работавшими на русском языке [3; 39]. В Карелии политика по сокращению расходов на содержание искусства и стремление к «стиранию национальных особенностей» советской культуры выразились в объединении в 1963 году Финского драматического и Музыкально-драматического театров под единое руководство с сохранением за Финским театром его названия. За несколько месяцев существования объединенной дирекции национальный театр республики оказался в глубоком кризисе. В 1963 году секретарь партийной организации Финского театра В. Халл обратил внимание на то, что в Карелии «рановато приступили к стиранию национальных культур»⁹. После объединения большой Музыкально-драматический театр фактически поглотил Финский. Он стал существовать на правах меньшего брата. Активный борец за возвращение независимости театра артист С. Туорила обращал внимание на «неправильное отношение со стороны руководства объединенной дирекции» к актерам финской труппы. Материалы на ее постановки выделялись в последнюю очередь, после удовлетворения нужд Музыкально-драматического театра¹⁰. До объединения технический персонал национального театра состоял в основном из финнов. Они соблюдали порядок и чистоту в хранении реквизита и были очень педантичны в этом вопросе. После объединения весь реквизит Финского театра стал использоваться и опереттой, и балетом, и драмой Музыкально-драматического

театра. При этом «не было никакого порядка и учета». Все декорации и реквизит «быстро растащили и привели в негодность»¹¹. Финскому театру фактически не давали работать. Руководство объединенными труппами в два раза уменьшило количество сезонных премьер для Финского театра, практически не организовывало его выезды на гастроли. Поскольку здание театра с 1961 года находилось в ремонте, финской труппе иногда разрешали играть на сцене Филармонии. В 1963 году театр лишили и этой возможности; хотя в Петрозаводске были и клубы, и Дворцы культуры, на их сценах труппе Финского драматического театра играть не давали. В сезоне 1961–1962 годов Финский театр дал всего 11 спектаклей в Петрозаводске, а в 1963 году жители столицы Карелии не увидели ни одной постановки театра¹². Финской труппе не хватало денег на оформление спектаклей. Уменьшение количества премьер, выбор пьес без сложного оформления привели к «творческому спаду коллектива»¹³. В результате проведенного объединения театров дотация на финскую труппу сократилась на 25 %, а ее творческий состав уменьшился с 35 до 27 человек¹⁴. Театр потерял перспективных актеров. «Сейчас, – говорил в своем выступлении на собрании актеров Финского театра в декабре 1963 года С. Туорила, – коллектив театра морально удручен. Люди ждут (особенно молодежь), что будет завтра»¹⁵. Объединение трупп нарушило нормальную работу театра. Одна из лучших его актрис Д. Карпова выразила состояние труппы: «Мы устали духовно и морально»¹⁶. «Создалась реальная угроза, что талантливый высококвалифицированный коллектив... просто перестанет существовать», – отмечено в открытом письме писателей и актеров Карелии¹⁷. Актриса Э. Хиппелайнен недоумевала о причинах, толкнувших руководство республики на ликвидацию национального своеобразия театральной жизни Карелии, отмечая, что «в республике мало национального зрителя, но многие русские зрители любили и посещали наш театр. Сейчас мы растеряли этого зрителя»¹⁸. Д. Карпова обращала внимание руководителей республики на то, что «на выездных спектаклях мы зарабатываем лучше русской труппы. В разговорах со зрителями видно, что наш театр пользуется уважением. В том числе и у постоянного русского зрителя. В деревнях всегда будут говорить по-карельски, и наше искусство им нужно»¹⁹.

Актеры Финского театра начали долгую борьбу за его возрождение. К отстаиванию права национального театра республики на независимое существование подключились и национальные писатели. 10 января 1964 года артисты Финского драматического театра Е. Томберг, С. Туорила, Д. Карпова и писатели Карелии А. Тимонен, У. Викстрем, П. Борисков, Я. Ругоев, Р. Корнев

написали открытое письмо «Что случилось с нашим театром»²⁰. Оно стало итогом многократных обсуждений проблемы объединения театров Карелии и безрезультатных обращений к руководству республики. Это был крик отчаяния национальной художественной интеллигенции Карелии в надежде, что общество услышит и сможет предотвратить уничтожение национальной театральной культуры в республике. Артисты театра и писатели республики обращались за помощью в Министерство культуры КАССР и в обком партии. Их впечатления от борьбы за сохранение национальной культуры Карелии точно выразил писатель П. Борисков: «Меня, русского, удивляет такое отношение наших руководителей республики к Финскому театру. Заведомо желая вредить коллективу, и то трудно так поступать»²¹. Актриса Э. Хиппелайнен была обеспокоена тем, что в результате такой национальной политики «наше национальное своеобразие» может быть утеряно. Актер М. Любовин так выразил чувства творческой интеллигенции Карелии: «Наши национальные чувства оскорблены!»²² После бесплодных переговоров с руководством Карелии о восстановлении самостоятельности Финского

театра актеры и писатели республики были вынуждены обратиться за помощью в Министерство культуры РСФСР и Союз писателей РСФСР. В Москву была отправлена делегация актеров во главе с Е. Томберг. Вскоре из столицы пришел приказ о разделении театров. В 1965 году коллектив Финского драматического театра получил свое отремонтированное здание. Изменению положения театра в республике способствовало развитие его творческих связей с Финляндией в последующие годы. Актриса театра Е. Корнилова отмечала, что успех Финского драматического театра в соседней стране «заставил местные власти поддерживать его»²³. Разговоров о его закрытии больше не возникало. Невозможно представить современную Карелию без Национального театра. Неоспорим вклад его коллектива в культурную самобытность республики. Сегодня театр существует во многом благодаря проявленной в первой половине 1960-х годов сплоченности и настойчивости его артистов, финских и карельских писателей и всех неравнодушных к сохранению национальной культуры и языка в Карелии.

* Исследование выполнено при поддержке Программы стратегического развития (ПСР) ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. Р-3065 (Фонд Государственного Финского драматического театра). Оп. 1. Д. 5/67. Л. 1.
- ² НА РК. Ф. Р-3065. Оп. 1. Д. 12/157. Л. 1–4.
- ³ НА РК. Ф. Р-3065. Оп. 1. Д. 14/179. Л. 6–7.
- ⁴ НА РК. Ф. Р-3065. Оп. 1. Д. 15/184. Л. 8.
- ⁵ НА РК. Ф. П-447 (Фонд партийной организации Финского драматического театра). Оп. 1. Д. 13. Л. 33.
- ⁶ НА РК. Ф. Р-243 (Фонд С. В. Колосенка). Оп. 1. Д. 73. Л. 1.
- ⁷ НА РК. Ф. П-447. Оп. 1. Д. 13. Л. 22.
- ⁸ Карельская АССР. 60 лет: Статистический сборник. Петрозаводск: Карелия, 1980. С. 8.
- ⁹ НА РК. Ф. Р-243. Оп. 1. Д. 77. Л. 20.
- ¹⁰ НА РК. Ф. Р-243. Оп. 1. Д. 77. Л. 19–20.
- ¹¹ Запись беседы с Е. П. Корниловой, сделанная И. В. Шороховой.
- ¹² НА РК. Ф. Р-243. Оп. 1. Д. 77. Л. 16.
- ¹³ НА РК. Ф. Р-243. Оп. 1. Д. 77. Л. 17.
- ¹⁴ НА РК. Ф. Р-243. Оп. 1. Д. 77. Л. 18.
- ¹⁵ НА РК. Ф. Р-243. Оп. 1. Д. 77. Л. 17.
- ¹⁶ НА РК. Ф. Р-243. Оп. 1. Д. 77. Л. 16.
- ¹⁷ НА РК. Ф. Р-243. Оп. 1. Д. 73. Л. 4.
- ¹⁸ НА РК. Ф. Р-243. Оп. 1. Д. 77. Л. 17.
- ¹⁹ НА РК. Ф. Р-243. Оп. 1. Д. 77. Л. 18.
- ²⁰ НА РК. Ф. Р-243. Оп. 1. Д. 73. Л. 1–5.
- ²¹ НА РК. Ф. Р-243. Оп. 1. Д. 77. Л. 17.
- ²² НА РК. Ф. Р-243. Оп. 1. Д. 77. Л. 20.
- ²³ Запись беседы с Е. П. Корниловой, сделанная И. В. Шороховой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А да м о в и ч И. В. Власть и художественная интеллигенция Карелии в 1950-е – первой половине 1960-х гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2005. 259 с.
2. Б и р и н В. Н. Демографическая ситуация у карел Карельской АССР в 1950–1980-е гг. // Карелы. Финны. Проблемы этнической истории: Сборник статей и докладов. Вып. XVI. М., 1992. С. 128–139.
3. Б о р т н и к о в С. Д. Театральное искусство Сибири в 1960–1985 гг. // Мир науки, культуры, образования. 2007. № 4 (7). С. 39–47.
4. Государственный Орден Дружбы народов финский драматический театр. Петрозаводск, 1984. 50 с.
5. Е в с е е в Ф. Поговорим о дотации // Театр. 1963. № 5. С. 82–94.
6. К и й р а н е н В. Государственный Финский драматический театр. Петрозаводск: Карелия, 1972. 123 с.

7. Колосенок С. В., Митрофанова М. М. Ее биография – театр. Очерк о творческом пути народной артистки СССР Е. С. Томберг. Петрозаводск: Карелия, 1984. 86 с.
8. Никитин П. В дружбе с драматургией братских народов // На рубеже. 1955. № 1. С. 123.
9. Никитин П. Е. Театр края Калевалы. Творческий путь Государственного Ордена Дружбы народов Финского драматического театра. Петрозаводск: Карелия, 1985. 136 с.
10. Туорила С. А. На жизненном пути. Воспоминания. Петрозаводск: Карелия, 1981. 93 р.
11. Шорохова И. В. К вопросу о государственном финансировании театрального искусства в Карелии в конце 1940-х – первой половине 1960-х гг. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. «Общественные и гуманитарные науки». 2014. № 1 (138). С. 29–34.

Shorokhova I. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

“OBLITERATION OF NATIONAL TRAITS” IN KARELIAN THEATRICAL ART IN 1950s – BEGINNING OF 1960s (ON THE EXAMPLE OF FINISH DRAMA THEATRE)

The objective of the article is to study realization of the State policy aimed at reduction of Karelian arts' funding and eradication of national peculiarities inherent to Karelian culture at the end of the 1950s – the first half the 1960s. Based on the analysis of archival sources the author investigated the effects of the merger of the Finnish Drama Theatre and the Music and Drama Theatre on theatrical art of the region. Positive assessment of the fight given by the local arts' intelligentsia in favor of Finish culture preservation and development is presented.

Key words: Finnish Drama Theatre; national culture, state financing of art, creative intelligence

REFERENCES

1. Adamovich I. V. *Vlast' i khudozhestvennaya intelligentsiya Karelii v 1950-e – pervoy polovine 1960-kh gg.: Diss. ... kand. ist. nauk* [Authorities and creative intelligentsia in Karelia in the 1950s – the first half of the 1960-s: Diss... candidate of historical sciences]. Petrozavodsk, 2005. 259 p.
2. Birin V. N. Demographic situation in KASSR in the 1950s – 1980s [Demograficheskaya situatsiya u karel Kareliyskoy ASSR v 1950-e – 1980-e gg.]. *Karely. Finny. Problemy etnicheskoj istorii: Sbornik statej i dokladov* [Karels. Finns. Problems of ethnic history. Collection of articles and reports]. Edition XVI. Moscow, 1992. P. 128–139.
3. Bortnikov S. D. Theatre Arts in Siberia 1960–1985s [Teatral'noe iskusstvo Sibiri v 1960–1985 gg.]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of science, culture, education]. 2007. № 4 (7). P. 39–47.
4. *Gosudarstvennyy Ordena Druzhy narodov finskiy dramaticheskij teatr* [State Finnish Drama Theatre of the Order of Friendship of Peoples]. Petrozavodsk, 1984. 50 p.
5. Evseev F. Talk about subsidies [Pogovorim o dotatsii]. *Teatr* [Theater]. 1963. № 5. P. 82–94.
6. Kiyranen V. *Gosudarstvennyy Finskiy dramaticheskij teatr* [Finnish State Drama Theatre]. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1972. 123 p.
7. Kolosenok S. V., Mitrofanova M. M. *Ee biografiya – teatr. Oчерk o tvorcheskom puti narodnoy artistki SSSR E. S. Tomberg* [Her biography – theater. Essay on the creative path of the People's Artist of the USSR E. S. Tomberg]. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1984. 86 p.
8. Nikitin P. E. Friendship with play writers of fraternal communities [V družbe s dramaturgiey bratskikh narodov]. *Teatr* [Theater]. 1955. № 1. P. 120–131.
9. Nikitin P. E. *Teatr kraya Kalevaly. Tvorcheskiy put' Gosudarstvennogo Ordena Druzhy narodov Finskogo dramaticheskogo teatra* [The theatre of Kalevala region. Creative way of the State Finnish Drama Theatre of the Order of Peoples' Friendship]. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1985. 136 p.
10. Tuorila S. A. *Na zhiznennom puti. Vospominaniya* [Life memoirs]. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1981. 93 p.
11. Shorokhova I. V. On the issue of state funding of theatrical art in Karelia at the end of the 1940s – the first half of the 1960s. [K voprosu o gosudarstvennom finansirovanii teatral'nogo iskusstva v Karelii v kontse 1940-kh – pervoy polovine 1960-kh gg.]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. "Obshchestvennye i gumanitarnye nauki"* [Proceedings of Petrozavodsk State University. Social Sciences and Humanities]. 2014. № 1 (138). P. 29–34.

Поступила в редакцию 25.03.2014

УДК [061:631.5](477.75)

ЯРОСЛАВ ВАСИЛЬЕВИЧ БЕРЕЗНЯКаспирант кафедры истории, краеведения и правовых дисциплин с методикой преподавания, Крымский гуманитарный университет (Ялта, Российская Федерация)
beryar@xaker.ru

СОЗДАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АГРОНОМИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ (1890–1914 ГОДЫ)

Раскрыт процесс создания агрономической организации Таврической губернии и содействия земских и государственных органов в ее деятельности. Проанализированы имеющиеся проекты ее функционирования, порядок приглашения уездных и участковых агрономов, программа их работы. Выявлено, что наиболее успешным периодом деятельности агрономической организации были 1910–1914 годы, когда землеустроительные комиссии в рамках Столыпинской аграрной реформы разделяли губернию на агрономические участки и основывали агрономические центры.

Ключевые слова: земство, землеустроительная комиссия, Департамент земледелия, агрономический участок

Создание и практическая деятельность агрономической организации Российской империи в конце XIX – начале XX века привлекали внимание как дореволюционных, так и современных исследователей. Среди ученых, которые занимались этим вопросом, можно выделить Б. Б. Веселовского, М. В. Неручева, Л. Н. Крот, М. Ю. Марьевскую, В. Н. Каюн и др.

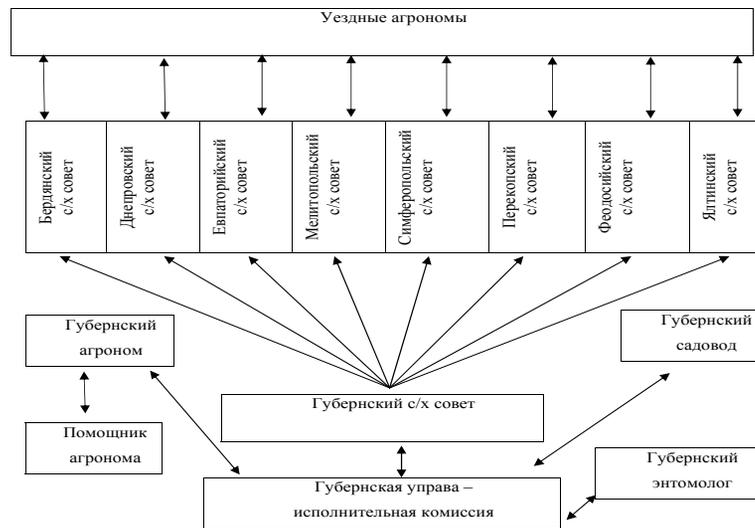
Целью нашей статьи является исследование процесса основания и финансирования земскими и государственными органами агрономической организации Таврической губернии.

В 1890 году по инициативе Бердянского земства был поднят вопрос о необходимости централизации в губернии деятельности уездных земств по организации мероприятий относительно улучшения сельского хозяйства. Данный вопрос был передан на обсуждение в комиссию из наиболее известных хозяев губернии и представителей уездных земств, задача которой заключалась в разработке документа в соответствии с местными хозяйственными условиями. Комиссия пришла к выводу рекомендовать земствам учредить при уездных управах уездные сельскохозяйственные советы, а при губернской управе – губернский сельскохозяйственный совет, в состав которого должны были войти представители уездных советов. Кроме того, рекомендовалось при губернской управе учредить должность агронома или инспектора сельского хозяйства с высшим образованием и собственный печатный орган. Проект предложенной организации был одобрен и принят губернским земством 16 января 1892 года, но практической реализации не получил из-за того, что не все уездные земства посчитали его целесообразным.

Таврическое губернское земство постановлением от 24 января 1894 года выдвигало вопрос относительно создания агрономической организации в Таврической губернии и приглашения агронома с окладом 2000 руб. Но и это постанов-

ление было приостановлено из-за того, что 30 марта 1894 года Министерство государственных имуществ реорганизовалось в Министерство земледелия и государственного имущества с достаточно широкими полномочиями относительно содействия развитию сельского хозяйства. В прессе распространились слухи о намерениях Министерства земледелия учредить местные органы по сельскохозяйственной части. Но воплотить в жизнь разработанный проект удалось частично, лишь после принятия министерского закона от 12 апреля 1899 года, согласно которому в губерниях, где существовали земские учреждения, вводился особый порядок опеки местного сельского хозяйства и основывалась должность уполномоченного по сельскохозяйственной части, на которую был приглашен коллежский советник, кандидат сельскохозяйственных наук М. В. Неручев [4; 11]. В 1900 году на губернском земском собрании Неручев предложил собственный проект агрономической организации в Таврической губернии, который частично дублировал программу от 1892 года. Так, согласно проекту Неручева, агрономическая организация имела бы следующий вид (см. рисунок). В дополнительной записке он рекомендовал проводить периодические съезды для уездных агрономов и вменить им в обязанности заведование сельскохозяйственными складами [5; 100].

За создание агрономической организации выступал и губернский энтомолог С. А. Мокржецкий, который в 1901 году был командирован в Москву для участия в съезде деятелей по агрономической помощи населению с целью изучения опыта деятельности агрономических организаций в других губерниях. Вернувшись в Симферополь, Мокржецкий подготовил доклад, где проанализировал существующие агрономические организации и предложил свою. В докладе

Агрономическая организация Таврической губернии (по предложению М. В. Неручева)

он выделял три типа губернских агрономических организаций в Российской империи:

1) централизованный, где губернское земство несет все расходы по агрономической помощи населению, приглашает уездных агрономов, которые действуют по программе и под контролем губернской управы и губернского агронома. Такой тип уже существовал в Вятской, Нижегородской, Пермской и Херсонской губерниях;

2) второй тип основан на совместной работе и взаимодействии губернского и уездных земств, причем уездные земства пользуются полной самостоятельностью в принятии решений. Объединение земств достигается путем съездов агрономов, председателей управ и других членов сельскохозяйственных советов. Половину оплаты уездным агрономам берет на себя губернское земство. Такой тип организации был в Московской, Курской, Самарской, Уфимской, Новгородской, Ярославской и других губерниях;

3) третий тип представляет собой обособленную деятельность уездных и губернских организаций, которые работают абсолютно самостоятельно по разным программам. К этому типу принадлежат Владимирская, Саратовская, Воронежская, Калужская, Черниговская, Екатеринославская и другие губернии.

Для Таврической губернии губернский энтомолог наиболее приемлемым считал второй тип агрономической организации, указав на необходимость создания сельскохозяйственных советов при уездных и губернской управах как совещательных коллегиальных органов. В состав губернского совета, по мнению Мокржецкого, должны были входить с правом голоса: члены губернской земской управы, председатели уездных управ, губернский агроном и его помощник, уездные агрономы, заведующие специальными агрономическими и экономическими организациями губернского земства (статистик, энтомо-

лог, почвовед, садовод и др.) и уполномоченный Министерства земледелия и государственных имуществ. Собирается такой орган должен был не менее двух раз в год для разработки программы и плана сельскохозяйственных мероприятий в губернии. По такому же принципу рекомендовалась деятельность уездных советов [7; 3–7].

Все уездные земства поддержали вышеупомянутые проекты и до 1905 года только три из них (Днепровское, Перекопское и Ялтинское) не имели собственных агрономов. Параллельно с должностями агрономов в уездах Таврической губернии начали действовать сельскохозяйственные советы. Программа деятельности уездных агрономов каждый год изменялась и совершенствовалась в зависимости от поставленных сельскохозяйственным советом целей и задач. Так, Симферопольский сельскохозяйственный совет на заседании от 17 ноября 1903 года принял следующую программу деятельности на 1904 год для агронома А. А. Левицкого: участие в подготовительных работах к губернской выставке; распространение травосеяния путем бесплатной раздачи семян кормовых трав; деятельность по очистке зерна от семян сорняков путем раздачи в аренду местному населению куколеторников; распространение знаний по сельскому хозяйству и садоводству путем бесед и чтений; издание брошюр по сельскому хозяйству и садоводству и др. [7; 1].

Настоящей революцией на селе можно считать Столыпинскую аграрную реформу, начатую 9 ноября 1906 года и направленную на постепенное разрушение крестьянской общины и наделение крестьян землей в частную собственность путем создания отрубных и хуторских хозяйств. Создавались губернские и уездные землеустроительные комиссии. Кроме того, в разы увеличивались ассигнования как государственных, так и земских органов на агрономические мероприя-

тия в стране, что неминуемо привело к увеличению количества и качества урожаев зерновых культур. Российская империя до начала Первой мировой войны считалась одной из важнейших стран-экспортеров сельскохозяйственной продукции. Таврическая губерния была на втором месте после Саратовской по вывозу зерновых.

До распространения идеи об участковой организации агрономической деятельности Департаментом земледелия в 1910 году было создано из подведомственных специалистов особое совещание, на котором были разработаны основные правила совместной деятельности государственных и земских агрономических организаций, работающих на местах [3; 9]. В уездах, где уже существовала земская организация, государство приблизительно наполовину финансировало все агрономические мероприятия. До конца 1913 года такая система существовала в Бердянском, Днепропетровском, Евпаторийском, Мелитопольском и Перекопском уездах. В Симферопольском, Феодосийском и Ялтинском уездах агрономическая организация сосредоточивалась в руках уездных землеустроительных комиссий. Отдельно выделялся Арабатский междуездный участок, который непосредственно находился в компетенции губернской землеустроительной комиссии. В будущем планировалось полностью передать уездным земствам управление агрономическими организациями при условии выполнения определенных требований. Руководил всеми вышеупомянутыми органами губернский сельскохозяйственный совет, основанный лишь в 1912 году, и его исполнительный орган – агрономическое бюро во главе с губернским агрономом [8; 3].

Границы агрономических участков очень часто не совпадали с административными границами уездов. Всю территорию губернии разделили на небольшие сельскохозяйственные участки, площадь которых равнялась площади 2–3 волостей, с одинаковыми климатическими и географическими условиями. В каждом участ-

ке создавался агрономический центр во главе с участковым агрономом, который в подавляющем большинстве случаев обеспечивался жильем, оборудованием для метеорологических наблюдений, библиотекой с коллекцией учебных пособий и специальным инвентарем. С каждым годом число агрономических участков увеличивалось при уменьшении их площади. Так, в 1910 году Таврическая губерния была разделена на 15 агрономических участков, в 1911-м – 21, в 1912-м – 25, в 1913-м – 32. Еще 3 участка планировалось открыть в 1914 году, но из-за начала Первой мировой войны намеченную программу выполнить не удалось.

На помощь участковым агрономам приходил низший агрономический персонал – агрономические старосты и помощники агрономов. Кроме того, в некоторых уездах приглашались инструкторы по специальным отраслям сельского хозяйства (садоводству, табаководству, виноделию и др.). Показательно, что подавляющее большинство высшего агрономического персонала в Таврической губернии (100 % – уездные и 70 % – участковые агрономы) имели высшее образование, весь низший агрономический персонал закончил сельскохозяйственные училища, что наглядно демонстрирует отношение власти к подготовке специалистов. Достаточно неплохой была и зарплата у специалистов по сельскому хозяйству. На 1913 год губернский агроном имел оклад 3000 руб. в год, уездный – 2200–3000 руб., участковый – 1500–2000 руб., инструктор – 500–900 руб., агрономические старосты – 600 руб. в зависимости от образования, стажа работы и т. п. [8; 24]. Хотя, с другой стороны, участковые агрономы задерживались на своей должности в среднем около 9 месяцев и переходили на новое место работы, о чем свидетельствуют доклады земским управам. Всего в начале 1911 года в губернии работал следующий агрономический персонал (см. таблицу).

Агрономический персонал Таврической губернии в 1911 году [6; 148–152]

Уезд	Источник финансирования									
	Средства государства					Ассигнования земств				
	Уездные агрономы	Участковые агрономы	Инструкторы по спец. культурам	Вспом. агр. персонал	Заведующие с/х складами	Уездные агрономы	Участковые агрономы	Инструкторы по спец. культурам	Вспом. агр. персонал	Заведующие с/х складами
Бердянский			1	1			3			1
Днепропетровский	2		1	3						
Евпаторийский			1			1				1
Мелитопольский			1			1		1		1
Перекопский	1									
Симферопольский	1		1			1		1		2
Феодосийский	1			1		1		1		1
Ялтинский			1							
Всего	5		6	5		4	3	3		6

До 1914 года количество агрономического персонала увеличилось более чем в три раза, в основном за счет приглашения участковых агрономов и агрономических старост [8; 23]. Но по-прежнему на надлежащий уровень агрономическую организацию так и не удалось из-за начала Первой мировой войны. В 1915 году не было открыто ни одного агрономического участка и не приглашался новый персонал, а старый в подавляющем большинстве мобилизовался на фронт. Ассигнования со стороны земских и государственных органов на агрономическую деятельность в том же году были еще относительно высокими: уездные земства – 150 423 руб., Департамент земледелия – 53 235 руб., Землеустроительное ведомство – 73 350 руб. На 1916 год

правительство рекомендовало снизить смету более чем на 50 % [1; 8]. Тем не менее за отмеченный период в Таврической губернии совместными усилиями земских и государственных органов была создана реальная агрономическая организация с приглашением квалифицированных специалистов и разделением территории на агрономические участки. До 1910 года в основном земства занимались содействием развитию сельского хозяйства в регионе с ассигнованиями и кредитами государства. В этот период в губернии работали 5 уездных агрономов. Ситуация кардинально изменяется после привлечения государственных органов к намеченным мероприятиям, что позволило вывести агрономическую помощь на надлежащий уровень.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агрономическая помощь и отчет агронома Таврического губернского земства за 1915 г. Симферополь, 1916. 22 с.
2. В е с е л о в с к и й Б. Б. История земства: В 4 т. СПб., 1909–1911. Т. 2. 1909. 703 с.
3. Журналы заседаний Таврического губернского земского собрания 46-й очередной сессии с 8 по 16 января 1912 г. Симферополь, 1912. 1020 с.
4. Журналы заседаний Таврического губернского земского собрания с 10 по 19 декабря 1899 г. Симферополь, 1900. 634–11–98 с.
5. Журналы заседаний Таврического губернского земского собрания чрезвычайных сессий с 10 по 14 марта и с 7 по 8 июня 1905 г. Симферополь, 1905. 416–13–106 с.
6. Местный агрономический персонал, состоявший на правительственной и общественной службе 1 января 1911 г. / Под ред. В. Н. Штейна, В. А. Александровского и Н. Ф. Щербакова. СПб., 1911. 242 с.
7. М о к р ж е ц к и й С. А. Проект земской сельскохозяйственной организации в Таврической губернии. Отчет губернского энтомолога С. А. Мокржецкого по поездке на съезд деятелей агрономической помощи местному населению в Москве. Симферополь, 1901. 11 с.
8. Обзор агрономической помощи в районах землеустройства Таврической губернии за 1913 г. Симферополь, 1914. 443 с.
9. Постановления Симферопольского уездного земского собрания XXXX очередной сессии 1905 г. и чрезвычайных собраний 28 января и 20 июня 1906 г. Симферополь, 1906. 525–289 с.

Bereznyak Ya. V., Crimean State Humanitarian University (Yalta, Russian Federation)

ESTABLISHMENT AND ACTIVITIES OF AGRONOMIC ORGANIZATION OF TAURIAN PROVINCE (1890–1914)

The article deals with the process of agronomical organization establishment in Taurida Province and subsequent assistance of its activity by the local and state bodies. Existing projects of its operation, the process of invitations extended to district and divisional agronomists, as well as programs of their work were analyzed. It was found out that the most successful period of agronomical management lasted from 1910 till 1914. During this period, the land-utilization committees guided by Stolypin's agrarian reforms divided the Province into agronomical lots and established agronomical centers.

Key words: agronomical management, Taurida Province, land-utilization committee, Agricultural Department, agronomical lot

REFERENCES

1. *Agronomicheskaya pomoshch' i otchet agronoma Tavricheskogo gubernskogo zemstva za 1915 g.* [Agronomical assistance and report agronomist Tauride province zemstvo in 1915]. Simferopol, 1916. 22 p.
2. В е с е л о в с к и й Б. Б. *Istoriya zemstva* [History zemstvo]: In 4 vol. St. Petersburg, 1909–1911. Vol. 2. 1909. 703 p.
3. *Zhurnaly zasedaniy Tavricheskogo gubernskogo zemskogo sobraniya 46-y ocherednoy sessii s 8 po 16 yanvarya 1912 g.* [Magazines meetings Tauride provincial zemstvo assembly 46th regular session from 8 to 16 January 1912]. Simferopol, 1912. 1020 p.
4. *Zhurnaly zasedaniy Tavricheskogo gubernskogo zemskogo sobraniya s 10 po 19 dekabrya 1899 g.* [Journals meetings Tauride provincial zemstvo assembly from 10 to 19 December 1899 Simferopol print shop]. Simferopol, 1900. 634–11–98 p.
5. *Zhurnaly zasedaniy Tavricheskogo gubernskogo zemskogo sobraniya chrezvychaynykh sessiy s 10 po 14 marta i s 7 po 8 iyunya 1905 g.* [Journals meetings Tauride provincial zemstvo assembly extraordinary sessions from 10 to 14 March and from 7 to 8 June 1905]. Simferopol, 1905. 416–13–106 p.
6. *Mestnyy agronomicheskiy personal sostoyavshiy na pravitel'svennoy i obshchestvennoy sluzhbe 1 yanvarya 1911 g.* / Pod red. V. N. Shteyna, V. A. Aleksandrovskego i N. F. Shcherbakova [Local Agronomy staff on government and public service January 1, 1911]. St. Petersburg, 1911. 242 p.
7. М о к р ж е ц к и й С. А. *Proekt zemskoy sel'skokhozyaystvennoy organizatsii v Tavricheskoy gubernii. Otchet gubernskogo entomologa S. A. Mokrzhetskogo po poyezdke na s'ezd deyateley agronomicheskoy pomoshchi mestnomu naseleniyu v Moskve* [Project in the County Agriculture Organization Tauride province. Report provincial entomologist SA Mokrzhetskogo Travel to the Congress leaders agronomic assistance to local communities in Moscow]. Simferopol, 1901. 11 p.
8. *Obzor agronomicheskoy pomoshchi v rayonakh zemleustroystva Tavricheskoy gubernii za 1913 g.* [Review agronomic assistance in the areas of land Tauride province for 1913]. Simferopol, 1914. 443 p.
9. *Postanovleniya Simferopol'skogo uездного земского sobraniya XXXX ocherednoy sessii 1905 g. i chrezvychaynykh sobraniy 28 yanvarya i 20 iyunya 1906 g.* [Regulation Simferopol county zemstvo assembly XXXX 1905 regular session and extraordinary meetings on 28 January and 20 June 1906]. Simferopol, 1906. 525–289 p.

Поступила в редакцию 07.06.2014

ТАТЬЯНА АНАТОЛЬЕВНА БАБАКОВА

доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и методики общего и профессионального образования Института педагогики и психологии, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

babakova@psu.karelia.ru

ТЕХНОЛОГИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОГО ПРОЕКТА СТУДЕНТОВ МАГИСТРАТУРЫ В УНИВЕРСИТЕТЕ*

Поднимается проблема организации самостоятельной работы студентов магистратуры над научно-методическим проектом по вопросам высшего образования. Обоснована значимость научно-методических проектов в подготовке студентов магистратуры. Научно-методический проект рассматривается как комплексный, сочетающий элементы научно-педагогического исследования и проектирования практической педагогической деятельности. Вводится понятие «технология педагогического сопровождения» освоения студентами нового для них вида самостоятельной работы. Основное место занимает характеристика технологии педагогического сопровождения процесса обучения магистрантов выполнению научно-методического проекта, включающая: теоретические основания, целевые установки, этапы, средства, критерии оценки. В качестве ведущего метода исследования использована опытная работа, дополнительные сведения получены через наблюдения и анализ работ студентов. Представлена точка зрения автора относительно перспективности технологического оснащения введения новых видов самостоятельной работы студентов.

Ключевые слова: самостоятельная работа студентов, компетентностный подход, педагогическое сопровождение, педагогическая технология

Актуальность исследования заявленной проблемы технологии педагогического сопровождения выполнения научно-методического проекта по педагогике высшей школы студентами магистратуры определяется следующим. Научно-методическая культура является составляющей профессионально-педагогической культуры личности. Как справедливо отмечает Ю. В. Подповетная, современная высшая школа оказалась в противоречивом положении: с одной стороны, она обуславливает научно-технический прогресс, а с другой – внутри самого образовательного процесса отчетливо проявляется тенденция стабильности, неизменности, внутреннее сопротивление инновационным явлениям в образовательной области, профессионально-педагогическая и научно-исследовательская подготовка преподавателей оказалась недостаточной для удовлетворения общественных и государственных требований. Но именно научно-методическая культура преподавателя вуза обеспечивает высокий теоретический уровень его педагогической деятельности, научное осмысление используемых педагогических средств и, как следствие, результативность учебной деятельности студентов [4]. В связи с этим подготовка и повышение квалификации педагогов высшей школы должны предусматривать становление и развитие научно-методической культуры преподавателя вуза.

Во ФГОС третьего поколения среди основных видов профессиональной деятельности для маги-

стратуры выделяются научно-исследовательская, проектная, педагогическая, которые требуют владения совокупностью компетенций.

Компетентностный подход в высшем образовании предполагает становление способности и готовности личности самостоятельно решать профессиональные задачи, делая осознанный выбор и самих задач, и способов их решения. Анализ ФГОС по подготовке магистров (по направлениям «Биология», «Экология и рациональное природопользование», «История», «Социология») позволил выявить ряд компетенций исследовательского и проектного характера: анализ и обобщение результатов научного исследования на основе современных междисциплинарных подходов; подготовка и редактирование научных публикаций; организация учебных занятий и научно-исследовательской работы студентов в вузах, руководство дипломными работами студентов; самостоятельный выбор и обоснование цели, организация и проведение научного исследования по актуальной проблеме; определение проблем, задач и методов научного исследования; обработка и критическая оценка результатов исследований; работа с научной информацией с использованием новых технологий; практическое использование знаний основ педагогической деятельности в преподавании на всех уровнях общего и профессионального образования и т. п. Названные компетенции могут развиваться в разных видах учебной работы студентов, в том числе через выполнение комплексных проектов.

Образовательные программы магистратуры предполагают возможность трудоустройства выпускников в качестве преподавателей высшей школы, в связи с этим студенты изучают дисциплину «Педагогика высшей школы» («Психология и педагогика высшей школы») и проходят научно-педагогическую практику. Важно, чтобы студенты магистратуры были ориентированы не только на учебно-методическую, но и научно-методическую составляющую готовности преподавателя высшей школы (и других образовательных учреждений), на планирование и проектирование педагогического процесса на основе достижений педагогической науки.

Педагогический процесс в магистратуре в значительной мере ориентирован на самостоятельную работу студентов. В связи с более высоким уровнем высшего образования (по сравнению с бакалавриатом) в организации самостоятельной работы магистрантов целесообразно в большей мере ориентироваться на продуктивные виды самостоятельной деятельности студентов, одним из которых является выполнение проектов.

Обозначим основные понятия, используемые в статье.

Проект – совокупность действий, ограниченная во времени и имеющая целью создание некоторого уникального продукта. В личной работе проекту можно противопоставить регулярно повторяющуюся задачу, результат решения которой не уникален [1]. Выполнение проекта составляет **проектную деятельность**.

Научно-методический проект по педагогике высшей школы (проект по теории и методике профессионального образования) – процесс и результат деятельности студента по созданию нового методического продукта. В нем сочетаются элементы исследовательской деятельности и деятельности по проектированию педагогического продукта, позволяющего совершенствовать практику высшего образования. Результатами проекта по теории и методике высшего образования могут стать научные факты, характеризующие состояние педагогического процесса (в том числе по отдельно взятой учебной дисциплине); предложения по совершенствованию учебного процесса; способы использования при обучении той или иной дисциплине известных в педагогике технологий, форм, методов, средств обучения и т. п. Кроме того, результатами работы студентов являются тексты научного стиля.

Согласно словарному толкованию, **сопровождать** – следовать за кем-нибудь находясь рядом, ведя куда-нибудь или идя за кем-нибудь. **Педагогическое сопровождение** проектной деятельности студентов рассматривается как система работы преподавателя по обеспечению научно-педагогического оснащения процесса самостоятельной деятельности студентов и оказания им соответствующей практической (консультативной) помощи.

Педагогическая технология – обоснованная в рамках определенной педагогической концепции модель совместной деятельности субъектов педагогического процесса, характеризующаяся четкими целевыми установками, последовательностью действий (алгоритмом), специфическими средствами, контролируемостью, воспроизводимостью в сходных условиях [2; 134].

Самостоятельная работа студентов – это планируемая работа студентов, выполняемая по заданию и при методическом руководстве преподавателя, но без его непосредственного участия.

Технология педагогического сопровождения научно-методического проекта – модель управления процессом самостоятельной деятельности студентов по созданию нового методического продукта. Заключается в создании условий для более эффективной работы по выполнению проекта.

Основное назначение метода проектов состоит в предоставлении обучающимся возможности самостоятельного приобретения знаний в процессе решения практических задач или проблем, требующем интеграции знаний из различных предметных областей. Он позволяет найти разумный баланс между академическими знаниями и прагматическими умениями, что и характеризует компетентность.

В основе метода проектов лежит совершенствование познавательных навыков обучающихся, умений самостоятельно конструировать свои знания, ориентироваться в информационном пространстве, а также развитие критического и творческого мышления. Метод проектов всегда ориентирован на самостоятельную деятельность обучающихся, которую они выполняют в течение определенного отрезка времени. Преподавателю в рамках проекта отводится роль координатора, эксперта, консультанта.

Научно-методический проект по теории и методике высшего образования характеризуется следующими признаками:

- отличается конкретностью и новизной методического продукта;
- обеспечивает взаимосвязь теории и практики;
- является междисциплинарным;
- выполняется, как правило, индивидуально (но работа в микрогруппах не исключается);
- оформляется в виде текстов научного стиля (полный текст, тезисы, аннотация);
- ограничен по времени, отводимому на изучение дисциплины «Педагогика высшей школы».

Организация проектной деятельности студентов базируется на методологии научно-педагогического исследования и теоретических основах технологии реализации метода проектов.

Целевыми установками технологии сопровождения проектной деятельности студентов является создание педагогических условий для освоения студентами основных методологических положений и применения теоретических

знаний в области педагогики к проектированию педагогического процесса в высшей школе.

Технология собственно проектного обучения направлена на организацию самостоятельной деятельности студентов, формирование механизмов самообразования студентов, выстраивание отношений между субъектами педагогического процесса в формате сотрудничества.

Технология проектного обучения предполагает определенную последовательность в совместной деятельности преподавателя и студента, наличие следующих этапов: ценностно-ориентационного, конструктивного, оценочно-рефлексивного, этапа презентации [3]. Важным является соблюдение всех указанных этапов, поскольку их сочетание и последовательность позволяют организовать самостоятельную деятельность студентов, которая характеризуется мотивацией, самоорганизацией, рефлексивной оценкой, умением представить и защитить результаты.

Однако опыт работы со студентами показывает целесообразность введения этапа предварительной подготовки и этапа последствий, а также разбиения этапов выполнения проекта на подэтапы. В результате получается следующая последовательность этапов и подэтапов.

I. Этап предварительной подготовки:

- ориентация студентов на научно-методическую составляющую работы преподавателя высшей школы, мотивация студентов на выполнение научно-методического проекта;
- освоение студентами основ методологии научно-педагогического исследования;
- ознакомление студентов с текстами научного стиля, написание студентами тезисов и аннотации по готовому тексту, выделение в готовом тексте понятий и формулирование их определений.

II. Этап выполнения проекта:

- выбор темы проекта (студент может выбрать тему из вариантов, предложенных преподавателем, или предложить свою, последний вариант приветствуется);
- уточнение формулировки темы, обоснование актуальности проблемы, выделение основных противоречий;
- формулировка цели, задач работы, гипотезы;
- обоснование выбора методов исследования;
- решение теоретических задач на основе анализа источников, составление тезауруса по изучаемой проблеме;
- решение практических задач (разработка методических рекомендаций, выполнение методических разработок, реализация разработок на практике, оценка результатов опытной работы).

III. Этап оформления результатов проектной деятельности:

- оформление результатов в форме текста с иллюстративным материалом (таблицами, рисунками);

- подготовка тезисов и аннотации;
- подготовка презентации.

IV. Этап представления и защиты проекта в группе студентов.

V. Этап последствий (подготовка выступлений на научной студенческой конференции, тезисов и статей к публикации).

Не выделяется отдельно оценочно-рефлексивный этап, что не означает отсутствия такого рода деятельности. Напротив, ввиду важности оценочно-рефлексивной составляющей в работе со студентами, она присутствует почти на всех этапах и подэтапах, так как обсуждению в группе и оценке со стороны преподавателя и самих студентов подвергаются конкретные результаты поэтапно выполняемой работы. На этапе представления и защиты проекта оцениваются в соответствии с разработанными критериями качество проекта и его представления, а также аннотация и тезисы.

Средствами реализации технологии педагогического сопровождения научно-методического проекта являются специально разработанные конкретные методические рекомендации по каждому подэтапу выполнения проекта, а также образцы студенческих работ, тезисов и аннотаций как текстов научного стиля.

Подготовленный проект защищается в форме устного доклада (обычно с презентацией) в студенческой группе. Критерии оценки следующие:

1. Обоснованность актуальности темы проекта.
2. Правильность формулировок цели и задач проекта, соответствие методов решаемым задачам.
3. Владение теоретическими знаниями.
4. Практическая значимость проекта.
5. Качество представления проекта аудитории (компактность представления содержания выступления, наглядность).
6. Качество оформления проекта.
7. Наличие и качество тезисов и аннотации.

Опыт работы со студентами показал важность мотивации студентов в выполнении проекта. Здесь чаще всего необходима индивидуальная работа по обсуждению и выбору темы проекта.

В качестве позитивного момента можно отметить разнообразие тем проектных работ, выполненных за последние три года: «Использование опорных конспектов в преподавании русского языка в университете», «Приемы активизации познавательной деятельности студентов на лекциях (по историческим дисциплинам)», «Приемы активизации познавательной деятельности студентов на семинарском занятии (по историческим дисциплинам)», «Виды таблиц в обучении историческим дисциплинам», «Использование интеллект-карт в преподавании истории», «Использование ментальных карт в процессе обучения дисциплине “Микология”», «Лекция вдвоем: опыт разработки и реализа-

ции», «Нетрадиционные виды лекций в биологическом образовании», «На пути к успешному устному выступлению», «Особенности содержания экологического образования в зарубежных университетах», «Применение ролевой игры в дисциплине “Технология социальной работы” как способ повышения профессиональной компетентности студентов», «Способы использования схематической наглядности при обучении дисциплине “Социальная защита детства”», «Виды самостоятельной работы студентов: опыт эмпирического исследования на кафедре социологии», «Приемы эффективного усвоения иностранной лексики» и др.

Опытная проверка технологии педагогического сопровождения научно-методических

проектов студентов магистратуры показала следующее. Регулярное поэтапное обсуждение результатов самостоятельной работы студентов на аудиторных занятиях обеспечивает ее систематичность (исключается выполнение проекта «в последний момент»). Поэтапная корректировка результатов приводит к более высокому качеству выполненных магистрантами проектов, к возможности публикации результатов.

Результаты данного исследования, а также изучения качества организации самостоятельной работы в университете позволяют сделать предположение о целесообразности педагогического сопровождения введения видов самостоятельной работы студентов в университете.

* Исследование выполнено при поддержке Программы стратегического развития (ПСР) ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архангельский Г. Глоссарий терминов тайм-менеджмента, 2003 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vocable.ru/dictionary/655/word/proekt>
2. Бабакова Т. А. Педагогика высшей школы: учебное пособие. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. 252 с.
3. Загрекова Л. В., Николина В. В. Теория и технология обучения: учебное пособие для студентов пед. вузов. М.: Высшая школа, 2004. 157 с.
4. Подповетная Ю. В. Концепция развития научно-методической культуры преподавателя вуза: Дисс. ... д-ра пед. наук. Челябинск, 2012. 400 с.

Babakova T. A., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

TECHNOLOGY OF PEDAGOGICAL GUIDANCE PROVIDED TO UNIVERSITY MASTER STUDENTS INVOLVED IN SCIENTIFIC-METHODICAL PROJECTS

The article is concerned with the problem of independent study organization for Master students working at the scientific-methodical project dealing with problems of higher education. The significance of scientific-methodical projects in the process of postgraduate students' training is substantiated. Scientific-methodical projects are viewed as a complex phenomenon incorporating elements of scientific research and practical pedagogical design. A new concept "technology of pedagogical guidance" is introduced. The main attention is given to particular characteristics inherent to the technology of pedagogical guidance employed in the process of postgraduate students' training, which is aimed at development of necessary research skills. These characteristics include the following: theoretical justification of the problem, objectives, steps, instruments, and criteria of assessments. The leading method of the research is based on experimental results and data obtained through observation and analysis of student's works.

Key words: independent study, competency based approach, scientific-methodical project, pedagogical guidance, pedagogical technology

REFERENCES

1. Arkhangel'skiy G. *Glossariy terminov taym-menedzhmenta*, 2003 g. [Glossary of time management terms]. Available at: <http://www.vocable.ru/dictionary/655/word/proekt>
2. Babakova T. A. *Pedagogika vysshey shkoly* [Pedagogics of higher education]. Petrozavodsk, Izd-vo PetrGU Publ., 2009. 252 p.
3. Zagreкова L. V., Nikolina V. V. *Teoriya i tekhnologiya obucheniya: uchebnoe posobie dlya studentov ped. vuzov*. [Theory and technology of education: students' training manual]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2004. 157 p.
4. Подповетная Ю. В. *Kontseptsiya razvitiya nauchno-metodicheskoy kul'tury prepodavatelya vuza: Diss. ... d-ra ped. nauk* [The concept of scientific-methodical culture development in university educators: Dr. ped. sci. diss.]. Chelyabinsk, 2012. 400 p.

Поступила в редакцию 21.07.2014

ОЛЬГА ВИТАЛЬЕВНА КОРШУНОВА

доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры педагогики педагогического факультета, Вятский государственный гуманитарный университет (Киров, Российская Федерация)
okorchun@mail.ru

МОДУЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ С УРОВНЕВО-СТИЛЕВОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЕЙ КАК ИНСТРУМЕНТАЛЬНАЯ ОСНОВА ДИДАКТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ УЧИТЕЛЯ СЕЛЬСКОЙ ШКОЛЫ

На основе анализа подходов исследователей к определению понятия «дидактическая система» представлено отличие данного понятия от дидактического процесса и показана связь этих категорий применительно к дидактике сельской школы. Авторское определение дидактического процесса в специфических условиях сельской школы выступает базой конструирования модели дидактической системы сельского учителя с системообразующей методологической идеей единства процессов интеграции и дифференциации в дидактическом поле образовательной организации села. Инструментальной основой дидактической системы учителя является модульное обучение с уровнево-стилевой дифференциацией с акцентом на дидактических возможностях данной комплексной технологии в преодолении и коррекции негативных характеристик обучения в современной сельской школе. Доказывается актуальность и перспективность модульного обучения с уровнево-стилевой дифференциацией для сельской школы с точки зрения требований ФГОС.

Ключевые слова: дидактическая система, учитель сельской школы, модульное обучение, технология уровневой дифференциации, стилевая технология, интеграция технологий

Дидактическая система – одна из основных категорий современной теории обучения. Однако в настоящий момент среди дидактов отсутствует общепринятое определение данной категории. Приведем позиции ученых, взгляды которых на структуру и содержание дидактической системы отличаются.

В. И. Загвязинский утверждает, что дидактическая система (система обучения) предполагает единство целей, содержания, психологических механизмов обучения и развития личности, методов и обучающих технологий, результатов обучения. Системообразующим началом в обучении выступает связка «цели – результат». Все промежуточные звенья работают на результат, на реализацию цели и находятся друг с другом в отношении гармонии, согласованности и взаимодействия [4; 71–72]. Ученый называет следующие компоненты дидактической системы: цели образования и обучения; социально-личностные характеристики обучающихся и их возраст; формы организации образования; содержание образования; методы и приемы обучения; принципы обучения; дидактические средства обучения – учебники, подсобный материал, современные носители информации и обучающие программы; дидактические условия, обеспечивающие адекватность средств и методов обучения возрасту и предметному содержанию; критерии завершенности процесса обучения; методы контроля и методы оценки процесса и результатов обучения [9; 121].

И. П. Подласый определяет дидактическую систему как совокупность элементов – целей,

содержания, дидактических процессов, методов, средств, форм обучения, принципов, образующих единую целостную структуру, служащую достижению целей обучения [10].

Определение И. М. Осмоловской близко предыдущим подходам. Под дидактической системой ею также понимается совокупность элементов процесса обучения (цель, содержание, методы и др.), образующих целостность и характеризующихся единством, взаимосвязанностью, непротиворечивостью. Она акцентирует внимание на дидактических основаниях системы, то есть идеях, выступающих ее теоретической базой. Конструирование процесса обучения, по мнению И. М. Осмоловской, в этом случае происходит с единых позиций, осуществляется на единой методологической основе [8].

В. И. Андреев, в отличие от предыдущих авторов, включает в состав дидактической системы основных субъектов образовательного процесса – учителя и ученика в процессе их взаимодействия и сотрудничества, проверенные временем дидактические законы и принципы, соответствующие им дидактические условия. Эти компоненты он рассматривает в качестве ядра системы [9; 122–123]. По мнению Л. С. Подымовой и В. А. Сластенина, такой подход оправдан сущностным наполнением современной дидактической концепции и является отражением ее целостного деятельностного характера. Кроме того, он позволяет выявить два разных состояния дидактической системы – устойчивого функционирования и развития. Таким образом,

Рис. 2. Модель дидактической системы учителя сельской школы

Современные обстоятельства в образовании обуславливают необходимость совершенствования и развития дидактической системы сельской школы с позиций вводимых ФГОС, которые в качестве основных ориентиров задают требования достижения не только предметных, но и метапредметных и личностных результатов. На наш взгляд, для решения новых образовательных целей в сельских школах приемлемым вариантом дидактической системы учителя является модель, представленная на рис. 2, в которой инструментальной основой выступает

комплексная технология – модульное обучение с уровнево-стилевой дифференциацией.

Для такой системы характерна целостность, выражающаяся через интегративность (существование системы как единого целого, наличие у системы высокого уровня развития управления, системообразующего фактора – идеи единства процессов интеграции и дифференциации в обучении, цели); одновременное присутствие дифференцированности (выделение и различение ее отдельных компонентов); гармоническая динамичность в отношениях между

интегативностью и дифференцированностью. Заметим, что методологической основой дидактической системы является концепция обучения в сельской школе на основе интегративно-дифференцированного подхода, представленная подробно в [5], [6], [7]. В нашем исследовании под интегративно-дифференцированным подходом к обучению сельских школьников понимается аккумуляция интегративного и дифференцированного подходов как дидактических принципов; постоянное целенаправленное стремление дидактической системы и всех ее подсистем к установлению и поддержанию разумного динамического баланса между их альтернативными, противоположными по сути, но одновременно взаимодополняющими друг друга тенденциями, процессами, компонентами, сторонами, свойствами, качествами, характеристиками; это единство интеграции и дифференциации в концептуально-содержательном и процессуально-технологическом компонентах дидактической системы.

Специфические факторы обучения в сельской школе входят в блок дидактической системы «Закономерности и принципы дидактики», обуславливая особенности их проявления в этих образовательных условиях. Модель дидактической системы учителя сельской школы характеризуется одновременным дуализмом всех ее блоков, что позволяет рассматривать их совокупность как *дидактическую основу единства интеграции и дифференциации в обучении*. Функционирует дидактическая (методическая) система посредством комплексной технологии модульного обучения с уровнево-стилевой дифференциацией.

Сущность данной технологии интегративна, поскольку технология представляет собой объединение и взаимодополнение трех известных дидактических технологий – уровневой дифференциации, стилевой дифференциации (или технологии индивидуализации на основе учета когнитивного стиля ученика в интерпретации Г. А. Берулава и М. Н. Берулава [1; 3]) и модульного обучения.

Основной целью первой составляющей комплексной технологии – уровневой дифференциации – является учет сходных способностей и сходных познавательных потребностей групп учащихся, создание педагогических условий для включения каждого ученика в учебно-познавательную деятельность, соответствующую его зоне ближайшего развития. Эта цель трансформируется в одну из задач комплексной технологии. Свои основные принципы технология уровневой дифференциации также «поставляет» в объединенную технологию. К ним относятся: подготовка открытой таксономии целей для учащихся с указанием по каждой единице критериев ее достижения; добровольный выбор каждым учеником уровня усвоения учебного

материала (не ниже стандарта и при необходимости помощи учителя); организация процесса овладения учебным материалом при условии оказания взаимопомощи и самостоятельной работы в соответствии с индивидуальным темпом; непрерывный (вводный, текущий, итоговый) контроль-диагностика, переходящий в мониторинг учебных достижений учащихся.

Вторая составляющая комплексной технологии – стилевая дифференциация – способствует решению задачи обеспечения максимального психологического комфорта для учащихся посредством учета индивидуальных психологических особенностей каждой личности и создания условий для самореализации в обучении. Данная технология предписывает выявление индивидуальной когнитивной стратегии сельского школьника и подбор индивидуальной технологии обучения и самообучения, максимально способствующей умственному и личностному развитию обучаемого. Это вполне реально для условий сельских школ вследствие небольшой наполняемости классного коллектива.

Одним из основных элементов социального заказа современному образованию выступает требование формирования у школьников таких качеств личности, как самостоятельность, инициативность, ответственность за результаты выполняемой деятельности, рефлексивность. Именно развитию этих характеристик способствует применение третьей составляющей комплексной технологии – модульного обучения – и ее основных принципов: деление всего материала на разделы (блоки, темы) и алгоритмизация учебной деятельности в соответствии с предписаниями; разработка модульных программ (см. рис. 3), включающих модули из учебных элементов, а также дидактические цели (темы, модуля и учебных элементов – комплексную, интегрирующую и частные); освоение материала учеником в процессе завершения цикла преимущественно самостоятельной деятельности с модулем, включающим в себя учебное содержание, целевой план действий и методическое руководство по достижению запланированных результатов; выполнение учителем роли консультанта и помощника.

Таким образом, при интегрировании трех обозначенных технологий в одну получаем новое эмерджентное единство – комплексную технологию (модульное обучение с уровнево-стилевой дифференциацией), позитивно влияющую на совершенствование дидактической системы учителя сельской школы и дидактического процесса при обучении предмету. При этом минусы обучения в сельской школе обращаются в плюсы, позволяя нейтрализовать многие его негативные психолого-педагогические характеристики. Например, малочисленность состава классного коллектива позволяет оказать своевременную адресную помощь тому или иному

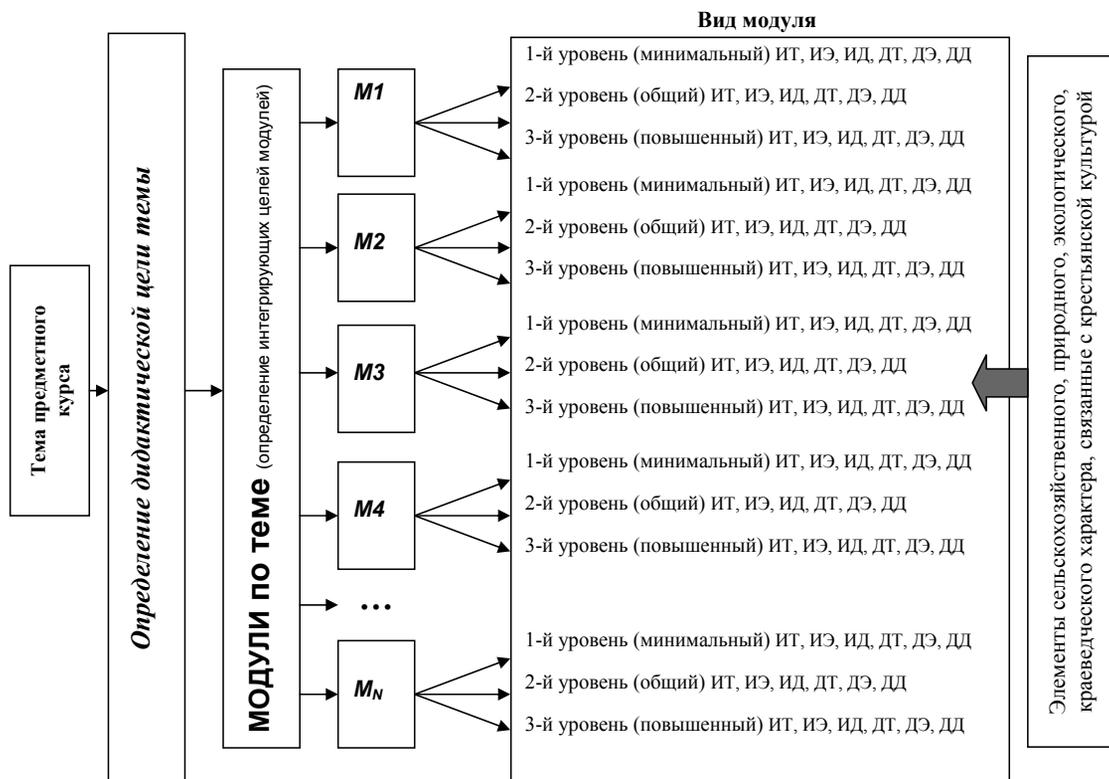

Рис. 3. Модель модульной программы по теме предметного курса. ИТ, ИЭ, ИД, ДТ, ДЭ, ДД – типы когнитивных стилей школьника: интегрально-теоретический, интегрально-эмоциональный, интегрально-деятельностный, дифференциально-теоретический, дифференциально-эмоциональный, дифференциально-деятельностный (по Г. А. Берулава и М. Н. Берулава); MN – учебный модуль

ученику при работе с элементами интегративно-дифференцированного модуля; многопредметность в деятельности учителя срабатывает на формирование метапредметных объектов в содержании обучения, которые можно заложить в содержание модулей. В процессе выявления особенностей когнитивных стилей учитель более глубоко познает обучающихся и развивает уровень своей психолого-дидактической культуры и компетентности. Однако разработка учебного модуля, удовлетворяющего требованиям трех интегрируемых технологий, является непростой методической процедурой, и, естественно, структура такого модуля должна быть также принципиально иной по сравнению с ее традиционным вариантом [11]. На рис. 4 представлена одна из возможных форм такого модуля. Подробные комментарии по компонентам структуры, их содержательному наполнению и значению раскрываются в наших работах [5], [6], [7].

Комплексная технология апробирована и внедрена в сельских школах России посредством проблемно-творческих дистанционных курсов повышения квалификации, которые реализуются Педагогическим университетом «Первое сентября» с 2006 года. За прошедший период с помощью данной формы повысили свою квалификацию более 600 учителей РФ из 48 регионов

(среди них есть и представители Республики Карелия). Содержание курсов, как свидетельствуют отзывы слушателей, обеспечивает:

- повышение уровня теоретических знаний и умений в области базовой науки, методики преподавания предмета и смежных предметов образовательной области, преподаваемых учителем, готовности и способности разрабатывать инновационные решения на основе применения технологий уровневого, модульного и стилового обучения в условиях сельской школы;
- осознание индивидуального стиля профессиональной деятельности;
- повышение уровня методологических и исследовательских знаний и умений: овладение методами моделирования дидактических процессов (проектирование учебных модулей разного уровня сложности с учетом познавательной стратегии школьника); реализацию и обобщение результатов педагогического эксперимента.

В рамках II Республиканского мероприятия «День сельской малочисленной школы Республики Карелия», которое состоялось 14 февраля 2014 года в городе Петрозаводске, был проведен мастер-класс «Реализация интегративно-дифференцированного подхода к обучению: уровнево-стилевая дифференциация в рамках модульного обучения». Здесь педаго-

№ модуля (М1, М2, ...). Тема модуля. Уровень дифференциации (1-й уровень – минимальный, 2-й уровень – общий, 3-й уровень – повышенный)

Учебный материал с указанием заданий						
ИНТЕГРАЛЬНЫЙ стиль			ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫЙ стиль			
Руководство по усвоению учебного содержания	Содержание учебного материала ИТ ИЭ ИД		Содержание учебного материала ДТ ДЭ ДД		Руководство по усвоению учебного содержания	
УЭ № 1 (вид учебного элемента). Частная дидактическая цель (ЧДЦ): ... (формулировка ЧДЦ)						
Основное окно	ИТ ИЭ ИД ...		ДТ ДЭ ДД			
Дополнительное окно	ИТ		ДТ ...			
Дополнительное окно	ИЭ		ДЭ ...			
Дополнительное окно	ИД ...		ДД ...			
УЭ № 2 (вид учебного элемента). Частная дидактическая цель (ЧДЦ): ... (формулировка ЧДЦ)						
	ИТ ИЭ ИД ...		ДТ ДЭ ДД			
	ИТ		ДТ ...			
	ИЭ ...		ДЭ ...			
	ИД ...		ДД ...			
УЭ № N (вид учебного элемента). Частная дидактическая цель (ЧДЦ): ... (формулировка ЧДЦ)						
	ИТ ИЭ ИД ...		ДТ ДЭ ДД			
	ИТ		ДТ ...			
	ИЭ		ДЭ ...			
	ИД ...		ДД ...			
УЭ № N + 1. Подведение итогов. ЧДЦ: Заполнение листа контроля. Оценка знаний						
ИТ, ИЭ, ИД. ДТ, ДД, ДЭ Заполнение листа контроля. Оценка знаний					ИТ, ИЭ, ИД ДТ, ДД, ДЭ Рекомендации по оценке знаний и умений	
Учебный элемент, задание	Вопросы					Итого баллов
	1	2	3	4	5	
УЭ 1. Задание						
УЭ 2. Задание						
... Задание						
УЭ N. Задание						
Оценка						
УЭ № N + 2. Домашнее задание						
Оценка. Дифференцированное домашнее задание: ...			Запишите домашнее задание в дневник в соответствии с результатом своей работы на уроке			

Рис. 4. Учебный модуль

ги сельских школ были ознакомлены с моделью методической системы учителя сельской школы на основе интегративно-дифференцированного подхода и технологической реализацией его в образовательной организации села.

В заключение необходимо заметить, что комплексная технология ориентирована на выпол-

нение требований ФГОС, а потому направлена в будущее, выступает как переходный вариант от классно-урочной системы к индивидуализированному обучению, сохраняя все ее достоинства и значительно расширяя психодидактическую составляющую процесса обучения сельских школьников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Берулава М. Н., Берулава Г. А. Технология индивидуализации обучения на основе учета когнитивного стиля. Бийск, 1996. 34 с.
2. Беспалько В. П. Элементы теории управления процессом обучения. М.: Знание, 1971. 80 с.
3. Данюшенков В. С., Коршунова О. В. Технология обучения в малокомплектной сельской школе на основе интегративно-дифференцированного подхода: Методическое пособие. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2009. 79 с.
4. Загвязинский В. И. Теория обучения в вопросах и ответах: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 2-е изд., испр. М.: ИЦ «Академия», 2008. 160 с.
5. Коршунова О. В. Уровневая и стиливая дифференциация в рамках модульной интеграции как средство повышения качества обучения в малочисленной сельской школе // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 113. С. 32–42.
6. Коршунова О. В. Концепция обучения сельских школьников на основе интегративно-дифференцированного подхода // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2009. № 1 (1). С. 106–114.
7. Коршунова О. В. Обучение сельских школьников на основе интегративно-дифференцированного подхода: Монография. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2008. 507 с.
8. Осмоловская И. М. Теоретико-методологические проблемы развития дидактики // Педагогика. 2013. № 5. С. 35–45.
9. Педагогика: учебник для бакалавров / Под общ. ред. Л. С. Подымовой, В. А. Сластенина. М.: Юрайт, 2012. 332 с.
10. Подласый И. П. Педагогика: Учебник для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Просвещение: Гуманит. ИЦ ВЛАДОС, 1996. 492 с.
11. Третьяков П. И., Сенновский И. Б. Технология модульного обучения в школе: Практико-ориентированная монография / Под ред. П. И. Третьякова. М.: Новая школа, 2001. 352 с.

Korshunova O. V., Vaytka State Humanities University (Kirov, Russian Federation)

MODULAR TECHNOLOGY WITH LEVEL-STYLE DIFFERENTIATION AS INSTRUMENTAL FOUNDATION OF RURAL SCHOOLTEACHERS' DIDACTIC SYSTEM

The analysis of scientific approaches determining the concept of “didactic system” revealed its characteristic features differentiating this notion from the concept of “didactic process”. The interconnection of these categories is shown on the example of didactics applied in rural schools. The author’s definition of the didactic process in specific conditions of rural schools serves as a foundation for constructing a model of the didactic system employed by rural teachers. The methodological idea of the model is based on the unity of integration and differentiation processes in the didactic field of rural education. The instrumental basis of the didactic system in focus is an educational module with the level-stylish differentiation and with the accent on didactic possibilities of this complex technology aimed at correction of negative features inherent to rural education. The relevance and perspectives of modular training based on level-stylish differentiation for rural schools is substantiated by the requirements provided by the Federal State Educational Standards.

Key words: didactic system, teacher of rural school, modular training, technology of level differentiation, stylish technology, integration of technologies

REFERENCES

1. Berulava M. N., Berulava G. A. *Tekhnologiya individualizatsii obucheniya na osnove ucheta kognitivnogo stilya* [Technology of individualization of educating on the basis of account of cognitive style]. Biysk, 1996. 34 p.
2. Bespal'ko V. P. *Elementy teorii upravleniya protsessom obucheniya* [Elements of management theory by the process of educating]. Moscow, Znanie Publ., 1971. 80 p.
3. Danyushenkov V. S., Korshunova O. V. *Tekhnologiya obucheniya v malokomplektnoy sel'skoy shkole na osnove integrativno-differentsirovannogo podkhoda* [Technology of education in little rural schools on the basis of integrative-differentiation approach]. Kirov, VSGU Publ., 2009. 79 p.
4. Zagvyazinskiy V. I. *Teoriya obucheniya v voprosakh i otvetakh: Ucheb. posobie dlya stud. vyssh. uchebn. zavedeniy* [Theory of education in questions and answers: studies. manual for stud. of studies. establishments]. Moscow, ITs “Academy”, 2008. 160 p.
5. Korshunova O. V. Level and stylish differentiation within the framework of module integration as means of upgrading education in small rural schools [Urovnevaya i stilevaya differentsiatsiya v ramkakh modul'noy integratsii kak sredstvo povysheniya kachestva obucheniya v malochislennoy sel'skoy shkole]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*. 2009. № 113. P. 32–42.
6. Korshunova O. V. Conception of educating rural schoolchildren on the basis of integrative-differentiation approach [Konceptsiya obucheniya sel'skikh shkol'nikov na osnove integrativno-differentsirovannogo podkhoda]. *Vestnik Vayt'skogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Announcer of the Biatka State Humanitarian University]. 2009. № 1 (1). P. 106–114.
7. Korshunova O. V. *Obuchenie sel'skikh shkol'nikov na osnove integrativno-differentsirovannogo podkhoda* [Education of rural schoolchildren on the basis of integrative-differentiation approach]. Kirov, VSGU Publ., 2008. 507 p.
8. Os'molovskaya I. M. Theoretico-methodological problems of didactics' development [Teoretiko-metodologicheskie problemy razvitiya didaktiki]. *Pedagogika* [Pedagogics]. 2013. № 5. P. 35–45.
9. *Pedagogika* [Pedagogics] / Edited by L. S. Podymova, V. A. Slastenin. Moscow, Yurayt Publ., 2012. 332 p.
10. Podlasy I. P. *Pedagogika* [Pedagogics]. Moscow, Prosveshchenie: VLADOS Publ., 1996. 492 p.
11. Tret'yakov P. I., Sennovskiy I. B. *Tekhnologiya modul'nogo obucheniya v shkole* [Technology of modular education in school : practico-orientied monograph] / Ed. by P. I. Tret'yakov. Moscow, Novaya shkola Publ., 2001. 352 p.

Поступила в редакцию 08.04.2014

СВЕТЛАНА ВЛАДИМИРОВНА ОСТРОВСКАЯ
старший преподаватель кафедры технологического образования Института педагогики и психологии, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
ipposv@petrsu.ru

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ В РОССИИ

Становление и развитие дополнительного образования детей в России (в частности, на примере Карелии) рассматривается с акцентом на общественной инициативе как основном источнике и движущей силе его возникновения и развития. Проводится анализ соответствия этапов государственно-общественного управления образованием как историко-педагогического и социального феномена и этапов возникновения внешкольного образования в России, который позволил уточнить сущность и временные рамки возникновения изучаемого культурно-образовательного феномена.

Ключевые слова: внешкольное образование, общественно-педагогические дискуссии, общественная инициатива

Изучение вопроса становления и развития системы дополнительного образования детей в Карелии следует рассматривать в рамках ее становления и развития в России. Данное педагогическое явление имеет свою историю. С конца XIX века деятельностью по дополнительной внешкольной подготовке детей называлась внешкольным образованием. Суть его заключалась в просветительской деятельности общественных организаций и частных лиц, которая была направлена на удовлетворение образовательных и культурных запросов населения. Этот процесс можно рассматривать как проявление взаимодействия государства и общества в образовании, в рамках становления государственно-общественного управления образованием, пять этапов которого отражены в исследовании Н. М. Федоровой [3]. Рассматривая эти этапы, мы приняли допущение соответствия сущности внешкольного образования современной трактовке понятия дополнительного образования детей.

Термин «дополнительное образование» впервые появился в 1992 году в ФЗ «Об образовании» и означал вид образования, который направлен на всестороннее удовлетворение образовательных потребностей человека. Такое же понимание его сущности сохранилось в новом ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (2012), где подчеркивается, что дополнительное образование детей обеспечивает их адаптацию к жизни, профессиональную ориентацию и выявляет и поддерживает детей, проявивших выдающиеся способности.

Первым этапом развития дополнительного образования детей в России можно считать начало XIX века – середину 50-х годов XIX века, когда внутренняя политика Александра I стимулировала активность «образованного общества» в отношении обсуждения проектов просвещения народа и создания общедоступной школы [3]. Стали открываться приходские школы, уездные училища, гимназии, библиотеки. В этом отношении Карелия значительно отставала от цен-

тральных районов России. В начале XIX века в Олонецкой губернии было всего пять училищ, расположенных в городах: Петрозаводске, Олонце, Каргополе и Вытегре. В 1802 году на 1675 человек населения Олонецкой губернии приходился один учащийся [2; 1–16]. Первая публичная библиотека была открыта в Петрозаводске в 1833 году губернатором А. И. Яковлевым по распоряжению Министерства внутренних дел.

Второй этап развития дополнительного образования – середина 50-х – начало 90-х годов XIX века. Начало этого этапа связано с дискуссией в российском обществе по вопросам воспитания и образования [3]. Большое значение сыграла статья Н. И. Пирогова «Вопросы жизни», опубликованная в 1856 году в журнале «Морской сборник». Благодаря Н. И. Пирогову в 1859 году в Киеве при подольском училище была открыта первая в России воскресная школа для взрослых. Было уделено внимание и внешкольному образованию детей. В гимназии он организовывал литературные вечера и беседы для учеников старших классов. Кроме того, во всех элементарных училищах предлагал проводить воскресные и праздничные уроки для желающих.

В середине XIX века в России возникла необходимость охватить как можно больше неграмотного населения различными формами просветительской работы. Это способствовало появлению народных воскресных школ, библиотек, читален, то есть внешкольных учреждений. Большую работу в деле просвещения проводили земства. В Олонецкой губернии земства были введены в 1868 году. Благодаря им были открыты многие школы, активно велась работа по внешкольному образованию. Например, в Олонецкой гимназии в 1886/87 учебном году велись такие необязательные предметы, как: рисование, гимнастика и пение. Занятия, как правило, проводились в послеобеденное время¹. Земства уделяли внимание развитию библиотечного дела, народных чтений, учительским курсам, школьным музеям, оздоро-

вительной работе, а также распространению среди крестьянского населения полезных знаний по сельскому хозяйству, огородничеству, пчеловодству и др. По предложению земства в целях воспитания бережного отношения к природе в школах проводились праздники древонасаждений, которые к тому времени уже стали традицией в США и некоторых странах Европы [1; 243].

Третий этап – начало 90-х годов XIX века – 1917 год – характеризуется подъемом социальной и профессионально-педагогической активности, созданием политических партий, педагогических союзов, включением вопросов внешкольного образования в круг обсуждения широких масс [3]. 10 сентября 1909 года начало свою деятельность Петрозаводское общество распространения образования, организованное по инициативе супруги губернатора А. В. Протасьевой. Согласно Уставу, деятельность общества выражалась в публичных чтениях, в учреждении библиотек-читален, книжных складов, музеев, школ, в организации просветительных развлечений – концертов, спектаклей и пр. Большое внимание уделялось развитию в крае различных ремесел сообразно с местными условиями и распространению их среди населения. Так, в 1902 году в селе Шуя была организована школа ткачества. В ней обучались 15 девочек 13–14 лет, преимущественно крестьянского происхождения из разных волостей Петрозаводского уезда². Во второй половине 90-х годов XIX века в России появились новые формы внешкольной просветительной работы: народный театр, народные дома, вечерние курсы для рабочих. Большой популярностью среди народных учителей пользовались работы В. П. Вахтерова. В его книге «Внешкольное образование народа» (1896) был обобщен опыт 1890-х годов. В работе рассматривалось возникновение и развитие внешкольного образования взрослых, приводилась подробная характеристика основных внешкольных образовательных учреждений, которые открывались в основном благодаря частной инициативе [4; 36]. Известным педагогом рассматриваемого периода был С. Т. Шацкий. Благодаря ему появляются первые внешкольные учреждения для детей в России. Вместе с архитектором А. У. Зеленко в 1905 году он открыл в Щелкове под Москвой летнюю трудовую колонию для детей, которая положила начало открытию различных клубов для детей и подростков. Осенью того же года в Москве, в районе Бутырской слободы и Марьиной рощи, совместно с коллегами С. Т. Шацкий организовал кружки, детские клубы и детский сад, которые носили общее название «Дневной приют для приходящих детей» [5; 10].

Первая мировая война изменила приоритеты и сместила акценты в подходах к вопросам образования [3]. В Карелии организуются добровольные дружины, состоящие из учеников и учителей, для помощи в полевых работах

частновладельческих и крестьянских хозяйств³. Большое значение придается внешкольному образованию населения, чему способствовали библиотеки и народные чтения, во время которых освещались происходящие события. Внешкольное образование в России, получив свое начало в городах, благодаря деятельности земств стало проникать и в сельскую местность. Период с 1911 по 1917 год характеризуется их активной работой по участию в развитии внешкольного образования и признанию его важности. Постепенно внешкольным образованием стали заниматься с детьми: появились некоторые новые формы работы с детьми, больше внимания стало уделяться семейному воспитанию, изучению детства, стали проводиться съезды по вопросам детства. Новые формы работы с детьми появляются прежде всего при школах. Например, в середине первого десятилетия XX века в ряде школ учителя-энтузиасты практиковали занятия с учащимися на пришкольных участках (огородничество, садоводство), ежегодно устраивали экскурсии школьников в близлежащие города.

Четвертый этап – ноябрь 1917 года – 1931 год. Это период перестройки всей системы народного образования. В ранг государственной политики была возведена забота о жизни, здоровье и воспитании детей [3]. Важное место в решении этой задачи отводилось школе, однако все поставленные задачи одна школа решить не могла. Необходима была активная работа с учащимися во внеурочное время. В Москве 6 мая 1919 года состоялся I Всероссийский съезд по внешкольному образованию, с программной речью на нем выступил А. В. Луначарский. В июне 1918 года в Москве, в Сокольниках, появляется первое в стране государственное внешкольное детское учреждение – Биологическая станция юных любителей природы, преобразованная в 1920 году в Центральную биологическую станцию юных натуралистов (БЮН). В этот период внешкольное образование принимает уклон политического воспитания и используется государством в качестве орудия пропаганды. Это привело к тому, что внешкольный отдел Наркомпроса был преобразован в Главный политико-просветительный комитет – Главполитпросвет (1920). Стали появляться детские организации: «Юные коммунисты», «Юная трудовая армия» и др. В конце 1921 года начинается движение юных пионеров, а в 1922 году на V съезде комсомола было утверждено «Положение о работе пионерорганизации». С этого времени начинается быстрый рост пионерских отрядов, создаваемых при фабриках, заводах, рабочих клубах, избах-читальнях и т. д. К 1924 году пионерская организация стала самой массовой детской организацией. Наиболее активно появляются различные детские внешкольные учреждения, охватывающие основные направления внешкольной работы с детьми и подростками. Постепенно начинает складываться система внешкольного образования детей.

Пятый этап – 1931–1991 годы [3]. В 30-е годы термин «внешкольное образование» был заменен термином «внешкольное воспитание» [4; 114], которое на первое место ставило работу по повышению политического и культурного уровня учащихся, развитию интереса к науке, технике и искусству. В 30–40-х годах XX века в стране в основном сложилась государственная и общественная система внешкольной воспитательной работы с детьми, определились типы внешкольных учреждений, основные принципы внешкольной работы, содержание, организационные формы и методы [4; 136]. Годы Великой Отечественной войны ознаменовались перестройкой всей работы на военный лад, что не могло не сказаться на народном образовании и, в частности, на деятельности внешкольных учреждений. Вся воспитательная работа носила патриотический характер. 1946–1958 годы – это период восстановления народного хозяйства страны. Внешкольная работа была направлена на расширение научного и политехнического кругозора учащихся, на связь обучения с жизнью. Широкий размах принимает деятельность внешкольных учреждений в 60–70-х годах XX века. Одна из характерных особенностей данного периода – влияние научно-технической революции

на все стороны жизни общества. Это нашло отражение и в работе внешкольных учреждений. Именно в этот период широко используется методика И. П. Иванова, который опирался на идеи А. С. Макаренко. Большую роль сыграли теоретические труды и практический опыт В. А. Сухомлинского, особенно его идеи гуманизации образования. В 80-е годы XX века предпринято комплексное реформирование всех звеньев образования (1984–1987) [4; 132], в том числе и внешкольного. В 90-е годы XX века произошли перемены, которые отразились на всей системе образования в целом. Была разрушена советская воспитательная система, объявлен самороспуск пионерской и комсомольской организаций. Встает вопрос о комплексном воспитании, в котором ведущая роль отводится семье и школе. В этот период появляется большое количество работ о воспитательных системах: З. А. Мальковой, Л. И. Новиковой, В. А. Караковского и др.

В становлении и развитии системы дополнительного образования детей в России четко просматриваются этапы, которые характерны и для Карелии. Она в этом смысле остается малоизученным регионом. Возникает необходимость в изучении данного вопроса.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Отчет о состоянии Олонецкой гимназии в г. Петрозаводске за 1886–1887.

² Олонецкие губернские ведомости. 1902. № 41; 1909. № 92.

³ Вестник Олонецкого губернского земства. 1916. № 10.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Илюха О. П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX – начале XX в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. 303 с.
2. Кучепатов Н. Г. Школа в дореволюционной Карелии. Петрозаводск, 1956. 107 с.
3. Федорова Н. М. Становление государственно-общественного управления школьным образованием в России. СПб.: ЛЕМА, 2010. 264 с.
4. Чекhov М. О. Теория и практика дополнительного образования детей в России: Дисс. ... д-ра пед. наук. Самара, 2003. 393 с.
5. Шацкий С. Т. Педагогические сочинения: В 4 т. Т. 1. М.: Изд-во Академии пед. наук РСФСР, 1962. 502 с.

Ostrovskaya S. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

MAIN STAGES OF CHILDREN'S SUPPLEMENTARY EDUCATION DEVELOPMENT IN RUSSIA

The article is concerned with the establishment and development of supplementary education for children in Russia on the example of Karelia. While doing the research, we put the main emphasis on public initiative as the main resource and driving motive of the phenomenon's establishment and development. We analyzed how the stages of governmental and public management of education as a historical, pedagogical, and social phenomenon correspond with the stages of out-of-school education development in Russia. Results of the analysis helped to specify the essence and the time of origin of the studied cultural and educational phenomenon.

Key words: supplementary education, out-of-school education, public discussions on pedagogics, public initiative

REFERENCES

1. Ilyukha O. P. *Shkola i detstvo v karel'skoy derevne v kontse XIX – nachale XX v.* [Schooling and childhood in Karelian village in the late XIX – early XX centuries]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2007. 303 p.
2. Kuchepatov N. G. *Shkola v dorevolnyutsionnoy Karelii* [School in pre-revolutionary Karelia]. Petrozavodsk, 1956. 107 p.
3. Fedorova N. M. *Stanovlenie gosudarstvenno-obshchestvennogo upravleniya shkol'nyim obrazovaniem v Rossii* [Establishment of governmental and public management of school education in Russia]. St. Petersburg, LEMA Publ., 2010. 264 p.
4. Chekhov M. O. *Teoriya i praktika dopolnitel'nogo obrazovaniya detey v Rossii: Diss. ... d-ra ped. nauk* [The theory and practice of supplementary education for children in Russia. Dr. pedagogical sciences diss.]. Samara, 2003. 393 p.
5. Shatskiy S. T. *Pedagogicheskie sochineniya: V 4 t. T. 1* [Essays on Pedagogics in 4 vol. Vol. 1]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii pedagogicheskikh nauk RSFSR, 1962. 502 p.

Поступила в редакцию 25.02.2014

НАТАЛЬЯ ВИКТОРОВНА ПАТРОЕВА

доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
 nvpatr@list.ru

ИНТРОДУКТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ЛИРИКЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА*

Представлен анализ начальных предложений и строк, входящих в структуру зачина стихотворных произведений малых жанров. Актуальность и новизна исследования заключаются в комплексном структурно-семантическом анализе инициальных фраз поэтических произведений М. Ю. Лермонтова. Материалом статьи является лирика М. Ю. Лермонтова: тексты 253 стихотворений 1828–1841 годов. Длина интродуктивных конструкций Лермонтова колеблется от 1 до 18 строк. Самый распространенный тип начальной конструкции – сложное бессоюзное предложение, а также многокомпонентное предложение с разными типами синтаксической связи. Редко стихотворение открывается односоставной монопредикативной структурой или двусоставным простым предложением с эллипсисом компонентов. Отмечается тенденция к усложнению построения интродуктивных конструкций в направлении от первого ко второму этапу творчества. С точки зрения семантики первых фраз в поэзии Лермонтова выделяются фактуальные, хронотопические, экзистенциальные, описательные, интерпретационные, риторические и апеллятивные зачины. Анализ стихотворных зачинов позволяет распространить отмеченные конструктивные тенденции на синтаксическую организацию лирического дискурса в целом. Перспективным с точки зрения выяснения особенностей «грамматики поэзии» представляется изучение взаимосвязи синтаксиса и ритмо-метрической модели поэтических зачинов.

Ключевые слова: лирика, композиция стихотворения, зачин, поэтический синтаксис

Начальное предложение текста играет особую роль в организации связного целого: обладая наибольшей самостоятельностью и большей свободой построения, а также полнотой состава в сравнении с последующими высказываниями, открывающее текст предложение вводит тему сообщения и во многом определяет его структуру, а также содержание. Обозначая начало мысли и являясь организующим центром текста, первое предложение также обычно представляет собой зачин¹ или его часть, с точки зрения типичного трехчастного композиционного членения (зачин – развитие мысли – концовка) произведения, и рему, с точки зрения актуального членения речи. Начальная фраза служит не только структурным фундаментом и квинтэссенцией смысла следующего далее произведения, но и задает его жанрово-стилевое единство, подчеркивает коммуникативное намерение автора, выдает его творческий замысел читателю, а потому оказывается, наряду с заглавием, своеобразным ключом к пониманию связного целого. Не случайно именно интродуктивным предложениям писатели уделяют столь много внимания. Так, М. Ю. Лермонтов, о чем свидетельствует его рукописное наследие, часто перерабатывал начальные стихи своих произведений. Например, стихотворение «Поэт» открывалось в автографе строками:

*В серебряных ножнах блистает мой кинжал,
 Геурга старого изделье,
 Булат его хранит таинственный закал, –
 Давно утраченное зелье!* (2, 521)²

В окончательной редакции поэт изменяет начальный и конечный атрибуты в строфе, а также отказывается от упоминания имени тифлисского мастера, тем самым стремясь к максимальному обобщению и усилению яркости исходного образа, отказываясь от слишком вычурной метафоричности и излишней эмоциональности выражения:

*Отделкой золотой блистает мой кинжал;
 Клинок надежный, без порока;
 Булат его хранит таинственный закал –
 Наследье бранного востока* (1, 173).

Известны иные факты исправления Лермонтовым первоначальных редакций стихотворений: «Опять вы, гордые, восстали...» (вместо «Опять вы с кликами восстали...») (1, 592); «Есть речи – значенье Темно иль ничтожно...» (ср.: «Есть речи – значенье Порою ничтожно!...») (2, 522); «Они любили друг друга так долго и нежно...» (ср.: «Они любили друг друга так нежно...») (2, 525); «С тех пор, как вечный судия...» (ср.: «С тех пор как высший судия...») (2, 526); «На севере диком стоит одиноко...» (ср.: «На хладной и голой вершине...») (2, 525)).

С точки зрения установления особенностей связи между синтаксисом и архитектоникой произведения интересно, например, попытаться выявить структурные предпочтения при выборе автором грамматического типа интродукции. Кроме того, особенности конструктивной организации инициальных фраз позволяют сделать важные предположения относительно синтаксических предпочтений лирического рода в

целом, а также о границах зачина. Материалом исследования служат тексты 253 стихотворений М. Ю. Лермонтова 1828–1841 годов.

Длина первого предложения варьируется в рамках довольно широкого диапазона – от 1 до 18 строк: 99 начальных предложений занимают 4 стиха; на второй позиции составляющие 2 строки интродуктивные фразы (41 репрезентация). Далее по степени распространенности следуют: равные по протяженности 8 стихам (23 примера), 1 и 6 стихам (по 14 употреблений), 3 стихам (10 репрезентаций), 12 стихам (8), 5 строкам (7), 10 стихам (6), 9 строкам (4), 11 и 16 строкам (3 примера), 7 и 18 стихам (по 2 репрезентации); 14 строкам (1 пример). Следовательно, преобладающие в лермонтовской лирике размеры предложения, по крайней мере инициального, но задающего тон всем последующим конструкциям, – в 4 или 2 строки, уже гораздо менее распространены восьмистрочные либо иного объема фразы³.

Поскольку зачин как «организуемый центр» задает тот образец, по которому строятся последующие предложения в тексте (такова структурообразующая функция зачина – одна из важнейших для первой композиционной части [11; 82]), подчиняющиеся принципу подобия и параллелизма, большинство лермонтовских стихотворных произведений – и, со всей очевидностью можно предположить, поэтических текстов вообще – строятся по модели полипредикативного предложения (около 75 %, 188 репрезентаций), так как поэтический синтаксис вообще очень сложен и выносит эту сугубую сложность, не приводя к коммуникативным «неудачам» при интерпретации текста читателем, благодаря поддерживающей разветвленный синтаксический каркас строгой ритмо-метрической схеме как некой «сверхорганизации». Инициальные фразы, совпадающие с границами простых конструкций, составляют только 24 % (56 репрезентаций) от общего числа первых стихов. Лирический дискурс требует гораздо более сложной организации текстовой структуры в силу общепоэтической прагматической установки: вместить в стихотворную миниатюру всю суть авторской медитации – индивидуальный образ бытия (фрагмент символической картины мира), рассказать о чувствах и переживаниях лирического героя так, чтобы читатель мог максимально живо и детально представить себе историю жизни и взаимоотношений внутренних субъекта и адресата.

Среди простых инициальных предложений, помимо более распространенных двусоставных конструкций (42 репрезентации), в зачинах используются односоставные структуры (определенно-личные – 7 репрезентаций; безличные – 5 примеров, инфинитивное и номинативное – по 1 употреблению), часто содержащие предикаты чувства и состояния, что для литера-

турного рода, предназначенного для выражения внутреннего мира человека, вполне предсказуемо:

Боясь не смерти я. О нет! (1, 57)

Люблю тебя, булатный мой кинжал... (1, 165)

Как страшно жизни сей оковы

Нам в одиночестве влачить (1, 45).

Как землю нам больше небес не любить? (1, 119)

Типичными для поэтических начал оказываются бессоюзные бинарные и многокомпонентные построения, составляющие *четвертую часть* всех лермонтовских зачинов:

Люблю, когда, борясь с душою,

Краснеет девица моя:

Так перед вихрем и грозою

Красна вечерняя заря (1, 37);

Страшись любви: она пройдет.

Она мечтой твой ум встревожит.

Тоска по ней тебя убьет,

Ничто воскреснуть не поможет (1, 37).

Структурный анализ стихотворных интродукций Лермонтова со всей очевидностью подтверждает высказывавшиеся ранее предположения исследователей о повышенной активности именно бессоюзных предложений в поэзии [12], позволяющих создавать протяженные перечислительные ряды, при экономии метрического пространства в силу используемого поэтом асиндетона, поддерживать параллелизм и симметрию текста, требующего мерной ритмической повторяемости, активизировать внимание читателя на непрозрачных, семантически недостаточно дифференцированных по причине отсутствия союзов, отношениях внутри бессоюзного целого. Поскольку зачин задает синтаксическую композицию последующего текста, представляется возможным распространить выявленную тенденцию к полипредикативному бессоюзному построению инициальных фраз на весь лирический дискурс в целом.

Сложные предложения с сочинительной связью (7 % от общего числа конструкций) в лермонтовском поэтическом наследии занимают более скромное место, чем подчинительные полипредикативные конструкции, доля которых на втором этапе творчества возрастает с 11 до 14 %, при том что доля бессоюзия в организации текста остается неизменной.

Чаще всего сложные построения в зачинах Лермонтова выражают отношения соединительные и соединительно-следственные, противопоставительные, атрибутивные, изъяснительные и каузативные. Гипотаксический тип отношений в целом преобладает над паратаксическим в лермонтовских лирических интродукциях – не столько описательных и повествовательных, сколько настраивающих читателя на поиск ответов на «вечные», «проклятые» вопросы бытия.

Синтаксис Лермонтова эволюционирует в направлении снижения активности сложных предложений контаминированной структуры (с разными типами связи), при этом, однако, на-

блюдается усиление активности конструкций, состоящих из 4 и 8 частей, что представляется неслучайным в связи с одновременным возрастанием числа строфически организованных стихотворений, состоящих по преимуществу из катренов:

*Слышу ли голос твой
Звонкий и ласковый,
Как птичка в клетке.
Сердце запрыгает;*

*Встречу ль глаза твои
Лазурно-глубокие.
Душа им навстречу
Из груди просится,*

*И как-то весело,
И хочется плакать,
И так на шею бы
Тебе я кинулся (1, 166).*

Вопросительные и побудительные по цели высказывания и риторические по своему функциональному назначению в лирике конструкции оказываются инициальными комплексами только в 11 (7 и 4 соответственно) лермонтовских стихотворениях. Императивные конструкции усиливают апеллятивность текста, являясь обычно приметой внутреннего спора лирического героя с неким адресатом – внутренним или внешним (потенциальным читателем произведения) – либо с самим собой (в случае аутодиалога):

*Не привлекай меня красотой! (1, 25)
Не верь, не верь себе, мечтатель молодой,
Как язвы, бойся вдохновенья... (1, 176)*

Вопросительные монопредикативные высказывания открывают баллады (*Куда так поворно, жидовка младая?* (1, 146)), альбомные «мелочи» (*Что может краткое свиданье Мне в утешенье принести?* (1, 126)), элегии (*Зачем семьи родной безвестный круг я покидал?* (1, 59); *Зачем я не птица, не ворон степной, Пролетевший сейчас надо мной?* (1, 82); *Для чего я не родился Этой синей волной?* (1, 143)), «песни» (*Светлый призрак дней минувших, Для чего ты пробудил страстей уснувших и заботы?* (1, 25)), стихотворения «на случай» или произведения, наполненные гражданственным пафосом (*Сыны снегов, сыны славян, Зачем вы мужеством упали?* (1, 69)). Как известно, стихотворение – всегда «превращенный» («фиктивный», вне реальной речевой ситуации) диалог поэта с миром и самим собою, заочный и релевантный потенциально для любого отдаленного во времени и пространстве, поэтому вопросы в лирике часто оказываются «безответными»⁴ – медитативными, пейзажными или императивными по своей функции, за исключением редких для лирического рода произведений, включающих прямую речь (– *Скажи-ка, дядя, ведь недаром Москва, спаленная пожаром, Французу отдана?* (1, 154)).

Обращает на себя внимание высокий удельный вес отрицательных высказываний среди ин-

тродуктивных предложений Лермонтова (более трети всех зачинов⁵): *Нет, не тебя так пылко я люблю...* (1, 225); *Не дожидаться мне, видно, свободы...* (1, 194); *Не верь, не верь, мечтатель молодой...* (1, 176) и т. п.

С функционально-семантической точки зрения поэтические зачины могли бы быть классифицированы следующим образом:

1) *фактуальные*⁶, которые служат для номинации центрального события, послужившего отправным пунктом для развертывания лирического сюжета: «для лирического произведения не требуется последовательности событий, но нужно хотя бы одно событие, чтобы можно было “зацепиться” им за реальный мир, чтобы можно было по поводу его переживать» [10; 60]. *Мы снова встретились с тобой...* (1, 31), *Вчера до самой ночи просидел Я на кладбище...* (1, 56), *С минуту лишь с бульвара прибежав...* (1, 60), *Три ночи я провел без сна – в тоске...* (1, 101), *Колокол стонет...* (1, 117), *Ты идешь на поле битвы...* (1, 131), *В Большом театре я сидел...* (1, 151), *Погиб поэт! – невольник чести...* (1, 157), *Расстались мы; но твой портрет...* (1, 162), *Спеша на север издалека...* (1, 164), *Она поет – и звуки тают...* (1, 167), *Ребенка милого рожденье...* (1, 175), *Я к вам пишу случайно; право...* (1, 200), *Сидел рыбак веселый...* (1, 144), *Меж тем как Франция, среди рукоплеканий...* (1, 209) и др. – такие событийные зачины мало характерны для лирики, стихия которой не повествование, а описание и размышление, выражение эмоций и точки зрения лирического субъекта по поводу некоего фрагмента мира, между тем у Лермонтова доля фактуальных начал довольно велика⁷ – 11 % от общего числа; однако часто инициальной номинации подвергаются при этом ситуации, относящиеся к историческому прошлому (*Ликует буйный Рим... торжественно гремит...* (1, 151); *Когда Рафаэль вдохновенный...* (1, 21); *Вельможы толпою стояли...* (1, 33); *Всю ночь у пушек пролежали...* (1, 110)), или мифологические, сказочные события (*Сыны небес однажды надо мною Слетелися...* (1, 134); *По небу полуночи ангел летел...* (1, 95); *У беса праздник. Скачет представляться...* (1, 105); *Русалка плыла по реке голубой...* (1, 145); *В море царевич купает коня...* (1, 223)), либо изображаемая ситуация должна быть прочитана в аллегорическом ключе (*Ночевала тучка золотая...* (1, 214); *Дубовый листок оторвался от ветки родимой...* (1, 221); *Выхожу один я на дорогу...* (1, 222); *С тех пор, как вечный судия...* (1, 224)).

2) *Экзистенциальные* зачины, сообщающие о бытии лирических субъекта и адресата, о существовании некоего явления в индивидуально-поэтической картине мира⁸, о тайнах жизни и смерти: *Я долго был в чуждой стране...* (1, 63); *Один я в тишине ночной...* (1, 67); *Оставленная пустынь предо мной...* (1, 53); *Стояла серая скала на берегу морском...* (1, 128); *Есть место: близ*

тропы глухой... (1, 80); *Есть речи – значенье...* (1, 187); *Я памятью живу с увядшими мечтами...* (1, 131); *Он спит последним сном давно...* (1, 69) и др.

3) *Хронотопические* интродукции, дающие читателю представление о месте и времени изображаемой далее ситуации: *Где бьет волна о брег высокой...* (1, 27); *Это случилось в последние годы могучего Рима...* (1, 174); *В неверный час, меж днем и темнотой...* (1, 48); *У врат обители святой...* (1, 65); *В избушке позднюю порою...* (1, 102); *Посреди небесных тел...* (1, 186); *По синим волнам океана...* (1, 192); *Уж за горой дремучею...* (1, 219); *В полдневный час в долине Дагестана...* (1, 216); *В глубокой теснине Дарьяла...* (1, 216); *Как-то раз перед толпою...* (1, 214) – обращают на себя внимание зачины с приметами «коссианического», мифологического, фольклорного, библейского хронотопов; подобные начала, содержащие пространственно-временные координаты, достаточно активны в стихотворных текстах, однако лирический хронотоп избегает точных деталей, максимально обобщен (хотя Лермонтов любил давать своим стихотворениям заглавия, напоминающие дневниковые записи: «1830 год. Июля 15-го», «30 июля. – Париж. – 1830 года», «10 июля. (1830)», «1831-го января», «1831-го июня 11 дня» и т. п.).

4) *Описательные* по функции зачины (11 % всех лермонтовских интродукций) – экспозиции, содержащие природный пейзаж: а) *Погаснул день! – и тьма ночная своды...* (1, 42); *Ревет гроза, дымятся тучи...* (1, 46); *Гляжу в окно: уж гаснет небосклона...* (1, 48); *Темно. Все спит. Лишь только жук ночной...* (1, 54); *Под занавесом тумана...* (1, 55); *Клоками белый снег валится...* (1, 70); *Редуют бледные туманы...* (1, 71); *Блестящая пробегают облака...* (1, 83); *Чисто вечернее небо...* (1, 92); *В песчаных степях арабской земли...* (1, 178); и др.

5) Особую группу составляют оценочные интродукции, подчас трудно поддающиеся разграничению на подрубрики с зыбкими, нежесткими границами: а) *характеризующие*, б) *интерпретационные* зачины, в) *зачины-сентенции* и *афоризмы*, очень свойственные лирике как самому «субъективному» и эмоционально насыщенному литературному роду: по словам Л. Гинзбург, «поэтическое слово непрерывно оценивает все, к чему прикасается» [4; 8], поскольку поэт всегда предлагает читателю свою версию изображаемого, свой модус мира, в тайне рассчитывая на сопереживание в оценке собственного «я» (как правило, иронической или шутливой), адресата (и восторженную, и критическую), какого-либо явления или некоего третьего лица: а) *Собрание зол его стихия* (1, 29); *Простосердечный сын свободы...* (1, 55); *Взлелеянный на лоне вдохновения...* (1, 30); *Ласкаемый цветущими мечтами...* (1, 112); *Тобой пленяться издали Мое все зрение готово...* (1, 50); *Безумец я! вы правы, правы!* (1, 139); *Ужасная судьба отца и сына...* (1, 98); *Унылый колокола звон...* (1, 118); *Измученный тоскою*

и недугом... (1, 130); *Русский немец белокурый...* (1, 167); *Смотрите, как летит, отвагою пылая...* (1, 168); *Слепец, страданьем вдохновенный...* (1, 169); *Отделкой золотой блистает мой кинжал...* (1, 172); *Терек воеет, дик и злобен...* (1, 182); *На наших дам морозных...* (1, 212); *Когда надежде недоступный...* (1, 227);

б) *На жизнь надеяться страшась...* (1, 50); *Я не крушусь о былом...* (1, 52); *Покрыта таинств легкой сеткой...* (1, 30); *Счастлив ребенок! И в люльке просторно ему: но дай время...* (1, 34); *Я виноват перед тобою...* (1, 41); *Как страшно жизни сей оковы...* (1, 45); *Ты мог быть лучшим королем...* (1, 65); *Моя душа, я помню, с детских лет...* (1, 72); *Я верю, обещаю верить...* (1, 86); *Я недостойн, может быть, твоей любви...* (1, 90); *Моя мать – злая кручина...* (1, 91); *Когда б в покорности незнанья...* (1, 93); *Я не могу ни произнести...* (1, 96); *Пусть я кого-нибудь люблю...* (1, 98); *Настанет день – и миром осужденный...* (1, 99); *Как дух отчаянья и зла...* (1, 103); *Источник страсти есть во мне...* (1, 115); *Не ты, но судьба виновата была...* (1, 116); *Как я хотел себя уверить...* (1, 116); *Душа моя должна прожить в земной неволе...* (1, 117); *За дело общее, быть может, я паду...* (1, 119); *Не могу на родине томиться...* (1, 120); *Я счастлив! – тайный яд течет в моей крови...* (1, 123); *Время сердцу быть в покое...* (1, 124); *Как в ночь звезды падучей камень...* (1, 125); *Я не унижусь пред тобою...* (1, 125); *Когда судьба тебя захочет обмануть...* (1, 127); *Как луч зари, как розы Леля...* (1, 127); *Пускай ханжа глядит с презреньем...* (1, 129); *Нет, я не Байрон, я другой...* (1, 130); *Я памятью живу с увядшими мечтами...* (1, 131); *Болезнь в груди моей и нет мне исцеленья...* (1, 132); *Поцелуями прежде считал...* (1, 132); *Послушай, быть может, когда мы покинем...* (1, 133); *Я жить хочу! хочу печали...* (1, 134); *Прости! – мы не встретимся боле...* (1, 138); *Слова разлуки повторяя, Полна надежд душа твоя...* (1, 139); *Она не гордой красотою...* (1, 140); *По произволу дивной власти...* (1, 141); *Душа моя мрачна. Скорей, певец, скорей!* (1, 152); *Как одинокая гробница...* (1, 152); *Я не хочу, чтоб свет узнал...* (1, 163); *Россию продает Фаддей...* (1, 164); *Как небеса, твой взор блистает...* (1, 167); *Пускай толпа клеймит презреньем...* (1, 213); *Они любили друг друга так долго и нежно...* (1, 217); *Как часто, пестрою толпою окружен...* (1, 184); *О грезах юности томим воспоминаньем...* (1, 197); *В простосердечии невежды...* (1, 198) и др.

в) *Поверь, ничтожество есть благо в здешнем свете...* (1, 31); *Мы пьем из чаши бытия С закрытыми очами...* (1, 89); *Что толку жить! Без приключений И с приключениями тоска...* (1, 141); *Печально я гляжу на наше поколенье!* (1, 168); *Мы случайно сведены судьбою...* (1, 133); *Напрасна врагов ядовитая злоба...* (1, 99); *Мне любить до могилы творцом суждено...* (1, 115); *И скучно, и грустно, и некому руку подать...* (1, 185); *Мне грустно, потому что я тебя люблю...*

(1, 197); *Я верю: под одной звездой Мы с вами рождены...* (1, 212); *Люблю отчизну я, но странною любовью...* (1, 207) и др. Зачины пятой группы составляют большую часть лермонтовских интродукций.

б) Функцией характеристики (наряду с вокативной) наделены, как правило, и *апеллятивные* зачины, очень скупо представленные у Лермонтова, с его одиноким и страждущим лирическим героем-скитальцем: *Сыны снегов, сыны славян...* (1, 69); *Царю небесный!* (1, 148); *Великий муж! Здесь нет награды...* (1, 153); *Катерина, Катерина, Удаля голова!* (1, 161); *Ах! Анна Алексевна...* (1, 175); *Тучки небесные, вечные странники!..* (1, 199); *Мой друг, напрасное старанье!* (1, 136); *Опять вы, гордые, восстали...* (1, 64); *Гусар! ты весел и беспечен...* (1, 147); *Люблю тебя, булатный мой кинжал...* (1, 165); *Ты понимал, о мрачный гений...* (1, 108); *Наедине с тобою, брат...* (1, 206).

7) *Риторические* – с вопросами, восклицаниями, обращенными к воображаемому собеседнику и организующими «фиктивную», «превращенную» по своему характеру поэтическую коммуникацию (около 20 % зачинов): *Не привлекай меня красой!* (1, 25); *Ты знал ли дикий край, под зной лучами...* (1, 28); *Не обвиняй меня, все- сильный...* (1, 35); *Делись со мною тем, что знаешь...* (1, 35); *Страшись любви: она пройдет...* (1, 37); *Ты помнишь ли, как мы с тобою Прощались поздною порою?* (1, 39); *Светись, светись, далекая звезда...* (1, 47); *Не думай, чтоб я был достоин сожаленья...* (1, 57); *Зачем семьи родной безвестный круг Я покидал?..* (1, 59); *Не говори: я трус, глупец!..* (1, 65); *Взгляни, как мой спокоен взор...* (1, 66); *Послушай! Вспомни обо мне...* (1, 71); *Горе тебе, город Казань...* (1, 84); *Прощай, немытая Россия...* (1, 213); *Приветствую*

тебя, воинственных славян Святая колыбель!.. (1, 135); *Синие горы Кавказа, приветствую вас!* (1, 129); *Зачем я не птица, не ворон степной...* (1, 82); *Почтим приветом остров одинокой...* (1, 82); *О, полно извинять разврат!* (1, 108); *Как землю нам большие небес не любить?* (1, 119); *Что может краткое свиданье мне в утешенье принести?* (1, 126); *Прости! увидимся ль мы снова?* (1, 129); *Оставь напрасные заботы...* (1, 134); *Отворите мне темницу...* (1, 136); *Печаль в моих песнях, но что за нужда?* (1, 137) и др., – подобные зачины составляют около 15 % лермонтовских интродукций и по функции сближаются с *апеллятивными*.

Тщательно, филигранно отделанные интродукции Лермонтова легко запоминаются читателем, подобно заглавиям, и порождают ритмико-синтаксические клише и формулы зачинов, используемые другими поэтами в последующем (ср., например, зачин лермонтовского «Паруса» и ахматовские строки: *И там, где прежде парус одинокий белел в серебряном тумане моря, – десятки быстrokрылых, легких яхт на воле тешатся...* («Приморский парк», 1950 г.), – или стихи И. Одоевцевой: *А парус белеет навек одинокий, Скользя по волнам в байроническом сплине, В пучине стихов, от шампанского синей* («Неправда, неправда, что прошлое мило...»), 1961 г.).

С точки зрения перспектив исследования лирических интродукций представляется продуктивным выяснение взаимодействия между синтаксической организацией зачина и его ритмо-метрическим, строфическим либо астрофическим построением, а также выявление взаимосвязей между структурой и семантикой зачина и заглавия – с одной стороны, и зачина и концовки произведения – с другой.

* Исследование выполнено при поддержке Программы стратегического развития (ПСР) ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Вопрос о границах зачина – проблема, пока не нашедшая решения в работах литературоведов (лирическая композиция – вообще мало разработанная область теоретической поэтики). Так, В. Е. Холшевников отмечает, что зачином может являться «первый стих, иногда два... иногда первое четверостишие», добавляя при этом: «Важно не количество стихов, а функция лирического зачина» [15; 10]. В. С. Баевский же, например, предлагает интерпретацию зачина в объеме только первой строки текста [2; 22]. В. Е. Холшевников также отмечает, что, даже если стихотворение представляет собой как будто «отрывок» и начинается с многоточия (например, пушкинское «...Вновь я посетил...»), первые строки «именно потому, что они первые, что они начинают стихотворение, – в любом случае бессознательно воспринимаются читателем как зачин и выполняют его функцию» [15; 5].
- 2 Лермонтов М. Ю. Полное собрание стихотворений: В 2 т. Т. 1. Л.: Сов. писатель, 1988. 687 с. Т. 2. Л.: Сов. писатель, 1989. Далее ссылки на это издание даются в круглых скобках с указанием тома и страницы.
- 3 Интересно сопоставить полученные данные с выводами исследователей относительно размера лермонтовского предложения, выраженного не в строках, а в количестве слов: длина простого предложения в ранней лермонтовской лирике составляет 9 слов, сложного – 21,9 слова. То есть средний размер составляет около 16 слов (см. подробнее: [3]).
- 4 Термин И. И. Ковтуновой, см.: [7; 293].
- 5 О поэтической негации см., например: [1; 14–57].
- 6 Зачины, представляющие собой констатацию какого-либо факта или явления, служащего отправной точкой для дальнейших описаний и рассуждений поэта, Р. А. Евсеева называет «зачинами-импульсами» [5; 53]; см. также [6].
- 7 В лирике А. С. Пушкина фактуальные зачины составляют только 5 % (см.: [11; 142]).
- 8 О структуре и семантике экзистенциальных зачинов в русской поэзии см.: [10].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азарова Н. Язык философии и язык поэзии – движение навстречу (грамматика, лексика, текст). М., 2010. 496 с.
2. Баевский В. С. Стих русской советской поэзии. Смоленск: Изд-во Смоленского гос. пед. ин-та, 1972.

3. Вакурова Т. И. Размер предложения в поэзии и прозе М. Ю. Лермонтова. СПб.: СПбГУ, 2011. 46 с.
4. Гинзбург Л. О лирике. Л.: Сов. писатель, 1974. 408 с.
5. Евсева Р. А. Зачины в элегиях В. А. Жуковского и К. Н. Батюшкова // Вестник Оренбургского государственного университета. 2004. № 11. С. 50–56.
6. Евсева Р. А. Трехчастность лирических стихотворений: к проблеме методики анализа композиции // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. Т. 61. № 11. С. 44–50.
7. Ковтунова И. И. Синтаксис поэтического текста // Поэтическая грамматика. М.: Наука, 2006. С. 239–297.
8. Патроева Н. В. Зачины с экзистенциальным глаголом ЕСТЬ в русской поэзии XVIII–XX вв.: опыт грамматического и функционально-семантического описания // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. «Общественные и гуманитарные науки». 2012. № 7 (128). Т. 1. С. 68–72.
9. Патроева Н. В. Пушкинские лирические зачины: структура, семантика, проблема границ в соотношении со строфической и астрофической организацией стихотворного текста // European and Russian literature: modern problems of study. Stuttgart, 2013. Vol. 2. P. 123–146.
10. Сидорова М. Ю. Грамматика художественного текста. М., 2000. 416 с.
11. Солганик Г. Я. Синтаксическая стилистика: (Сложное синтаксическое целое). М.: Высшая школа, 1991. 182 с.
12. Стехин Ю. К. Сложное предложение в поэтическом языке (на материале русской советской поэзии) // Вопросы синтаксиса сложного предложения и методики его преподавания в школах и вузах. Краснодар: Изд-во Краснодарского гос. пед. ин-та, 1966. С. 99–101.
13. Холшевников В. Е. Анализ композиции лирического стихотворения // Анализ одного стихотворения. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. С. 5–49.

Patroeva N. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

INTRODUCTIVE SENTENCES IN M. Y. LERMONTOV'S LYRICS

The analysis of initial sentences and lines within structures of poetic works of small genres is presented in the article. The relevance and novelty of the research is demonstrated through the complex structural-semantic analysis of initial phrases inherent to M. Y. Lermontov poetry. The material of the article is based on Lermontov's poetry: 253 texts of poems by M. Y. Lermontov written in 1828–1841. The length of introductive structures in Lermontov's works ranges from one to eighteen lines. The most frequent introductions coincide with boundaries of quatrains and octave, though some introductive sentences are in several stanzas. Lermontov's poem rarely starts with a mononuclear, monopredicative structure or a two-part simple sentence with ellipsis of components. The tendency to complicate introductive structures from the first to the second stage of the work is observed. In terms of semantics, factual, chronotopical, existential, descriptive, interpretive, rhetorical, and appellative introductions are encountered in the first phrases of Lermontov's poetry. The analysis of poetic introductions allows us to extend denoted structural trends in syntactic organization of lyrical discourse in general. The study of relationship between syntax and rhythm-metric model of poetic introductions is instrumental in determining characteristics of "grammar of poetry".

Key words: poetry, poem composition, introduction, poetic syntax

REFERENCES

1. Azarova N. *Yazyk filosofii i yazyk poezii – dvizhenie navstrechu (grammatika, leksika, tekst)* [The language of philosophy and the language of poetry – the movement toward (grammar, vocabulary, text)]. Moscow, 2010. 496 p.
2. Baevskiy V. S. *Stikh russkoy sovetskoy poezii* [A verse of Russian Soviet poetry]. Smolensk, Izd-vo Smolenskogo gos. ped. in-ta, 1972.
3. Vakurova T. I. *Razmer predlozheniya v poezii i proze M. Yu. Lermontova* [Size of sentence in poetry and prose of M. Y. Lermontov]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2011. 46 p.
4. Ginzburg L. *O lirike* [About lyrics]. Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1974. 408 p.
5. Evseva R. A. Introductions in elegies of V. A. Zhukovskiy and K. N. Batyushkov [Zachiny v elegiyakh V. A. Zhukovskogo i K. N. Batyushkova]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Orenburg State University]. 2004. № 11. P. 50–56.
6. Evseva P. A. The three-part of lyric poems: to the problem of the technique of composition analysis [Trehkhastnost' liricheskikh stikhotvoreniy: k probleme metodiki analiza kompozitsii]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Orenburg State University]. 2006. Vol. 61. № 11. P. 44–50.
7. Kovtunova I. I. Syntax of poetic text [Sintaksis poeticheskogo teksta]. *Poeticheskaya grammatika* [Poetic grammar]. Moscow, Nauka Publ., 2006. P. 239–297.
8. Patroeva N. V. Introductions with existential verb TO BE in Russian poetry of XVIII–XX centuries.: experience of grammatical and functional-semantic description [Zachiny s ekzistentsial'nym glagolom YEST' v russkoy poezii XVIII–XX vv.: opyt grammaticheskogo i funktsional'no-semanticheskogo opisaniya]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. "Obshchestvennye i gumanitarnye nauki"* [Proceedings of Petrozavodsk State University. Social Sciences and Humanities]. 2012. № 7 (128). Vol. 1. P. 68–72.
9. Patroeva N. V. Pushkin's lyrical introductions: structure, semantics, the problem of boundaries in relation to the strophic and astroficheskoy organization of poetic text [Pushkinskie liricheskie zachiny: struktura, semantika, problema granits v sootnoshenii so stroficheskoy i astroficheskoy organizatsii stikhotvornogo teksta]. *European and Russian literature: modern problems of study*. Stuttgart, 2013. Vol. 2. P. 123–146.
10. Sidorova M. Yu. *Grammatika khudozhestvennogo teksta* [Grammar of literary text]. Moscow, 2000. 416 p.
11. Solganik G. Ya. *Sintaksicheskaya stilistika: (Slozhnoe sintaksicheskoe tseloe)* [Syntactic stylistics: (A complex syntactic unit)]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1991. 182 p.
12. Stehin Yu. K. Complex sentence in poetic language (based on Russian Soviet poetry) [Slozhnoe predlozhenie v poeticheskom yazyke (na materiale russkoy sovetskoy poezii)]. *Voprosy sintaksisa slozhnogo predlozheniya i metodika ego prepodavaniya v shkolakh i vuzakh* [Questions of complex sentence syntax and methods of its teaching at schools and universities]. Krasnodar, Publishing house of State Krasnodar Pedagogical University, 1966. P. 99–101.
13. Kholshchevnikov V. E. Analysis of composition of a lyric poem [Analiz kompozitsii liricheskogo stikhotvoreniya]. *Analiz odnogo stikhotvoreniya* [Analysis of one poem]. Leningrad, Publishing house Leningrad State University, 1991. P. 5–49.

Поступила в редакцию 30.06.2014

ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА ЩЕГЛОВА
аспирант, Институт лингвистических исследований РАН,
старший преподаватель кафедры речевой коммуникации
факультета журналистики, Санкт-Петербургский госу-
дарственный университет (Санкт-Петербург, Российская
Федерация)
e.shscheglova@bk.ru

НЕИЗВЕСТНЫЕ И МАЛОИЗВЕСТНЫЕ НОМИНАЦИИ В ОЧЕРКАХ ПУТЕШЕСТВИЯ И. А. ГОНЧАРОВА «ФРЕГАТ “ПАЛЛАДА”»*

Очерки путешествия Гончарова «Фрегат “Паллада”» вызвали огромный интерес у читающей публики своего времени. Особое значение их автор придавал описанию новой лексики, обозначающей необычные культурные явления тех мест, которые он посетил во время путешествия. Можно выделить четыре способа репрезентации такой лексики в очерках: 1) подробное, своего рода энциклопедическое, описание; 2) описание, встроенное в основную повествовательную линию; 3) внутритекстовое толкование; 4) пояснение не дается вовсе, значение слова понятно из контекста. При этом выбор способа репрезентации неизвестного слова зависит от тех задач, которые оно выполняет. Так, в «экзотических» главах Гончаров делает выбор в пользу первых двух вариантов, поскольку они дают возможность максимально подробно описать предмет, стоящий за номинацией. В «сибирских» главах описание, встроенное в основную повествовательную линию, реализуется в форме диалога между автором и знающим собеседником. Большое значение приобретают внутритекстовые толкования и графически маркированные лексические единицы, значение которых понятно из контекста. Последние два способа актуальны и для пояснения морской лексики. Работа Гончарова над изучением неизвестной и малоизвестной лексики демонстрирует убежденность автора в невозможности культурного обмена без усвоения слов, обозначающих предметы, объекты и явления другой культуры.

Ключевые слова: И. А. Гончаров, «Фрегат “Паллада”», историческая лексикология, стилистика, культура

1840–50-е годы стали расцветом литературы путешествий, регулярно появлявшейся на страницах периодических изданий того времени. Очерки путешествия И. А. Гончарова «Фрегат “Паллада”», публиковавшиеся самостоятельными частями в журналах «Отечественные записки», «Морской сборник» и других с 1855 по 1857 год, стали своего рода завершающей точкой и одновременно вершиной этого периода [3]. Для читающей публики того времени крайне важным оказывалось узнать о других странах и народах как можно больше: сопоставление «своего» и «чужого» рождало самосознание себя как нации – суверенной части большого мира. Такое познание, конечно, было невозможно без слова как такового. Номинация как процесс становится актом познания. Гончаров, получивший филологическое образование на словесном факультете Московского университета, не мог не почувствовать эти тенденции жизни образованного общества своего времени. Можно сказать, что для Гончарова изучение нового объекта неразрывно связано с усвоением его названия, при этом автор дает максимально полный список вариантов слова. Так происходит, например, при встрече с экзотическими плодами: «...еще были тут называемые по-английски *кастард-эпплз (custard apples)* плоды, похожие видом и на грушу, и на яблоко, с белым мясом, с черными семенами», и далее: «Если не ошибаюсь, по-испански он называется *нона*» (98)¹, или «Я разрезал плод: под красною мякотью скрывалась белая, кисло-

сладкая сердцевина, состоящая из нескольких отделений с крупным зерном в каждом из них. Прохладительно, свежо, тонко и сладко, с легкой кислотой. Это мангустан, а по английскому произношению “мангустэн”. Англичане не могут не исковеркать слова» (256). В последнем примере английский вариант произношения сопровождается ироничным комментарием автора, но сам факт приведения фонетического варианта слова не утрачивает своей значимости.

Встречаясь с новым явлением или объектом, Гончаров стремится дать читателю его наиболее корректную номинацию, и наоборот, услышав новое слово, автор поясняет его, описывая предмет действительности, который за ним стоит. При этом определение «новое» по отношению к слову следует понимать максимально широко: оно может быть новым для автора очерков, новым для читателя (с точки зрения автора) или новым с языковой точки зрения. Так, например, слово *кастард-эпплз* не удалось обнаружить ни в одном из доступных источников, кроме произведения Гончарова (сейчас этот плод известен под названием *аннона*), в то время как слова *айва* или *манго* (у Гончарова – в варианте *манга*) можно найти в «Словаре русского языка XVIII в.» ([4; Вып. 1, 33; Вып. 12, 58] соотв.). Можно выделить четыре основных варианта представления новой лексики в очерках: 1) подробное, своего рода энциклопедическое, описание; 2) описание, встроенное в основную повествовательную линию; 3)

внутритекстовое толкование; 4) отсутствие пояснения, значение слова понятно из контекста. В разных частях произведения автор делает выбор в пользу разных способов репрезентации «новых» слов в зависимости от тех стилистических задач, которые они призваны выполнять. С этой точки зрения «Фрегат “Паллада”» можно разделить на две части, в которых способы репрезентации будут существенно различаться: «экзотические» и «сибирские» главы.

В «экзотических» очерках обнаруживаются два первых способа репрезентации «новых» слов, использующиеся для подробного и разностороннего описания предмета или явления, стоящего за номинацией, значение которой раскрывается. Следует при этом отметить важное отличительное свойство «энциклопедической» справки: она останавливает сюжетное время и тем самым дает возможность читателю сосредоточить свое внимание непосредственно на описываемом явлении и его номинации, при этом основной сюжет становится рамкой для подобного пояснения «нового» слова: «*Мы наткнулись на маленький рынок. На берегу речки росло роскошнейшее из тропических деревьев – баниан*». Далее следует подробное описание баниана, его внешнего вида, после чего читатель вновь возвращается автором на рынок: «*Анжерское дерево покрывало ветвями весь рынок...*» (250). В свою очередь, встроенное в повествование описание, не останавливая сюжетное время, вводит читателя в контекст совместного с автором усвоения нового знания, тем самым сохраняется ощущение непосредственной пульсации жизни: «*Отдохнешь у лавки с плодами: тут и для глаз, и для носа хорошо. С удивлением взглянете вы на исполинские лимоны-апельсины, которые англичане называют пампль-мусс. Они величиной с голову шести-семилетнего ребенка; кожа в полтора пальца толщины. Их подают к десерту, но не знаю зачем: есть нельзя. Мы попробовали было, да никуда не годится: ни кислоты лимона нет, ни сладости апельсина. Говорят, они теперь неспелые, что, созревши, кожа делается тоньше и плод тогда сладок: разве так*» (418) (речь идет о грейпфрутах). Читатель вводится в повествование с помощью обобщенной конструкции уже в первом предложении, во втором он становится непосредственным субъектом, при этом и читатель, и автор со спутниками («мы попробовали») противопоставлены тем, чей мир описывается (неопределенно-личные конструкции: «*подают*», «*говорят*»), – на грамматическом уровне воплощается противопоставление «свое» – «чужое».

Следует особо отметить, что какой бы из представленных способов репрезентации «новых» слов ни выбрал автор, в его описании будет присутствовать сильное личностное начало. Автором используются сравнительная и превосходная степени прилагательных: мандарины признаны *очень сладкими*, о кастард-эппльз он

замечает – *нет лучше плода*, баниан назван *роскошнейшим* деревом; предпочтение отдается лексическим единицам, имеющим в своем значении эмотивно-оценочный элемент: сладость жу-жубов – *приторная и бесхарактерная*, вкус кастард-эппльз – *мягкий и нежный*, пампль-мусс – *исполинский* (вместо более нейтральных *большой, крупный*). В ряде случаев выносятся и непосредственная оценка, как в приведенном выше примере с пампль-муссом («*не знаю зачем: есть нельзя*», «*никуда не годится*», «*разве так*»). Тем самым у читателя создается иллюзия непосредственного участия: познание «чужого» происходит на ином, отличном от научного, уровне – уровне личностного восприятия конкретного отдельно взятого предмета с вполне определенной локацией и временной отнесенностью как представителя целого класса подобных предметов (о научном описании см.: [2]).

В «экзотических» главах объект восприятия неотделим от номинации, чаще всего то и другое возникают в повествовании одновременно: «*Сады их окаймляли дорожку тенистыми дубами, кустами алоэ, но всего более айвой, которая росла непроходимыми кустами, с желтыми фруктами. Вы знаете айву? Это что-то вроде крепкого, кисловатого яблока, с терпкостью, от которой вяжет во рту; его есть нельзя; из него делают варенье и т. п.*» (181). Иногда объект возникает прежде своего названия (например, в случае с мангустаном). В этом отличие «экзотических» глав от «сибирских»: в них Гончаров двигается по линии от слова к предмету. Именно поэтому необходимые сведения об объекте читатель нередко получает непосредственно из диалога автора со знающим собеседником, то есть пояснение дается «внутри» повествования, но задан иной вектор познания: «*...медведи – и такое чудо, – говорил смотритель, – ходят вместе со скотом и не дают его, а едят рыбу, которую достают из морды...*» – «*Из морды?*» – спросил я. «*Да, что ставят на рыбу, по-вашему мережи*» (668) (разговор со смотрителем станции). В этом примере предмет, стоящий за данной номинацией, отнюдь не новый, потенциальный интерес для читателя представляет само наименование. Однако в ряде случаев предмет описания будет не вполне обычным, но особый интерес здесь возникает к форме слова, ее осмыслению: «*“В иных местах есть поварни”*», – *говорят мне. При этом слове, конечно, представляется вам и повар, пожалуй, в воображении запахнет бифтексом, котлетами... “Поварня, – говорят мне, – пустая, необитаемая юрта с одним искусственным отверстием наверху и со множеством природных щелей в стенах, с очагом посредине – и только”*. Следовательно, это *quasi-поварня*. Если хотите сделать ее *настоящей поварней*, то привезите с собой *повара*, да кстати уж и провизии, а иногда и дров,

где лесу нет; не забудьте взять и огня: попросить не у кого, соседей нет кругом; прямо на тысячу или больше верст пустыня, направо другая, налево третья и т. д.» (686). Весь отрывок проникнут иронией к той «ловушке», которую представляет для носителя русского языка слово *поварня* в представленном значении. Эта ирония ощущается нами и в употреблении латинского форманта *quasi*- рядом со словом, обозначающим реалию «дикого» края, и в обыгрывании родства слов *поварня* и *повар*, и в употреблении слова *пустыня* в конкретно-вещественном значении. Между тем слово *поварня* действительно хорошо известно в ином значении: в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» в качестве первого значения дается следующее: ‘помещение для приготовления кушаний, а также напитков’ [5; Вып. 15, 140], в «Словаре русского языка XVIII в.» в качестве первого значения дано ‘кухня’ [4; Вып. 20, 91]. При этом удивление вызывает молниеносность реакции автора на каждую новую номинацию, благодаря его живому интересу к слову как таковому создается тот особый колорит развивающейся Сибирской Руси (как называет сам Гончаров эти земли). Можно обнаружить целую серию толкований слов в диалоге, при этом одно пояснение ведет за собой другое: «“Лучше всего вам **кухлянку** купить, особенно двойную...” – сказал другой, вслушавшийся в наш разговор. “Что это такое **кухлянка**?” – спросил я. “Это такая рубашка из оленьей шкуры, шерстью вверх. А если купите двойную, то есть и снизу такая же шерсть, так никакой шубы не надо”. “Нет, это тяжело надевать, – перебил кто-то, – в двойной **кухлянке** не поворотиться. А вы лучше под одинакую **кухлянку** купите **пыжиковое пальто**, – вот и всё”. – “Что это такое **пыжиковое пальто**?” – “Это пальто из шкур молодых оленей”. “Всего лучше купить вам **борловую доху**, – заговорил четвертый, – тогда вам ровно ничего не надо”. – “Что это такое **борловая доха**?” – спросил я. “Это шкура с дикого козла, пушистая, теплая, мягкая: в ней никакой мороз не проберет”» (674). Далее аналогичным образом поясняются слова *торбасы*, *чижи*, *наледи*, *хиус*, *отемнеть* – всего в этом диалоге находят свое пояснение 8 номинаций. Почти все лексемы представлены в словаре В. И. Даля: *кухлянка*, *наледи*, *пыжиковый* (‘тонкий, плохой мех’), *чижи* – с пометой *сиб.* ([1; Т. II, 232]; [1; Т. II, 444]; [1; Т. III, 568]; [1; Т. IV, 622]); *доху* – *урал.* ([1; Т. I, 499]); *борловый*, *торбасы* – *вост.-сиб.* ([1; Т. I, 117]; [Т. IV, 429]); сложнее со словом *хиус*: Даль дает несколько вариантов: *хиз*, *хиус*, *хиуз*, *фиуз* с пометами *новг.*, *сиб.*, *арх.*, *олон.*, но глаголы *хиузит*, *захиузило* определяет как *сиб.* [1; Т. IV, 563]. Выбивается из этого ряда глагол *отемнеть*, известный не только на территории Сибири: глагол *отемняться* (*отъмняться*) в значении ‘потерять способность видеть’ можно обнаружить в «Словаре русского языка XI–

XVII вв.» [5; Вып. 13, 235]. Очевидно, что Гончаров останавливается на лексических единицах, обычно не входящих в активный словарный запас образованного столичного жителя.

Следует отметить, что такой способ представления «новых» слов в «сибирских» главах является ведущим, между тем как «энциклопедические» справки сходят на нет. Ведущий способ дополняют два практически не задействованных в «экзотических» главах: внутритекстовые толкования и слова, значения которых понятны из контекста. Внутритекстовые толкования даются, как правило, в скобках и по сути представляют собой перевод региональной лексической единицы на литературный язык: «*А не то так в лодке останутся: не азойно будет*» (*то есть: “Не тяжело”*)» (666). В «экзотических» главах подобным образом приводятся переводы иностранных слов: «...на кустах порхало множество разнообразных птиц. Я заметил одну, синюю, с хвостом более четверти аришина длиной. Она называется **sugarbird** (сахарная птица) оттого, что постоянно водится около так называемого сахарного кустарника» (153). В случаях, когда «новое» слово не получает пояснения, а его значение читатель восстанавливает из контекста, само слово в тексте графически маркируется автором: «*Ты, парень, – говорят ему, – пошевеливайся, **коренняк-то** больно торопится*» (710) (в печатных изданиях слово выделено курсивом).

Отдельно следует остановиться на тех частях очерков, в которых описывается морской быт на фрегате: морская лексика также поясняется Гончаровым, и здесь преобладают внутритекстовые толкования и контекстуально понятные слова. При этом внутритекстовые толкования могут быть достаточно подробными, напоминающими описание значений слов в толковом словаре: «“*Нет, постой ташишить!* – кричали другие, – оборвется; давай **конец!**” (**Конец** – веревка, которую бросают с судна шлюпкам, когда пристают и в других подобных случаях)» (590). Особого внимания заслуживает случай с толкованием сочетания *авральная работа*: услышав его впервые, автор требует немедленного пояснения у моряков: «“*Зачем это зовут всех наверх?*” – спросил я бежавшего мимо меня мичмана. “*Свистят всех наверх, когда есть **авральная работа***”, – сказал он второпях и исчез. Цепляясь за трапы и веревки, я выбрался на палубу и стал в уголок. Всё суетилось. “*Что это такое **авральная работа***?” – спросил я другого офицера. “*Это когда свистят всех наверх*”, – отвечал он и занялся – **авральная работаю**» (17). Затем моряки поясняют значение сочетания, причем автор представляет его уже не в виде диалога, а дает внесюжетно, остановив повествовательное время: «*Авральная работа – значит общая работа, когда одной вахты мало, нужны все руки, оттого всех и “свистят наверх”!* По-английски, если не ошибаюсь, и командуют “*Все руки вверх!*” (“*All hands up!*”)» (17) – далее

следует многократное употребление этого сочетания, при этом каждый раз оно заключается в кавычки: «*Поезжайте летом на кронштадтский рейд, на любой военный корабль <...> и если нет “авральной” работы на корабле, то я вам ручаюсь за самый приятный прием*» (19); «*Офицеров никого не было в кают-компании: все были наверху, вероятно “на авральной работе”*» (21) и др. И затем уже без кавычек сочетание употребляется в ироничном ключе: «*Я думал, судя по прежним слухам, что слово “чай” у моряков есть только аллегория, под которою надо разуметь пуниш, и ожидал, что когда офицеры соберутся к столу, то начнется авральная работа за пунишем, загорится живой разговор, а с ним и носы*» (21). Уникальность случая с авральной работой состоит в том, что в нем сочетаются сразу несколько типов пояснения из выделенных нами

(встроенное в диалог и вынесенное за пределы повествования). Кроме того, здесь Гончаров демонстрирует читателю и работу по усвоению нового слова путем его многократного повторения, о завершении этой работы можно судить по ироничному контексту последнего примера. Возможно, такое внимание со стороны автора именно к этому сочетанию можно объяснить тем, что оно встречается практически на первых страницах произведения и работа с ним призвана показать интерес автора к слову, привлечь читателя к совместной деятельности по усвоению новой лексики как части общепознавательного процесса. Эта лексикологическая и лексикографическая работа Гончарова в очерках путешествия «Фрегат “Паллада”» подтверждает мысль о том, что без усвоения слова полноценный культурный обмен становится невозможным.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 14-34-01028.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Гончаров И. А. Фрегат «Паллада». Очерки путешествия в двух томах // Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. СПб.: Наука, 1997. Т. 2. 746 с. Ссылки на это издание даются в круглых скобках с указанием страницы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.; СПб., 1880–1882.
2. Петрова З. М. Язык русской ботанической науки XVIII века // Очерки по исторической лексикологии русского языка. Памяти Ю. С. Сорокина. СПб.: Наука, 1999. С. 40–54.
3. Протсенко Е. Г. Литература «путешествий» в России в 1840–1850-е годы: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1984. 18 с.
4. Словарь русского языка XVIII в. Л.; СПб.: Наука, 1984–(…).
5. Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1975–(…).

Shcheglova E. A., St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

UNKNOWN AND LITTLE KNOWN NOMINATIONS IN I. A. GONCHAROV'S TRAVEL SKETCHES “FRIGATE “PALLADA””

The travel sketches “Frigate “Pallada”” written by A. Goncharov incited deep and genuine interest in the reading public of the time. The author of travel sketches paid special attention to the description of the new lexicon, which helped to determine unusual cultural phenomena of places he visited during his travel. A. Goncharov employs four ways of representing such lexicon: 1) the detailed encyclopedic description; 2) the description is built into the main narrative line; 3) the intra text interpretation; 4) the explanation isn't given at all, the word meaning becomes clear through context. Given that, the choice of the way representing the unknown word depends on the task, which the word is designated to carry out. Therefore, in “exotic” chapters, Goncharov favors the first two options as they give the chance to describe the subject of nomination in detail. In “Siberian” chapters, the description is built into the narrative line and is realized in the form of a dialogue between the author and a skilled interlocutor. Intra text interpretation and graphically marked lexical units also have special significance. Their meaning is derived through context. The last two ways of representation are also essential for the sea lexicon explanation. Goncharov's detailed research of the unknown and little-known lexicon demonstrates how deeply the author is convicted about the fact that no cultural exchange is possible without acquisition of special lexicon describing subjects, objects, and phenomena of foreign cultures.

Key words: I. A. Goncharov, “Frigate “Pallada””, historical lexicology, stylistics, culture

REFERENCES

1. Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: V 4 t.* [The explanatory dictionary of living Great-Russian language: In 4 vols.]. Moscow; St. Petersburg, 1880–1882.
2. Petrova Z. M. The language of the Russian botanical science of the XVIII-th century [Yazyk russkoy botanicheskoy nauki XVIII veka]. *Ocherki po istoricheskoy leksikologii russkogo yazyka. Pamyati Yu. S. Sorokina* [Sketches on the historical lexicology of the Russian language. In memoriam Yu. S. Sorokin]. St. Petersburg, 1999. P. 40–54.
3. Protzenko E. G. *Literatura “puteshestviy” v Rossii v 1840–1850-e gody: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [The “travel-literature” in Russia in the 1840–1850-th years: Abstract of the thesis of Candidate of Philology]. Leningrad, 1984. 18 p.
4. *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* [The Dictionary of the Russian language of the XVIII-th century]. Leningrad; St. Petersburg, Nauka Publ., 1984–(…).
5. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vekov* [The Dictionary of the Russian language of the XI–XVII-th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1975–(…).

Поступила в редакцию 25.11.2013

НАТАЛИЯ ЮРЬЕВНА ГРЯКАЛОВА

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
natura3@yandex.ru

АЛЛЕГОРИЯ ПОВЕСТВОВАНИЯ (ОБ ОДНОМ ИКОНОГРАФИЧЕСКОМ МОТИВЕ В ПОВЕСТИ И. А. БУНИНА «СУХОДОЛ»)

На примере трансформации иконографического мотива рассмотрена одна из форм репрезентации визуального в структуре художественного повествования. Икона св. мученика Меркурия Смоленского является визуально-смысловой доминантой повести И. А. Бунина «Суходол». На первый план в бунинской версии реализма выдвигается интегрирующая способность памяти, что детерминирует нелинейность повествования и его импрессионистическую фрагментарность. Искусство памяти/воспоминания (*ars memoria*) приобретает концептуальный статус и выступает как стратегия зрения/письма.

Ключевые слова: повествование, память, экфрасис, иконичность, визуальность

Проблема корреляции/интерференции между словесными и визуальными практиками, визуальная поэтика, как и «феноменология взгляда» в целом, на протяжении последнего десятилетия активно вовлечены в научную рефлексию представителями разных гуманитарных дисциплин – культурологами, литературоведами, философами, киноведами, семиотиками. Избирая в указанной парадигме историко-литературный ракурс исследования, мы рассмотрим одну из форм репрезентации визуального, что поможет уяснить смысл определенных литературных стратегий в общей перспективе литературного развития. Каким образом новый «опыт зрения» конфигурирует новые смыслы? Какие трансформации претерпевает визуальный артефакт в фикциональном поле? Как они соотношены с авторской литературной стратегией и внутренними векторами культурного развития? Вот тот круг вопросов, на которые мы попытаемся ответить, обратившись к повести И. А. Бунина «Суходол» (1911).

Исследователи творчества Бунина уже отмечали синтезирующую роль памяти в его произведениях и, как следствие, тот факт, что «своеобразие бунинского повествования... зачастую вырастает из вспоминающе-визуализирующего взгляда повествователя» [18]. Как правило, такого рода выводы делаются на основе анализа поздней автобиографической прозы Бунина, где «поэтика воспоминания» предстает *sui generis* [1]. Однако уже к началу 1910-х годов творческое сознание писателя откликнулось на характерные для эпохи изменения в восприятии времени, понимаемом теперь как внутренняя протяженность (бергсоновская *durée intérieure*). «Такое понимание времени и соответствующего типа восприятия значительно повышает художественный статус интегрирующей деятельности творческо-

го сознания, конструирующего из разрозненных во времени моментальных впечатлений целостную картину мира» [21; 122]. На этом фоне усиливается значение интегрирующей способности памяти – личной, исторической, культурной, творческой. Она и выдвигается на первый план в бунинской версии реализма, ставящей под сомнение линейность повествования и реагирующей на различные формы импрессионизма.

Повествовательная структура «Суходола» нелинейна и достаточно прихотлива. Первая же фраза (она выделена в абзац) – «В Наталья всегда поражала нас ее привязанность к Суходолу» – определяет перспективу повествования. Во-первых, это повествование от первого лица (последнего потомка рода Хрущевых), но множественного числа, что эксплицирует стоящее за повествователем множество. Во-вторых, сразу же вводится действующее лицо, являющееся к тому же косвенным субъектом будущего повествования, его «хронистом», – Наталья, «участница и свидетельница всей этой жизни, главная сказительница ее» (222)¹, то есть создается предпосылка двойной фокализации. В-третьих, объект описания – Суходол, родовое поместье помещиков Хрущевых, – топос, уже семантизированный сильной позицией заглавия, исходя из указанных выше характеристик, предстает как *locus natus* и *locus memorativus*.

То, что повесть автобиографична, а ее персонажи прототипичны, известно по дневникам самого писателя и по мемуарным источникам [15], [19]. Это придает бунинскому мифу о дворянском оскудении личностно-экзистенциальный смысл, а прием ретроспекции, направленный на воссоздание в памяти картин прошлого, становится основой визуального письма: например, описательный фрагмент в начале гл. II вводится фразой «Помню так, точно вчера это было».

На роль визуально-смысловой доминанты, репрезентанта родовой и исторической памяти претендует икона св. мученика Меркурия Смоленского. Заметим, что в репрезентативных исследованиях, посвященных иконе и иконичности [6], [8], так же как и «религиозному экфрасису» [7], [11], анализ данного иконографического сюжета отсутствует.

Описание или упоминание данной иконы в разных повествовательных регистрах встречается в повести четыре раза. Сначала она – в поле зрения повествователя, затем дана «глазами Натальи» при имперсональном повествовании, затем присутствует как визуализация воспоминаний нарратора и, наконец, превращается в троп. Дескриптивная функция описания иконы (экфрасис) явно подчинена нарративной. Очевидно, что для повествователя изображенное (визуальное) неотрывно от сопровождающего его легендарного нарратива. «В углу лакейской чернел большой образ святого Меркурия Смоленского, того, чьи железные сандалии и шлем хранятся на солее в древнем соборе Смоленска. Мы слышали: был Меркурий муж знатный, призванный к спасению от татар Смоленского края гласом иконы Божьей Матери Одигитрии Путеводительницы. Разбив татар, святой уснул и был обезглавлен врагами. Тогда, взяв свою голову в руки, пришел он к городским воротам, дабы поведать бывшее... И жутко было глядеть на суздальское изображение безглавого человека, держащего в одной руке мертвенно-синеватую голову в шлеме, а в другой икону Путеводительницы...» (221).

«Слово о святом Меркурии Смоленском» (XVI век) помещено в Великие Миней Четьи – источник, хорошо знакомый Бунину, под 24 ноября. Заметим, что кульминационное событие суходольской хроники – смерть старшего в роде, деда Петра Кирилловича, – приходится на престольный праздник Покрова Богородицы, 1 ноября.

Сюжет о Меркурии Смоленском относится к мировым сюжетам о святых-кефалофорах – главноносцах. В русской иконописной традиции он не получил широкого распространения, и подобно тому, как текст Слова испытал влияние переводных житий о Меркурии Кесарийском, Василии Великом, Дионисии Ареопагите [13], так и в иконописании ощутил влияние контаминация с традицией изображения кефалофоров (св. Иоанна Предтечи, св. великомучеников Дионисия Ареопагита, Георгия, Дмитрия Солунского): облик святого невредим, усеченную же голову он держит в руках как знак мученичества. С течением времени распространился другой канон изображения воинов-мучеников – указание раны или следа на шее от усекновения. Иконография Меркурия Смоленского и культ святого, локализованный в областях, завоеванных Литвой, а затем Польшей, отмечен также отдельными западноевропейскими

чертами как в генеалогии – он потомок княжеского рода, происходящего из Моравии, так и в рыцарской атрибутике и типе реликвий. И в настоящее время железные сандалии святого – реликвия Успенского кафедрального собора Смоленска, святым покровителем которого Меркурий является. Заметим, что в 1891 году Бунин побывал в Смоленске и о существовании реликвий мог знать де факто, а не только из книжных источников. Устные же легенды о св. Меркурии записывались в Смоленской губернии еще в XIX веке [5; 379]. Приведем краткое изложение сюжета легендарной повести по Г. П. Федотову: «В Смоленске, неизвестно с какого времени, чтился св. Меркурий. Сохранившиеся, начиная с XVI века, списки жития его в двух отличных редакциях изображают святого спасителем города от татар во время Батыева нашествия. Во время осады Смоленска Батыем Божия Матерь является в храме пономарю и посылает его искать живущего в городе благочестивого воина Меркурия “родом римлянина”. Меркурий выходит (или выезжает на коне) из стен города и разбивает на голову врагов. По одной версии он убивает исполина, особенно страшного среди татар. Но Богородица обещала ему мученический венец. Поэтому явившийся ангел (или сын убитого исполина) отсекает ему голову. Меркурий берет свою голову в руки и возвращается в город, где рассказывает о своей победе (“проглагола главою своею отсеченною”) и умирает. Он похоронен в церкви Богородицы, и над гробом повешено его славное оружие» [20; 148]².

Св. Меркурий – не мученик за веру. Он благочестивый воин, покорный Божьей воле. Он принимает смерть во исполнение слов Христа, призывавшего верующих жертвовать своею душою во имя ближних: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Евангелие от Иоанна, 15: 13). Богоматерь избирает Меркурия для спасения города от вражеских полчищ. Подобно ему бунинская Наталья несет мученический венец своей судьбы во имя преданности Суходолу и его хозяевам. Однако подобная проекция (мотив личной жертвы) – лишь верхний пласт символических корреляций в фикциональном пространстве текста. Писатель делает акцент на другом смысловом компоненте, латентно присутствующем в тексте легенды, – на оплаченной жизнью миссии *личного свидетельства*. «Когда случилось нам отдыхать от городов в тихой и нищей глуши Суходола, снова и снова рассказывала Наталья повесть своей погибшей жизни. И порою глаза ее темнели, останавливались, голос переходил в строгий, ладный полусшепот. И все вспоминался мне грубый образ святого, висевший в углу лакейской старого нашего дома. Обезглавленный, пришел святой к согражданам, на руках принес свою мертвую голову – во свидетельство своего повествования...» (265).

Так образ святого мученика превращается в *аллегорию повествования*, которое, в свою очередь, предполагает инстанцию хрониста – очевидца событий, фиксирующего не только славные деяния рода (Gesta), но и его, если угодно, профанную память (Vita). «Повествование о прошлом», каким является суходольская хроника Натальи, это меморат, фольклорный рассказ о событиях, воспринимающийся как достоверный и основанный на собственных воспоминаниях рассказчика или воспоминаниях людей из его окружения. Он подобен преданиям и легендам, как «Слово о святом Меркурии Смоленском», как те мемораты, которые инкорпорированы во многие рассказы самого Бунина, например «Святые» (1914), «Аглая» (1916) и др. Предметом специального интереса писателя являются характерные мнемонические приемы (аллитерация, формулы, рефрены), которые придают повествованию необходимую структуру, упрощая устное воспроизведение (в этом отношении весьма характерен рассказ «Святые»).

Противопоставляя память как актуальный феномен, переживаемую связь вечного с настоящим и историю как репрезентацию прошлого, французский историк П. Нора обращает внимание на следующие содержательные параметры данного понятия: «Память в силу своей чувственной и магической природы уживается только с теми деталями, которые ей удобны. Она питается туманными, многоплановыми, глобальными и текучими, частичными или символическими воспоминаниями, она чувствительна ко всем трансферам, отображениям, запретам или проекциям. Память укоренена в конкретном, в пространстве, жесте, образе и объекте» [12; 20]. Поэтому инверсия традиционных меморативных топосов, какую мы находим в «Суходоле» – повествовании не о процветании и славе рода, но о его оскудении и вырождении, – вполне закономерна. Память подвержена манипуляциям и деформациям, актуализациям фрагментов прошлого и амнезии, но основная ее функция – инвестировать сакральное в историзирующееся общество.

Кульг святых, их жизнеописание – тоже род *memoira*. Меркурий Смоленский – святой патрон суходольских господ, икона с его изображением – древнейшая семейная реликвия: «заветный образ дедушки... хранивший на оборотной стороне своей родословную Хрущевых, писанную под титулами» (221). Святой патрон не только брал на себя сакральную функцию небесного покровителя рода, но и выступал как «объект сословной, профессиональной самоидентификации ее членов». Вспомним, что Меркурий был княжеского рода и воин княжеской дружины, а братья Хрущевы принимали участие в Крымской кампании – войне 1853–1856 годов. Решающим же фактором выбора родства, как показывает изучение «Книг памяти» – средневековых памятников ли-

тургической *memoira*, «являются не реальные генеалогические связи, а сознание человека: с кем ощущает он себя в родстве – вопрос не крови, а самоидентификации» [2; 23]. Так, не по крови, а по личной привязанности, общности памяти и судьбы чувствует свое родство с родом Хрущевых Наталья. Ее Меркурий – фантазматический образ, сливающийся с мистическими переживаниями ночных кошмаров-видений: «Но оттого, что все угодники представлялись ей коричневыми и безглавыми, как Меркурий, делалось еще страшнее» (252).

Мотив декапитации как один из составляющих иконографического сюжета о святых-кефалофорах оказался востребован эпохой модерна в первую очередь благодаря сюжету о Саломее и Иоканаане, трактуемому в мистико-эротическом духе под знаком Эроса и Танатоса [10]. В близкое семантическое поле модернистское сознание помещало и миф об Орфее [17]. В контексте разговора о Меркурии Смоленском нельзя обойти вниманием живописные работы Н. К. Рериха: в 1910-е годы он работал по приглашению княгини М. К. Тенишевой в усадьбе Талашкино под Смоленском над росписью церкви и, познакомившись здесь с культом воина-мученика, воплотил образ святого-главноносца в нескольких живописных версиях – 1912 и 1918–1919 годов.

Напряженность визуального восприятия, колористический экспрессионизм, усиление работы перцептивных механизмов в целом, свойственные модернизму, затронули стилистику бунинской прозы. И «Суходол» не является исключением. Суходол рисуется как мифогенное пространство (ср. его описание при первом посещении молодыми Хрущевыми), эпизоды, связанные с перипетиями судьбы Натальи, душевной болезнью тети Тони, окрашены в «готические» тона, воспроизводится модель эсхатологического мифа, на что уже было обращено внимание [3].

Тема растраты и истощения энергии, как и всепоглощающей смерти, придает повествованию меланхолическую тональность: «А теперь уже и совсем пуста суходольская усадьба. Умерли все помянутые в этой летописи, все соседи, все сверстники их. <...> Стыдно сказать, а нельзя скрыть: могил... мы не знаем» (267).

Подвергая ревизии традиционные меморативные топосы, повествователь утверждает ценность индивидуальной мемории, а самим актом памяти/письма – возможность реконструкции времени и воссоздания в воображении картин прошлого: «Это не трудно, не трудно вообразить. Только надо помнить, что вот этот покосившийся золоченый крест в синем летнем небе и при них был тот же... что так же желтела, зрела рожь в полях, пустых и знойных, а здесь была тень, прохлада, кусты... и в кустах этих так же бродила, паслась вот такая же, как эта, старая

белая кляча с облезлой зеленоватой холкой и розовыми разбитыми копытами» (268).

Бунинский миф фиксирует разрушение родовой памяти и парадоксальным образом вызван к жизни именно этим процессом. Вместо родовой памяти в эпоху ее исчезновения актуализируются другие виды памяти – культурной, историче-

ской, национальной. Культурной памяти отдают определенную дань и сам Бунин, особенно в поэзии, что связывает этот пласт его творчества с акмеизмом. Однако в эмигрантский период родовая мемория будет вновь вызвана к жизни процессом воспоминания и окажется в центре романа «Жизнь Арсеньева».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бунин И. А. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. М.: Правда, 1983. 592 с. Здесь и далее ссылки на это издание даются в круглых скобках.

² Современные публикации текста, а также изложение различных вариантов «Слова о св. Меркурии Смоленском» и их исторические интерпретации см. [9], [13], [14], [16].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверин Б. В. Жизнь Бунина и жизнь Арсеньева: Поэтика воспоминания // И. А. Бунин: Pro et contra. Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. Антология. СПб.: Изд-во РХГИ, 2001. С. 651–677.
2. Арнаутова Ю. Е. Мемория: Тотальный социальный феномен и объект исследования // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. М.: Круть, 2003. С. 19–37.
3. Брыгина О. Н. Антиномия «рая» и «ада» в повести-поэме И. А. Бунина «Суходол» // Образ рая: от мифа к утопии. Сер.: «Symposium». Вып. 31. СПб.: С.-Петерб. филос. об-во, 2003. С. 208–212.
4. Добровольский В. Н. Смоленский этнографический сборник. СПб., 1891. Ч. 1. 808 с.
5. Есаулов И. А. Проблема визуальной доминанты русской словесности // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 2. Петрозаводск, 1998. С. 42–54.
6. Есаулов И. А. Экфрасис в русской литературе нового времени: картина и икона // Экфрасис в русской литературе. Труды Лозаннского симпозиума. М., 2002. С. 167–179.
7. Лепахин В. Икона в русской художественной литературе. М.: Отчий дом, 2002. 735 с.
8. Лепахин В. Воинство в древнерусской литературе и иконописи. Ч. 2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/299.htm>
9. Матич О. Покровы Саломеи: Эрос, смерть и история // Эротизм без берегов: Сб. статей и материалов / Сост. М. М. Павлова. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 90–121.
10. Меднис Н. Е. «Религиозный экфрасис» в русской литературе // Критика и семиотика. Вып. 10. Новосибирск, 2006. С. 58–67.
11. Нора П., Озуф Ж. де, Винок М. Проблематика мест памяти // Франция – память. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С. 17–50.
12. Плеханова М. Б. Сюжеты и символы Московского царства. СПб.: Акрополь, 1995. 343 с.
13. Ранчин А. М. Слово о св. Меркурии Смоленском [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru/philology/37354.php>.
14. Рышков В. В. Рядом с Буниным / Публ. М. Г. Богомолковой // Москва. 2003. № 12. С. 161–185.
15. Святые русские римляне Антоний Римлянин и Меркурий Смоленский / Подг. текстов и исследование Н. В. Рамазановой. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 392 с.
16. Силард Л. «Орфей растерзанный» и наследие орфизма // Силард Л. Герметизм и герменевтика. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2002. С. 54–101.
17. Созина Е. К. Сознание и письмо в русской литературе. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. 552 с.
18. Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: В 3 т. / Под ред. М. Грин. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1977.
19. Федотов Г. П. Святые Древней Руси. М.: Московский рабочий, 1991. 269 с.
20. Нан А. Заметки к проблеме симультанизма в поэзии и живописи // Russian Literature. 2004. Vol. LVI. P. 121–168.

Gryakalova N. Yu., Institute of Russian Literature (Pushkinsky Dom) of RAS (St. Petersburg, Russian Federation)

NARRATIVE'S ALLEGORY (ON ICONOGRAPHIC MOTIF IN I. A. BUNIN'S *SUHODOL*)

The article deals with the iconographic motif and its transformation in the structure of the fictional text. The icon of St. martyr Mercurius of Smolensk is a visual and semantic dominant in I. Bunin's story *Suhodol*. The version of Bunin's realism is an integrating ability of memory, which determines both the non-linear character of narration and its fragmentation. The art of memory (*ars memoria*) turns into a conceptual status and acts as a strategy of view/writing.

Key words: narrative, memory, ekfrasis, iconicity, visibility

REFERENCES

1. Aверин В. В. Bunin's life and Arseniev's life: Poetics of memories [Zhizn' Bunina i zhizn' Arsen'eva: Poetika vospominaniya]. I. A. Bunin: Pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Ivana Bunina v otsenke russkikh i zarubezhnykh mysliteley i issledovateley. Antologiya [I. A. Bunin: Pro et contra. The personality and creativity of Ivan Bunin in the evaluation of Russian and foreign thinkers and researchers. Anthology]. St. Petersburg, RHGI Publishing House, 2001. P. 651–677.
2. Арнаутова Ю. Е. Memoria: Total Social Phenomenon and Object of Research [Memoria: Total'nyy sotsial'nyy fenomen i ob'ekt issledovaniya]. *Obrazy proshlogo i kollektivnaya identichnost' v Evrope do nachala Novogo vremeni* [Images of the Past and Collective Identity in Europe before the Beginning of a New Time]. Moscow, Krug Publ., 2003. P. 19–37.

3. Brygina O. N. Antinomy “paradise” and “hell” in I. Bunin’s story-poem “Suhodol” [Antinomiya “raja” i “ada” v povesti-poeme I. A. Bunina “Sukhodol”]. *Obraz raya: ot mifa k utopii* [Image of Paradise: From Myth to Utopia]. Iss. 31. St. Petersburg, 2003. P. 208–212.
4. Dobrowol’skiy V. N. *Smolenskiy etnograficheskiy sbornik* [Smolensky ethnographic collection]. St. Petersburg, 1891. Part 1. 808 p.
5. Esaulov I. A. Problem of Visual Dominant of Russian literature [Problema vizual’noy dominanty russkoy slovesnosti]. *Evangel’skiy tekst v russkoy literature XVIII–XX vekov: Tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr* [Evangelical Text in Russian Literature of XVIII–XX centuries: Quote, Reminiscence, Motive, Plot, Genre]. Iss. 2. Petrozavodsk, 1998. P. 42–54.
6. Esaulov I. Ekfrasis in Russian Literature of New Time: Painting and Icon [Ekfrasis v russkoy literature novogo vremeni: kartina i ikona]. *Ekfrasis v russkoy literature. Trudy Lozannskogo simpoziuma* [Ekfrasis in Russian Literature. Proceedings of the Symposium, Lausanne]. Moscow, 2002. P. 167–179.
7. Lepakhin V. *Ikona v russkoy khudozhestvennoy literature* [Icon in Russian Literature]. Moscow, The Paternal House Publ., 2002. 735 p.
8. Lepakhin V. *Voinstvo v drevnerusskoy literature i ikonopisi* [The Old Army in Medieval Russian Literature and Iconography]. Part 2. Available at: // <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/299.htm>
9. Matich O. Veils of Salome: Eros, Death and History [Pokrovy Salomei: Eros, smert’ i istoriya]. *Erotizm bez beregov: Sb. statey i materialov* [Eroticism without banks. Articles and materials] / Compl. M. M. Pavlova. Moscow, New Literary Review Publ., 2004. P. 90–121.
10. Mednis N. E. “Religious ekfrasis” in Russian Literature [“Religioznyy ekfrasis” v russkoy literature]. *Kritika i semiotika* [Criticism and Semiotics]. Iss. 10. Novosibirsk, 2006. P. 58–67.
11. Nora P., Ozuf Zh. de, Winok M. Problems of Places of Memory [Problematika mest pamyati]. *Frantsiya – pamyat’* [France-Memory]. St. Peterburg, St. Peterb. Univ. Publ., 1999. P. 17–50.
12. Plyukhanova M. B. *Syuzhety i simvolyy Moskovskogo tsarstva* [Plots and Symbols of Moscow State]. St. Petersburg, Acropolis Publ., 1995. 343 p.
13. Ranchin A. M. *Slovo o sv. Merkurii Smolenskom* [Word about St. Mercury Smolenski]. Available at: <http://www.portal-slovo.ru/philology/37354.php>
14. Ryshkov V. V. *Ryadom s Buninym* [Near Bunin] / Publish. M. G. Bogomolovoy. Moscow, 2003. № 12. P. 161–185.
15. *Svyatye russkie rimlyane Antoniy Rimlyanin i Merkurii Smolenskiy* [Saint Russian Romans, Anthony the Roman, and Mercury of Smolensk] / Publ. and study of N. Ramzanova. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2005. 392 p.
16. Silard L. “Orpheus tormented” and Orphism Heritage [“Orfey rasterzannyy” i nasledie orfizma]. *Silard L. Germetizm i germeneytika* [Hermeticism and Hermeneutics]. St. Petersburg, Ivan Limbah Publ., 2002. P. 54–101.
17. Sozina E. K. *Soznanie i pis’mo v russkoy literature* [Consciousness and Writing in Russian Literature]. Ekaterinburg, Ural. Univ. Publ., 2001. 552 p.
18. *Ustami Buninykh: Dnevnik Ivana Alekseevicha i Very Nikolaevny i drugie arkhivnye materialy* [Through Buniny: The Diaries of Ivan Alekseevich and Vera Nikolaevna and other archival materials]: In 3 vol. / Ed. M. Gren. Frankfurt am Main, Seeding Publ., 1977.
19. Fedotov G. P. *Svyatye Drevney Rusi* [The Saints of Ancient Russia]. Moscow, 1991. 269 p.
20. Han A. Notes on the Poetry and Painting Simultaneism [Zametki k probleme simul’tanizma v poezii i zhivopisi]. *Russian Literature*. 2004. Vol. LVI. P. 121–168.

Поступила в редакцию 07.04.2014

УДК 398(470.11)+801.81(045)+394.9

НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬЕВНА ДРАННИКОВА

доктор филологических наук, профессор кафедры языков северных стран и международной научной коммуникации Института филологии и межкультурной коммуникации, директор Центра изучения традиционной культуры Европейского Севера, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (Архангельск, Российская Федерация)
navad@atknet.ru

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА МОРОЗОВА

аспирант кафедры языков северных стран и международной научной коммуникации Института филологии и межкультурной коммуникации, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (Архангельск, Российская Федерация)
morozovatn@gmail.com

ПРОМЫСЛОВЫЙ КАЛЕНДАРЬ ЗИМНЕГО БЕРЕГА БЕЛОГО МОРЯ

Особенность системы хозяйствования населения Зимнего берега заключается в ведущей роли промыслов: зверобойного и рыболовного. Исследование посвящено основным обрядовым практикам, образующим промысловый календарь. Также рассматриваются приметы, запреты, предписания, поверья и поговорки, связанные с ними.

Ключевые слова: промысловый календарь, поморы, Зимний берег, пословично-поговорочные выражения

Обширную сферу традиционной культуры образует календарная обрядность. Под календарем мы понимаем «подсистему традиционной культуры, моделирующую представления о природных изменениях и связанных с ними циклах хозяйственной и социальной деятельности» [1; 10].

Несмотря на то, что существует большое количество исследований, посвященных календарным обрядам, промысловый календарь остается до сих пор недостаточно изученным. Среди наиболее значимых исследований – работы Т. А. Бернштам [3], [4], [5]. Изучению промысловых обрядов отдельных поморских регионов посвящены статьи П. А. Филина (Терский берег, Новая Земля) [15], К. К. Логинова (Поморский берег) [11], Й. П. Нильсена (арктическая зона) [13], Н. В. Дранниковой [7], [8], [9], Н. Г. Комелиной, А. И. Васкул, М. Д. Алексеевского (Терский, Зимний берег) [2].

Материалом для нашего исследования послужили полевые записи, хранящиеся в архиве Центра изучения традиционной культуры Европейского Севера (п. 598, 605, 606), а также материалы, опубликованные в работах П. С. Ефименко [10], Н. И. Рождественской [14], Т. А. Бернштам [4], [5].

В поморском календаре нашли отражение как традиционные для русского населения аграрные обрядовые практики, так и промысловые, что объясняется прежде всего формированием поморской культуры в особых природных условиях: суровом климате (прохладное лето и длительная холодная зима), недостатке плодородных земель и обилии лесных и водных ресурсов.

Промысловый календарь, отражавший основные этапы в хозяйственной жизни поморов, складывался постепенно, в ходе многовековой промысловой практики. С одной стороны, в нем постепенно изживались земледельческие комплексы и представления, сопутствующие аграрной системе хозяйства, с другой – происходило насыщение его промыслами и промысловой обрядностью. Последнее имело свою динамику: «к ранее известным русскому населению рыбным промыслам – речному, озерному – добавлялись более поздние, развившиеся в Поморье, – морское рыболовство, морской зверобойный промысел, морское судостроение» [4; 151]. Это подтверждается наличием в промысловом календаре корпуса примет, не основанных непосредственно на рыболовецких наблюдениях, а связывающих промысловый календарь с аграрным. «Когда на св. Пасху ночью бывает видно много звезд на небосклоне, то много будет морошки; если же темно, то к хлебородному году; если же темнота или звезды не на всем горизонте, а в стороне, ближе к морской поверхности, то к лучшему морским промыслам» [10; 195].

Распространенные в среднерусских и южнорусских областях земледельческие приметы о предстоящем урожае усложнялись: дополнялись промысловой частью, поскольку для поморов, чье материальное благополучие зависело в большей степени от результатов промыслов, было важно предугадать будущий улов. Кроме того, выполняя прогнозирующую функцию, данные приметы позволяли определить вид хозяйственной деятельности, который мог принести наибольшую выгоду.

Одной из особенностей промыслового календаря поморов является существование в нем отголосков древнего лунного календаря (в основе которого лежит период смены лунных фаз), хорошо развитого у соседних нерусских народов, в том числе и тех, которые участвовали в формировании поморского населения. Но уже в начале XX века отголоски лунного календаря проявлялись только в отдельных наблюдениях и приметах.

В обследованном регионе наиболее распространенными являются приметы, связывающие рождение, полнолуние и убывание луны с приходом и отходом рыбы.

Лучше рыбу ловить, когда новолуние, полная луна, например. Вот к этому моменту рыба поднимается. Перед новолунием на рыбалку можно не ходить, рыба не поднимется, ничего не добудешь, только время убьешь (№ 1).

Обширный пласт в поморском календаре образуют представления и приметы, которые отмечают зависимость вылова рыбы от ветров. Сами названия местных ветров «представляют собой целую мифологическую систему» [10; 55] – это *побережник* (северо-западный), *полуночник* (северо-восточный), *засиверко* (северный), *шелонник* (юго-западный), *обедник* (юго-восточный), *русский* (южный), *морянка* (морской, северо-западный) и др. Большое значение в промысловом календаре имеет северо-западный ветер (побережник, морянка), при котором, согласно приметам, происходит лучший улов рыбы, и наоборот, при юго-западном ветре (шелоннике) не рекомендуется ловить рыбу. Северный ветер называют *родным* и считают его *худым* ветром, поскольку он неблагоприятен для лова рыбы.

<А какой ветер лучше для лова рыбы?>

Легкий с моря, северо-западный – побережник. Но нежелательно никак, когда с гор, шелонник. На шелонник рыбы нет, юго-западный, – это дикий ветер (№ 3).

Южный ветер также считается неблагоприятным для выхода на промысел, о чем свидетельствует распространенная на Зимнем берегу поговорка: *«Подули ветра южные – повалились спать без ужина»* (№ 3).

Анализ рассмотренных примет позволяет сделать вывод о наличии кратковременных периодов промысла (прежде всего рыболовного), определяемых фазами луны и направлением ветра и отражающих отголоски лунного календаря. Функционирующие в календаре жителей Зимнего берега приметы можно разделить на два типа: 1) прогнозирующие будущий улов и 2) устанавливающие сроки проведения промысла. Тем самым промысловые приметы, концентрируя коллективный метеорологический опыт, не только обеспечивают возможность прогнозирования, но и играют важную роль для организа-

ции хозяйственных работ (в выборе вида и установлении времени их выполнения).

Необходимо отметить отсутствие в промысловом году длительных перерывов между отдельными промыслами: поморы занимались ими круглый год, сообразуясь с особенностями годовых биологических циклов промысловых рыб и морских зверей.

В промысловом календаре на первый план выходят праздники, связанные с важнейшими для местного населения промыслами. Такими являлись зверобойный промысел и семужий лов. Так, с Николе Зимнего (6/19.XII) начиналась *зимняя путина*, во время которой в начале XX века на Зимнем берегу происходил бой взрослого тюленя. Приурочивание зимней путины зверобойного промысла к данной дате видится не случайным: Святитель Николай Мирликийский считался покровителем мореплавателей и всегда был почитаем поморами, поскольку их основная хозяйственная деятельность была связана с морем. В кругу промышленников существовали обряды, выполнение которых должно было способствовать успеху на промыслах. Их неотъемлемым компонентом являлось обращение к Николаю Чудотворцу: П. С. Ефименко указывает, что *«при езде по воде молятся Святому Николаю и вместе с ним бросают в воду хлеб на поветерь для того, чтобы подул попутный ветер»* [10; 192].

День Евдокии (1/14.III) в Поморье считается началом весны, с этого дня начиналась подготовка к морским весенним промыслам. По погоде в этот день определяли, какой будет весна: *На Евдокию если шторм, то вся весна будет плоха* (№ 4).

Со дня Евдокии на Зимнем берегу начинается весенняя путина зверобойного промысла, заканчивавшаяся в мае, главной целью которой являлся отлов детенышей тюленя. Первые роды зверя тем временем были приурочены к Власьеву дню (11/24.II). В апреле отправлялись уже на подростших детенышей тюленя – *серок*.

Следует отметить, что последние полевые данные Центра изучения традиционной культуры Европейского Севера (ЦИТКЕС) показывают, что уже в середине XX века первостепенное значение имел зверобойный промысел, начинавшийся в марте во время *вешнего пути*. На зимнюю путину тем временем приходилась основная часть лова наваги, осуществлявшегося с января по март на полуострове Канин.

В развитии зверобойного промысла можно выделить три этапа. Первоначально на зверя отправлялись на лодках, которые называли *тройки*, *пятерники*, *семирники*, в зависимости от количества человек, на которое они были рассчитаны. Позднее на промысел стали ездить на ледоколах «Дежнев», «Сибиряков», «Левандовский», а затем – на вертолетах. Сборными

пунктами являлись д. Инцы, расположенная в горле Белого моря, и с. Зимняя Золотица. Главным объектом промысла был тюлень, сало, мех и кожу которого поморы использовали в хозяйстве или обменивали не только с жителями других регионов, но и с норвежцами, что нашло отражение в корпусе устных рассказов, бытующих в обследуемом ареале (№ 3). В зависимости от стадии развития тюленя выбирался способ охоты (№ 2). На *белька* ходили в вешнюю путину и, по обычаю, били *багром*, специальным инструментом, состоящим из деревянной рукояти с наконечником в виде шипа, соединенного с загнутым назад крюком. Существовало поверье, согласно которому белька необходимо было стукнуть багром по голове. Если с практической точки зрения данное поверье выполняло прагматическую функцию (позволяло не испортить мех зверя кровью), то с точки зрения ритуала – функцию сакрализации (освящения происходящего), так как считалось, что *охотиться данным способом велел Бог* (№ 3).

С конца мая по октябрь главное место в промысловой системе хозяйства занимал семужий промысел. По местной терминологии, существовали походы семги, приуроченные к календарным праздникам: Ивановский (24.VI/7.VII), Петровский (29.VI/12.VII), Ильинский (20.VII/2.VIII), на Спасы (1/14.VIII, 6/19.VIII, 16/29.VIII), на Воздвижение/Сдвижение (14/27.IX), Михайловский (16/29.IX), на Иоанна Богослова (26.IX/9.X) и на Покров (1/14.X), после чего прекращался лов семги на тонях. При этом отмечается, что во время Ильинского похода, а также на Покров идет более крупная семга.

2 августа – Ильин день, и говорят: «Ильинка». Она уже крупнее, пойдет уже крупнее. Сдвижение – мелкая семга. На Покров, так, тоже крупная семга-то (№ 2).

Существует развитая система специальных названий разных типов семги: *заледка* (озимая достаточно крупная семга, идущая на нерест вслед за вскрытием реки), *межень* (летняя семга среднего размера), *лох*, *лоховая семга* (отошавшая после нереста семга или семга, перезимовавшая в реке), *черная рыба* (крупная августовская семга), *ильинка* (крупная августовская семга), *богословка* (осенняя жирная семга темного цвета), *синюха* (осенняя семга). При этом некоторые типы семги привязываются к определенным походам, например, *межень* – к Ивановскому, *черная рыба* – к Ильинскому.

С конца октября до середины ноября начинался подледный осенний лов сельди и наваги, который завершался в феврале, после чего начинался весенний зверобойный промысел. Это годовой промысловый цикл, причем важнейшие морские промыслы проводились примерно в те же весенне-осенние сроки, в которые земледельческое население занималось посевом, выращи-

ванием хлеба и сбором урожая, что составляет важную особенность поморского промыслового календаря.

Со зверобойным и рыболовным промыслами, как и с другими видами традиционной деятельности, связана система запретов и предписаний. Рыболовы и зверобой получают высокий статус в обществе как хранители специальных знаний и навыков. Как отмечает В. Е. Добровольская, они занимают промежуточное положение между обычными людьми и «знающими», поскольку вступают в контакт с представителями иного мира, что уподобляет их «знающим», но эти контакты массовые, публичные, и при передаче знаний отсутствует ритуализованность, что не позволяет причислить их к «знающим» [6].

Система правил, регламентирующих промысловую деятельность, характеризуется прежде всего обязательным для поморов воспитанием уважительного отношения к морю. Так, нельзя было ругать море, кидать в него камни, поскольку считалось, что данные действия принесут неудачу в промысле. Существовал запрет приносить вдоль берега покойника.

Нельзя было, море никогда не ругали. Камни нельзя бросать.

Матюгаться нельзя – улов плохой будет (№ 8).

Почитание моря как кормильца получило выражение в поговорках: «*Море – наше полошко*», «*Жизнь с моря, а не с поля*» (№ 5). Они распространены не только на территории Зимнего берега, но и всего Поморья. Перед началом промысла существовал обычай *кадить* (просить у моря богатый улов), а по окончании – благодарить море.

Кадили. Вот это у моря и просили.

<Благодарили море?>

– Конечно (№ 8).

Обозначенные запреты и предписания выполняют функцию социализации и социального контроля: приобщают индивида к культуре общности, формируют его ценности и регламентируют поведение.

Для календаря поморов Зимнего берега также характерно сохранение и соблюдение системы запретов на ведение/начало промыслов в понедельник и в крупные церковные праздники, такие как Пасха, Духов день, Троица, праздник Казанской Богородицы (подобное поверье также бытует среди литовских старообрядцев-рыболовов [12]), Благовещение, а также *Благовещенский день* (вот, например, *Благовещенский день был в четверг, и весь год считается, что четверг – Благовещенский день* (№ 7)). Эти поверья подкрепляются рассказами о бедах и несчастьях, постигших нарушителей запретов.

4 ноября, на Казанскую, остерегались выходить в море. «Каганович» вышел и разбился (№ 6).

Существенное место занимает группа предписаний, призванных обеспечить успех на промысле. Так, в Койде перед отправлением на зверобойку ставили свечи в часовне святого Власия, которая находилась на правом берегу реки Койды. На Зимнем берегу также существовали обычаи брать воду для самовара в чужом доме, бросать в море махорку, чтобы улов был большой; лить на воду масло, чтобы на море не было волн. Первый улов необходимо было съесть самим, чтобы в дальнейшем промысел был успешен. Последний обычай также нашел отражение в распространенной на Зимнем берегу поговорке: «Первый улов – с перьем в рот» (№ 10).

Раньше было: первый улов никогда не дают людям, так говорят. Это примета такая. Ну, там не угощают, наверное, может, каждый для себя, наверное. Потому что, наверное, потому больше рыба не будет ловиться. Отдают обычно второй улов (№ 8).

Полевые данные показывают, что эти поверья в XX веке теряют свое значение, поскольку удалось сделать лишь единичные записи. Данный факт можно объяснить влиянием идеологии советского периода, стремящейся привести на смену народным суевериям идеи рационализма, а также необходимостью отдавать весь улов государству.

Предпринятый нами анализ позволяет выделить следующие особенности промыслового календаря Зимнего берега. Во-первых, существование в нем отголосков лунного, проявляю-

щегося в основном на уровне примет. Главными причинами данного явления представляются взаимосвязи поморов с соседними нерусскими народами и участие финно-угорских племен в образовании поморского населения. Во-вторых, отсутствие в промысловом году длительных перерывов между отдельными промыслами. В-третьих, проведение основных промыслов в те же сроки, что и главных земледельческих работ, а также приуроченность их к тем же календарным датам.

Наиболее значимыми в промысловом календаре поморов Зимнего берега являлись следующие даты: Никола Зимний (6/19.XII), День Евдокии (1/14.III), Благовещение (25.III/7.IV), Никола Вешний (9/22.V), Иванов день (24.VI/7.VII), Петров день (29.VI/12.VII), Ильин день (20.VII/2.VIII), Первый (1/14.VIII), Второй (6/19.VIII), Третий (16/29.VIII) Спасы, Воздвижение/Сдвижение (14/27.IX), день Иоанна Богослова (26.IX/9.X), Покров (1/14.X), определяющие начало или конец того или иного промысла, характеризующиеся проведением обрядов, связанных с промыслами, или нашедшие отражение в системе календарных примет. Но постепенно данные праздники теряют свое значение (*Николины дни, День Евдокии*), утрачиваются некоторые обрядовые комплексы, обычаи, приметы, в связи с чем следует отметить, что современный календарь предстает в обедненном виде.

СПИСОК ИСПОЛНИТЕЛЕЙ

1. Горбунов Дмитрий Гаврилович, 1932 г. р., д. Сояна, Мезенский р-н Архангельской обл., 2009 г.; Фольклорный архив Северного (Арктического) федерального университета (ФА САФУ).
2. Дорофеева Ироида Степановна, 1937 г. р., с. Ручьи, Мезенский р-н Архангельской обл., 2011 г.; ФА САФУ.
3. Котцов Иван Петрович, 1923 г. р., с. Койда, Мезенский р-н Архангельской обл., 2010 г.; ФА САФУ.
4. Кулаков Иван Клавдиевич, с. Койда, Мезенский р-н Архангельской обл., 2010 г.; ФА САФУ.
5. Малыгина Павла Ефимовна, 1927 г. р., с. Койда, Мезенский р-н Архангельской обл., 2010 г.; ФА САФУ.
6. Малыгина Феруса Евгеньевна, 1932 г. р., с. Койда, Мезенский р-н Архангельской обл., 2010 г.; ФА САФУ.
7. Третьяков Владимир Иванович, 1941 г. р., с. Ручьи, Мезенский р-н Архангельской обл., 2011 г.; ФА САФУ.
8. Тялькина Вера Леонидовна, 1959 г. р., с. Койда, Мезенский р-н Архангельской обл., 2010 г.; ФА САФУ.
9. Ушакова Клавдия Федоровна, 1932 г. р., с. Ручьи, Мезенский р-н Архангельской обл., 2011 г.; ФА САФУ.
10. Юрьева Любовь Степановна, 1949 г. р., с. Ручьи, Мезенский р-н Архангельской обл., 2011 г.; ФА САФУ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агапкина Т. А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М.: Индрик, 2002. 816 с.
2. Алексеевский М. Д., Васкул А. И., Козлова И. В., Комелина Н. Г. Традиции рыбаков и зверобоев Терского берега Белого моря // Живая старина. 2009. № 2. С. 15–19.
3. Бернштам Т. А. Поморы: формирование групп и система хозяйства. Л.: Наука, 1978. 176 с.
4. Бернштам Т. А. Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX в. Л.: Наука, 1983. 233 с.
5. Бернштам Т. А. Рыболовство на русском Севере во второй половине XIX – начале XX в. (по коллекциям и архивным материалам этнографических музеев Ленинграда) // Из культурного наследия народов России. Сборник Музея антропологии и этнографии. Л.: Наука, 1972. Вып. XXVIII. С. 63–98.
6. Дорволевская В. Е. «Всяка рыба хороша, коли на уду пошла...». Запреты и предписания, связанные с рыболовством // Живая старина. 2009. № 2. С. 29–31.
7. Дранникова Н. В. Фольклорная экспедиция Поморского университета в село Зимняя Золотица // Комплексное собрание, систематика, экспериментальная текстология: Материалы IV Международной школы молодого фольклориста (6–8 июня 2002 года, г. Архангельск). Архангельск, 2002. С. 83–92.
8. Дранникова Н. В. Фольклорно-речевые данные как индикатор локальной идентичности жителей Зимнего берега Белого моря (Мезенский район Архангельской области) // Народные культуры Баренцева Евро-Арктического региона: новые методы исследования: Материалы международной научной школы по фольклористике (8–11 ноября 2012 года, г. Архангельск). Архангельск: ИПЦ САФУ, 2013. С. 15–26.
9. Дранникова Н. В. Этнокультурная традиция мезенской деревни Сояны // Живая старина. 2010. № 4. С. 54–57.

10. Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии // Труды ЭО ОЛЕАЭ. Кн. 5. Вып. 1–2. М., 1877–1878.
11. Логинов К. К. Рыболовство Поморского села Нюхча // «Уведи меня, дорога»: Сборник научных статей памяти Т. А. Бернштам. СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 54–69.
12. Морозова Н. А., Новиков Ю. А. «Отец рыбак, и сын в воду смотрит...» (рыболовный промысел у старообрядцев Западного Причудья) // Живая старина. 2009. № 2. С. 32–35.
13. Нильсен И. П. «Прощай, батюшка ты Грумант!». Зверобойные промыслы поморов и норвежцев на Шпицбергене. Сопоставление традиций // «Уведи меня, дорога»: Сборник научных статей памяти Т. А. Бернштам. СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 69–83.
14. У Белого моря: народные песни и сказы / Сост. Н. И. Рождественская. Архангельск, 1958. 170 с.
15. Филин П. А. Этнографическое изучение поморов Терского берега Белого моря. Фонд А. А. Макаренко в Российском этнографическом музее // Полярный архив. Т. 1. М.: РНИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева, 2003. С. 110–113.

Drannikova N. V., Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russian Federation)
Morozova T. N., Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russian Federation)

POMOR CALENDAR OF WHITE SEA WINTER COAST

Fishing and sea-hunting were traditionally the main occupations of the Pomors of the Winter Coast of the White Sea. The article describes the main fishing and sea-hunting rites and rituals. Moreover, the paper analyzes omens, prohibitions, prescriptions, beliefs, sayings, and holidays connected with fishing and sea hunting.

Key words: calendar, Pomors, Winter Coast, fishing, sea-hunting, sayings, proverbs

REFERENCES

1. Agapkina T. A. *Mifopoeticheskie osnovy slavyanskogo narodnogo kalendarya. Vesenne-letniy tsikl* [Mythopoetical basis of Slavic folk calendar. The spring-summer cycle]. Moscow, Indrik Publ., 2002. 816 p.
2. Alekseevskiy M. D., Vaskul A. I., Kozlova I. V., Komelina N. G. Traditions of the fishermen and sea-hunters of the Tersk Shore of the White Sea [Traditsii rybakov i zveroboev Terskogo berega Belogo moray]. *Zhivaya starina* [Living Antiquity]. 2009. № 2. P. 15–19.
3. Bernshtam T. A. *Pomory: formirovanie grupp i sistema khozyaystva* [The pomors. Formation of the group and the system of activity]. Leningrad, Nauka Publ., 1978. 176 p.
4. Bernshtam T. A. *Russkaya narodnaya kul'tura Pomor'ya v XIX – nachale XX v.* [Russian folk culture of Pomorje in XIX – the beginning of XX centuries]. Leningrad, Nauka Publ., 1983. 233 p.
5. Bernshtam T. A. Fishing on the Russian North in the second half of XIX – the beginning of XX centuries (from the collections and archive materials of the ethnographic museums of Leningrad) [Rybolovstvo na russkom Severe vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. (po kollektsiyam i arkhivnym materialam etnograficheskikh muzeev Leningrada)]. *Iz kul'turnogo naslediya narodov Rossii. Sbornik Muzeya antropologii i etnografii* [From the Cultural Heritage of the Peoples of Russia. Collected papers of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Leningrad, Nauka Publ., 1972. Issue XXVIII. P. 63–98.
6. Dobrovolskaya V. E. “Each fish is good if it is snared...”. Prohibitions and prescriptions for the fishing [“Vsyaka ryba khorosha, koli na udu poshla...”. Zaprety i predpisaniya, svyazannye s rybolovstvom]. *Zhivaya starina* [Living Antiquity]. 2009. № 2. P. 29–31.
7. Drannikova N. V. Folklore expedition of the Pomor University to Zimnyaya Zolotitsa [Fol'klornaya ekspeditsiya Pomorskogo universiteta v selo Zimnyaya Zolotitsa]. *Kompleksnoe sobiranie, sistematika, eksperimental'naya tekstologiya: Materialy IV Mezhdunarodnoy shkoly molodogo fol'klorista* [Complex collecting, systematization, experimental textual criticism: Proceedings of the IV International Youth School of folk culture]. Arkhangelsk, 2002. P. 83–92.
8. Drannikova N. V. Folklore and speech evidence as indicator of the local identification of the White Sea winter coast inhabitants (Mezensky district, the Arkhangelsk region) [Fol'klorno-rechevye dannye kak indikator lokal'noy identichnosti zhitel'ey Zimnego berega Belogo morya (Mezenskiy rayon Arkhangel'skoy oblasti)]. *Narodnye kul'tury Barentseva Evro-Arkticheskogo regiona: novye metody issledovaniya: Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy shkoly po fol'kloristike* [Folk Culture of Euro-Arctic Barents region: new methods of research: Materials of the International Youth Scientific School of folk culture]. Arkhangelsk, 2013. P. 15–26.
9. Drannikova N. V. Ethnocultural tradition of the Soyana [Etnokul'turnaya traditsiya mezenskoy derevni Soyany]. *Zhivaya starina* [Living Antiquity]. 2010. № 4. P. 54–57.
10. Efimenko P. S. Sources for the ethnography of the Russian population of Archangel province [Materialy po etnografii russkogo naseleniya Arkhangel'skoy gubernii]. *Trudy EO OLEAE* [Proceedings of the Ethnographical Department OLEAE]. Book 5. Parts 1–2. 1877–1878.
11. Loginov K. K. Fishing of the pomor village Nyukhcha [Rybolovstvo Pomorskogo sela Nyukhcha]. “Uvedi menya, doroga”: *Sbornik nauchnykh statey pamyati T. A. Bernshtam* [Road, Take Me Away: Collected Papers Dedicated to T. A. Bernshtam]. St. Petersburg, 2010. С. 54–69.
12. Morozova N. A., Novikov Yu. A. ‘The father is a fisherman and the son is going to be fisherman...’ (Fishing of the Old Believers of the Western Prichudje [“Otets rybak, i syn v vodu smotrit...” (rybolovnyy promysel u staroobryadtsev Zapadnogo Prichud'ya)]. *Zhivaya starina* [Living Antiquity]. 2009. № 2. P. 32–35.
13. Nil'sen Y. P. Farewell, My Dear Grumant! Sea-Hunting and Fishing of Pomors and Norwegians on Svalbard. Traditions Compared [“Proshchay, batyushka ty Grumant!”]. *Zveroboynye promysly pomorov i norvezhtsev na Shpitsbergene. Sopostavlenie traditsiy*. “Uvedi menya, doroga”: *Sbornik nauchnykh statey pamyati T. A. Bernshtam* [Road, Take Me Away: Collected Papers Dedicated to T. A. Bernshtam]. St. Petersburg, 2010. P. 69–83.
14. *U Belogo morya: narodnye pesni i skazy* [Near the White Sea. Folk songs and tales] / Comp. N. I. Rozhdestvenskaya. Arkhangelsk, 1958. 170 p.
15. Filin P. A. Ethnographic studying of the pomors of the Tersk Shore of the White Sea. Holding of A. A. Makarenko in the Russian ethnographic museum [Etnograficheskoe izuchenie pomorov Terskogo berega Belogo morya. Fond A. A. Makarenko v Rossiyskom etnograficheskom muzee]. *Polyarnyy arkhiv* [Polar archive]. Vol. 1. Moscow, 2003. P. 110–113.

МАРИЯ АНТОНОВНА СПАСОВА

кандидат филологических наук, профессор, преподаватель кафедры общей лингвистики и староболгаристики филологического факультета, Великотырновский университет «Св. св. Кирилла и Мефодия» (Велико Тырново, Болгария)
spasovam@mail.ru

АЛЕКСАНДР ВАЛЕРЬЕВИЧ ПИГИН

доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы и журналистики филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
av-pigin@yandex.ru

ТОРЖЕСТВЕННИК КОНЦА XV – НАЧАЛА XVI ВЕКА ИЗ СОБРАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ*

Рукопись № 30 (27) (Торжественник) из Национального архива Республики Карелия содержит архаический основной корпус славянских переводов проповедей триодного и минейного циклов, которые являются частью кодексов XI века – Супрасльской рукописи и Сборника Клоца. Торжественник включает также переводы и оригинальные сочинения позднего славянского Средневековья. В статье рассматривается вопрос о том, насколько ценными источниками в изучении ранних славянских переводов могут служить списки XIV–XVI веков. Авторы утверждают, что подобные сборники должны анализироваться не только как тип кодекса, с точки зрения их содержания и структуры, но каждая гомилия в их составе должна быть объектом самостоятельного изучения. Необходим текстологический анализ гомилий с привлечением как ранних, так и поздних южнославянских и восточнославянских списков. При этом основой для классификации списков служат языковые критерии. Текстологический анализ отдельных гомилий Торжественника позволил сделать вывод о том, что древнерусский писец сохранил текст архаического перевода очень точно. Входящие в состав Торжественника списки гомилий являются по этой причине ценным источником для изучения ранних славянских переводов.

Ключевые слова: Торжественник, гомилия, ранние славянские переводы, текстология, археография

В изучении текстологической истории и архетипов ранних славянских переводов весьма ценными могут оказаться их поздние списки. Объектом исследования в настоящей статье является русская рукопись, которая осталась вне внимания славистов из-за ее поздней датировки и отсутствия о ней до недавнего времени сведений. Речь пойдет о Торжественнике минейном и триодном конца XV – начала XVI века, хранящемся в Петрозаводске, в Национальном архиве Республики Карелия (ф. 889, оп. 1, № 30 (27)) [12; 103–118].

«Карельский» Торжественник (далее – *Кар*) – ценная рукопись, содержащая славянские переводы и оригинальные тексты как раннего, так и позднего славянского Средневековья. Здесь имеются сочинения, которые входят в состав разных по типу кодексов южнославянской и восточнославянской рукописной практики: гомилии (подлинные и *spuria*) Иоанна Златоуста, Василия Великого, Ефрема Сирина, Афанасия Александрийского, Кирилла Александрийского, Иоанна Дамаскина, Анастасия Синайского, Феодора Студита, Аркадия Кипрского, Епифания Кипрского, Андрея Критского, Тарасия Константинопольского, Климента Охридского, Иоанна экзарха Болгарского, Кирилла Туровско-

го, агиографические сочинения, посвященные архангелу Михаилу, Димитрию Солунскому, Николаю Мирликийскому, Марии Египетской, вмч. Георгию, Спиридону чудотворцу, святым седми отрокам во Ефесе, 40 севастийским мученикам, и многие другие. Всего кодекс включает 132 статьи. По наблюдениям Ж. Л. Левшиной, существует несомненное сходство в содержании между *Кар* и Торжественником общим конца первой четверти XV века РНБ, ОЛДП. Ф. 215 (далее *F.215*) [8; 32].

Кар – рукопись форматом в 2° на 630 листах, исписанная полууставными почерками в два столбца¹. Рукопись написана на бумаге с водяными знаками рубежа XV–XVI веков: голова быка с большим крестом между рогами, вокруг креста обвилась змея шесть раз [9; № 1238 – 1495 г.]; голова быка со звездой на морде [28; тип 16, № 381 – 1492–1498 гг.]; тиара [9; № 1387 – 1511 г.]; готическая буква «P» нескольких вариантов (в частности, [29; № 1529 – 1496 г.]). В оформлении рукописи использована киноварь; киноварные инициалы, иногда с использованием зеленой краски; в заголовках – вязь и скоропись с элементами вязи; на л. 5 – прямоугольная заставка с ромбовидным узором и растительным орнаментом.

В XVIII веке рукопись принадлежала старообрядцам Выговского поморского общежития – крупнейшего центра старообрядческой культуры, находившегося в Повенецком уезде Олонецкой губернии. В 1750–1760-е годы рукой выговского книжника Василия Данилова Шапошникова (1713–1783) (см. о нем: [21]) на л. 2–4 было написано оглавление сборника («Торжественник. Синоксарь глав книги сея»). На Выгу рукопись была заново переплетена (на припереплетных листах водяной знак «СПб/ФВ» [6; № 570, 571 – 1780–1791 гг.]). Выговские книжники дополнили сборник тремя новыми статьями: на Успение Богородицы (нач.: «Егда к себе Христос и Бог наш прियाи благоизволи свою Матерь...») (л. 297–298 об.); на Преображение Господне (нач.: «Хотяй же и образ тех известити и показати которая когда есть слава она...») (л. 298 об.); слово Иоанна Златоуста «о Аврааме и о сыну его Исааце» (л. 597–598) [5; № 281] – все они написаны одним полууставным почерком на бумаге XVIII века. В некоторых местах, скорее всего, тем же Василием Даниловым была осуществлена незначительная правка текста, которая появилась, вероятно, в результате сверки по какому-то другому списку. На поле или над строкой выговский книжник вставлял отдельные слова, вносил грамматические и орфографические исправления: «Божеству пременитися во плоть» – слово «пременитися» заменено на «преложшу» (л. 87 об.); «беззаконны» исправлено на «беззаконнии» (л. 77); «о, велия зятня любовь, что тою мною свою рабу невесту и мать сътвори» – слово «зятня» заменено на «жениха», а над буквой «ъ» в слове «сътвори» написана буква «о» (л. 105); «исповедую Христа Бога съвершена, того же проповедую» – после слова «съвершена» добавлено: «и человека совершена» (л. 192); буква «е» заменена в ряде случаев на «ѣ» и наоборот, и т. п. Учитывая то огромное значение, которое придавалось на Выгу ораторским текстам, можно предположить, что правка вносилась для последующей переписки всего Торжественника целиком или отдельных гомилий. «Карельский» Торжественник обязательно нужно иметь в виду и в решении вопроса о литературных источниках сочинений самого Василия Данилова.

Согласно записи на л. 1, с 1794 года сборник находился в «Березовском селении» – по видимому, так назван Березовский скит Выговского общежития. Вероятно, после закрытия Выговского общежития в середине XIX века рукопись оказалась в Петрозаводске, хотя в описании Выголексинской библиотеки, составленном в 1874 году Е. В. Барсовым [1], она не отмечена. Какое-то время сборник принадлежал Олонецкому епархиальному церковному древлехранилищу, откуда 12 ноября 1919 года поступил в Олонецкий губернский церковно-исторический музей. В настоящее время рукопись

входит в состав «коллекции славяно-русских рукописей и старопечатных книг» (ф. 889) Национального архива Республики Карелия, она включена в Государственный реестр уникальных документов Архивного фонда Российской Федерации (решение от 26 июня 2008 г., № 303 по реестру).

Задача нашего исследования весьма конкретна: выявить архаическое ядро текстов в *Кар*. Наиболее надежным доказательством архаичности перевода того или иного памятника служит в славистике наличие его в древнейших славянских рукописях X–XI веков. Именно такие тексты раннего славянского Средневековья в составе *Кар* и привлекли к себе наше внимание. Отрывок того или иного памятника (слова) из *Кар* мы сравниваем с тем же фрагментом в списках древнейших славянских рукописей X–XI веков, а иногда и с другими славянскими списками, имеющими значение для определения места перевода в рукописной традиции южных и восточных славян. Важно отметить, что каждый текст в кодексе необходимо изучать самостоятельно, потому что сборник содержит тексты разных жанров и разного времени возникновения, а также тексты оригинальные и переводные. Инципиты памятников приводятся в сносках².

1. Иоанн Златоуст. *Слово на Великий четверг. О предательстве Иуды*

Первый (архаический) славянский перевод диптиха Иоанна Златоуста *De proditiōe Iudae* [24; 4336], [26; 49, 373–382] входит в состав *Супрасльской рукописи* (далее *Супр*) (слово № 36, 405:3–424:13) и *Сборника Клоца* (далее *Клоц*) (3а:24–9б:31). Впервые П. А. Лавров в 1895 году высказал мнение о том, что славянский перевод в *Клоц* с началом *Хотѣхъ патриарховъ всѣдѣ къ вамъ простѣрѣти* и в *Супр* с началом *Мала ноужда дньскъ къ ваши любви съвѣштати* один и тот же [7]³. Существует и второй (новый) славянский перевод *Слова* с началом *Хотѣхъ и днь иже Ѡ патриарскъ прикоснѣти са всѣдѣ*, который входит в состав славянских сборников нового извода⁴.

Отрывок текста *De proditiōe Iudae* в архаическом славянском переводе дается ниже по *Клоц*, *Мих*, *НИМ*, *Супр*, *F.215*, *МДА*, *Кар*; отрывок из второго славянского перевода – по *Хил* и *Рыл*. Включение отрывка из второго перевода необходимо для обсуждения следующих вопросов: а) является ли второй славянский перевод совершенно новым или между ним и архаическим переводом существует связь; б) меняется ли язык архаического и второго переводов при тиражировании текста.

Gr: τί μικρὸν ἢ μέγα ἐγκαλεῖν ἔχων, παραδίδως τὸν διδάσκαλον; ὅτι σοι παρέδωκε τῶν δαιμόνων τὴν ἐξουσίαν; ὅτι νοσήματα λύειν ἐποίησεν; ὅτι λέπρας καθαίρειν; ὅτι νεκροῦς ἀνίσταῖν; ὅτι τῆ τυραννίδι ἐπέστησε τοῦ θανάτου; ἀντί τούτων τῶν εὐεργεσιῶν ταύτας δίδως τὰς ἀμοιβάς;

Клоц: коѣ винѣ инѣ ли малѣ ли великѣ прѣдаше оучителѣ• имже ли ти область даль естѣ на неустыиѣхъ вѣсѣхъ• и толикѣ силѣ дастѣ ти да неджжѣныѣ оубалоуеши• и прокаженѣныѣ оуштаеши• и слѣпѣныѣ твориши прозрѣти• и ина многа чюдеса такова твориши• за ты ли добрыѣ дѣтели сыѣ мѣзды въздаеши емоу (4a:37–4b:5);

Мих: кою виноу инѣ или малоу или великоу да прѣдаеши оучителѣ имже ли ти ѡбласть даль естѣ на неустыиѣхъ вѣсѣхъ• и толикоу силоу даль естѣ да недохжжѣне оубраюеши, слѣпѣцѣмъ твориши прозрѣти• и ина многаѣ таковаѣ твориши чюдеса. за ты или добрыѣ дѣтели сиѣ мѣзды въздаеши емоу (88б);

НИМ: кою виноу инѣ или малоу ли великоу да прѣдаеши оучителѣ имже ли ти облѣ даль еѣ на неустыѣхъ вѣсѣхъ толикоу силоу даль еѣ да недохжжѣне оубраюеши, слѣпѣцѣмъ твориши прозрѣти• и ина многаѣ твориши чюдеса таковаѣ. за толики добрыѣ дѣтели сиѣ мѣзды въздаеши емоу (68б);

Сунр: что мало и велико поимовати имѣѣ прѣдаеши оучителѣ• за занеже ли ти прѣда• на вѣсы власть• зане ли неджжѣныѣ сътвори ти рѣшити• зане ли прокаженѣныѣ учистити• зане ли мрѣтвѣныѣ въставити• зане ли надѣ властѣиѣ постави та смѣрѣти• възъ бл҃годѣанѣи ли си• си въздаеши възданѣиѣ (411:12–19);

F.215: что мало и велико поимовати имѣѣ прѣдаеши оучителѣ• занеже ли ти прѣда, на вѣсы власть• занеже ли неджжѣныѣ сътвори та рѣшити• занеже ли прокаженѣныѣ учистити• занеже ли мрѣтвѣныѣ въставити• занеже ли на властѣиѣ та постави смѣрѣти• възъ бл҃годѣанѣи ли въздаеши възданѣиѣ (391a);

МДА: что мало и велико поимовати имѣѣ прѣдаеши оучителѣ занеже ли ти прѣда на вѣсы власть. занеже ли недохжжѣныѣ сътвори та рѣшити. занеже ли прокаженѣныѣ учистити занеже ли мрѣтвѣныѣ въставити. занеже на властѣию та постави смѣрѣти. възъ бл҃годѣанѣи ли въздаеши възданѣиѣ (297);

Кар: что мало и велико поимовати имѣѣ прѣдаеши оучителѣ занеже ли ти прѣдана бы вѣсы власть занеже недохжжѣныѣ сътвори та рѣшити. занеже ли прокаженѣныѣ учистити. зане ли мрѣтвѣныѣ въставити. зане же ли та надѣ властью та постави смѣрѣти. възъ бл҃годѣанѣи ли въздаеши възданѣиѣ (414б);

Хил: что мало или велико потажати имѣѣ, прѣдаеши оучителѣ• зане ли на вѣсы власть тевѣ дарова, іако и неджжѣныѣ изцѣлѣвати и прокаженѣныѣ учистити, и мрѣтвѣцѣ вѣскрѣшати, и ина многа такова чюдеса показовати; въз мѣсто ли оубо бл҃годѣтелѣствѣи сиѣхъ, таковаа томоу ѡдаеши възданѣиѣ; (287r);

Рыл: что мало или велико потажати имѣѣ; прѣдаеши оучителѣ• зане ли на вѣсы власть тевѣ дарова, іако и неджжѣныѣ изцѣлѣвати и прокаженѣныѣ учистити, и мрѣтвѣцѣ вѣскрѣшати, и ина многа такова чюдеса показовати; въз мѣсто ли оубо бл҃годѣтелѣствѣи сиѣхъ, таковаа томѣ ѡдаеши възданѣиѣ (84г–85v).

Было бы ненаучно делать обобщения и выводы на основе сравнения только одного отрывка по 9 спискам, но результаты этого сравнения необходимо прокомментировать. По признаку *язык перевода* оформились две основные группы сравнимых списков: *первая группа*, которая включает списки архаического перевода и имеет две подгруппы: а) *Клоц, Мих* и *НИМ*; б) *Сунр, F.215, МДА* и *Кар*; *вторая группа*, которая включает *Хил* и *Рыл*. Текст архаического перевода сравнительно устойчив. Текст второго перевода в двух списках одинаковый в рамках XIV–XV веков, различий никаких нет⁵. Архаический протоперевод был осуществлен на глаголице (доказательством является *Клоц*) и по сравнению с версией во второй подгруппе намного свободнее передает греческий текст⁶. Второй перевод возник самостоятельно. Различия между подгруппами архаического перевода минимальны⁷, а между архаическим и вторым переводом они выявляются на всех уровнях.

2. Афанасий Александрийский. *Слово на Великую пятницу*

Славянский перевод *Sermo in passionem Domini in parasceve* Афанасия Александрийского [26; 28, 1053–1061] из *Клоц* (9b:32–12a:31) входит и в состав *Кар* (446б–449б). Поскольку *Слово* часто приписывается Иоанну Златоусту, оно включено в *Каталог гомилий* Иоанна Златоуста в древнерусской и южнославянской письменности XI–XVI веков [5; № 53], а также и в *Предварительный каталог* [31; 297, 306]⁸. Недавно *Слово* было исследовано и опубликовано по трем спискам [15].

Приводим отрывок текста из *Клоц, F.215* и *Кар*:

Gr: Ὡ ληστὰ βασιλείας ὁμολογητὰ, καὶ κληρονόμῃ, μαρτύρων ζηλωτὰ! Ὡ ληστὰ ῥήματι μικρῷ τὸν οὐρανὸν ὑπανόϊξας! Ὡ ληστὰ ξένῃ ἐπαῶδῃ πρὸς ξένον θησαυρὸν μηχανησάμενε! Ὡ ληστὰ πάρεργον σταυροῦ τὸν οὐρανὸν ποιησάμενε! Ὡ ληστὰ νομίμου ληστείας τοῖς ἀνθρώποις διδάσκαλε! Ὡ ληστὰ ληστείαν ἐπαινουμένην διδάξας! Ὡ ληστὰ διδάξας ἀνθρώπους, πῶς βασιλεία ληστεύεται! Ὡ ληστὰ ποθομένην τῷ κλεπτομένῳ κλοπὴν ὑφηγοῦμενε!

Клоц: ѡ развоиннѣ цѣсрствѣио исповѣдннѣ• оучителю мѣмѣ• иже словомъ маломъ• нѣса отвѣрзе• и дивѣноѣ пѣснѣнѣ• дивѣно съкровиште оверѣтъ• и подѣлье кръстѣное нѣо створь• ѡ оучителю ѡкомѣ• позаконноуемоу• и похвалноуемоу развоиствоу• и наоучѣ ѡкы црствѣне искрасти• ѡ развоиннѣ• желѣемѣнѣ татѣвѣ• крадомоуемоу исповѣданѣ• (11b:20–12a:28);

F.215: ѡ развоиннѣ; црствѣио исповѣданнѣ• оучителю мѣженикѣ• иже слово малѣ нѣса ѡврѣзе• и дивѣно пѣнѣнѣ, дивѣно скровище оверѣтъ• и подѣлѣе крѣтное нѣса створь• ѡ оучителю ѡлкѣ• позаконномѣ и похвалнѣ развоиствѣ• ты наоучи ѡлкы како црствѣе искрасти• ѡ развоиннѣ желѣемѣнѣ татѣвѣ оукрадомѣнѣ исповѣданѣ• (421a–б);

Кар: ѿ развоинице црѣвиѣ исповѣднице оуѣтлю моуѣеникомъ иже слово маломъ нѣа ѿверзе и дивно пѣснию дивно съкровище ѿрѣтъ и подблнѣ крѣное нѣса сътвори ѿ оуѣтлю члѣкиъ позаконному и похвалному развоитвоу ты наоучи члѣки како црѣвиѣ искрасти ѿ развоинице желѣною татвоу крадомую исповѣдаа (448б).

Текст перевода сохраняется почти без изменений на протяжении более пяти веков. Разночтения незначительны: τὸν οὐρανὸν ποιήσαμεν: нѣо сътвори (Клоц) – нѣса сътвори (F.215 и Кар); διδάξας: и наоучъ (Клоц) – ты наоучи (F.215 и Кар); похвалному развоитвоу (Клоц) – похвалному развоитвоу⁹ (F.215 и Кар).

При изучении текстологической истории ранних славянских переводов список Кар имеет значение и в тех случаях, когда нужно ответить на вопрос о том, какова сохранность текста и языка перевода при тиражировании в книжной практике южных и восточных славян. Можно категорически утверждать, что русские книжники переписывали тексты корректно, бережно относясь к антиграфу.

3. Епифаний Кипрский. Слово на Великую субботу

Славянский перевод гомилии Епифания Кипрского *Homilia in divini corporis sepulturam* [24; 3768], [26; 43, 440–464] известен более чем в 20 южнославянских и восточнославянских списках XI–XVII веков. Интерес славистов к нему определяется тем, что памятник сохранился в двух списках XI века: *Сунр* и *Клоц* (фрагмент), но при этом имеются списки более позднего времени и разных редакций¹⁰. Славянский перевод Слова многократно был объектом текстологических и лингвистических исследований [4], [10]. Все еще идет дискуссия о том, сколько славянских переводов имеет эта гомилия. Авторы издания Слова по списку Слав. I, Германов сборник, утверждают, что это «неизвестный староболгарский перевод» [4]. Ответ на вопрос о том, сколько существует редактированных версий архаического перевода Слова и сколько самостоятельных переводов, можно дать только после полного исследования языка текста по всем спискам.

Чтобы найти место Кар среди южнославянских и восточнославянских списков, выбраны два кратких отрывка из Слова, которые сравниваются по десяти спискам архаического и второго перевода¹¹: Клоц (12a:33–14b:22); Сунр (слово № 40 447:28–471:12); F.215 (292б–302); Мих (125r–134r) [27]; Q.п.I.56 (184–204б) (далее – ЯзЗл) [3; 271–291], [13; № 16]; Слав. I (далее – Герм) (173б–198б) [10], МДА (331–345), НИМ (76–79б); Кар (449б–460); Хил (164r–166v)¹².

Gr: διττήν γέννησιν ὁμοῦ αἱ ἀναγέννησιν, καὶ ἄκουσον Χριστοῦ διττοῦ τόκου τὰ πράγματα, καὶ κρότει τὰ θαύματα. Ἀγγελος μὲν τῇ Μαρίᾳ μητρικὴν τοῦ Χριστοῦ γέννησιν εὐηγγελίσατο... Εἰσηλθεν

βροτὸς πρὸς βροτὸν, αἰτούμενος λαβεῖν τὸν Θεὸν τὸν Θεὸν τῶν βροτῶν αἰτεῖται πηλὸς πρὸς πηλοῦ λαβεῖν τὸν πάντων πλαστοουργόν· ὁ χόρτος παρὰ χόρτου κομίσασθαι τὸ οὐράνιον πῦρ ἢ σταγῶν ἢ οἰκτρὰ παρὰ σταγόνος οἰκτρᾶς λαμβάνει τὴν ἄβυσσον. Τίς ἶδε; τίς ἤκουσε πώποτε; Ἄνθρωπος ἀνθρώπῳ τὸν ποιητὴν τῶν ἀνθρώπων χαρίζεται ἄνομος τῶν ἀνόμων τὸν ὄρον καὶ τοῦ νόμου ὑπὸσχενῆται χαρίζεσθαι

Клоц: соуѣоуѣво рождѣство въкоупѣ и порождѣствоу и слыши въ рѣчи соуѣоуѣво рождѣство вешти и всплещи юдеса англь марии матери хвѣ рождѣство его благовѣствова (14a:1–5); въниде ѣкъ къ ѣкоу проса приати бѣ чловѣкомъ прошааше врьнѣ оу врьнѣкъ приати зиждѣтелѣ вѣсѣмъ сѣно отъ сѣна приати невѣскы огнь каплѣ мала отъ капла приати бездѣнж кѣто видѣ ли кѣто слыша кѣде ѣкъ ѣкоу творѣца ѣкомъ дарѣствоважшта безаконникъ праведника и творѣца закономъ овѣштаваетъ са дарѣствовати (14b:8–17);

Сунр: соуѣоуѣж во родѣствоу въкоупѣ и породѣствоу и слыша въ рѣчи соуѣоуѣво родѣствоу вешти и всплещи юдеса англь марии матери христосовѣ родѣство благовѣствова англь (451:15–19); въниде чловѣкъ къ чловѣкоу проса приати вога чловѣкомъ прошааше врьниѣ оу врьниѣ приати зиждѣтеля вѣсѣмъ сѣно отъ сѣна приати гѣонъскааго огни капла мала отъ капла приати бездѣнж кто видѣ или кто слыша кѣде чловѣка чловѣкови творѣца члѣкомъ дажшта безаконникъ праведника и творѣца закономъ овѣштаваетъ са (452:29–453:8);

Мих: сѣоуѣво рождѣство въкоупѣ и порождѣствѣ и слыша въ рѣчи соуѣоуѣва рождѣства и вещи всплещи юдеса англь во марии мѣтре хвѣ рождѣство его благовѣствова (126v); въниде члѣкъ къ члѣкоу просе приѣти бѣ члѣкомъ прошааше врьниѣ оу врьниѣ, приѣти зиждѣтеля вѣсѣхъ сѣно ѿ сѣна, приѣти нѣный ѡгнь капла ѿ капле приѣти бездноу кто видѣ или кто слыша коли члѣкъ члѣкоу творѣца члѣкомъ дароуѣща безаконникъ праведника, и творѣца закономъ овѣщаваетъ се дати (127r);

ЯзЗл: соуѣоуѣво рождѣство въкоупѣ и прорѣство [.....] си рѣчь соуѣоуѣво рождѣствоу вещи и въпльтни юдеса англь марии матери хво рождѣство благовѣствова (187б); въниде члѣкъ къ члѣкоу проса бѣ члѣкомъ прошааше врьниѣ ѿ врьниѣ приѣти зиждѣтеля вѣсѣмъ сѣно ѿ сѣна приѣти невѣсны огнь капла мала ѿ капла приѣти бездѣ кто видѣ или кто слыша где члѣкомъ творѣца и члѣкъ дароваше безаникъ (!) праведника творѣца и закономъ вѣща са дарѣствовати (188б–189);

НИМ: соуѣоуѣво рождѣство въкоупѣ и прѣство и слыша рѣчи соуѣоуѣво рождѣства вещи и всплещи юдеса англь марии мѣтри хвѣ рождѣство его благовѣствова (76б); въниде члѣкъ къ члѣкоу просе приѣти бѣ члѣкомъ, прошааше врьниѣ ѿ врьниѣ, приѣти зиждѣтеля вѣсѣмъ сѣно ѿ сѣна, приѣти нѣнаго огни капла мала ѿ капле, приѣти бездноу кто видѣ или кто слыша гдѣ члѣка члѣкоу творѣца

ца даяща беззаконникъ праведника, и творца закономъ. Обѣщавает се дати. (77);

Герм. соугоуво рождѣство соугѣво въкоупѣ и порождение и слоушаш хѣъ сѣгѣва рождѣства [......] тавлѣетъ чюдеса. аггль марии мѣтри хѣво рожѣство, влговѣсти. (177); въниде тлѣнныи къ тлѣннѣомъ, проса прижти бѣ тлѣнныимъ про- си // врене вренюу, прижти хотѣ всѣ създатель въниде сѣно къ сѣнѣ, възати нѣнаго вгнѣ. каплѣ мала, ѿ капла приемяетъ везнж. кто видѣ или кто слыша, когда уловѣккъ ѡлѣкѣ. творца ѡлѣкомъ дарѣща. (178–179);

F.215: сѣгѣво рѣство въкоупѣ и порождѣние и слыша въ рѣчи хѣва сѣгѣваго рѣства вещи, и въсплещи чюдеса. аггль, марии мѣтри исѣвѣ рѣство его влговѣствова. (294); въниде къ ѡлкѣ ѡлкѣ, проса прѣати ѡлка бѣ ѡлкѣ. прошаше же врене оу вренѣ. прѣати зижителѣ въсѣмъ. сѣно ѿ сѣна. прѣати нѣнныи хлѣвъ. капла мала, ѿ капла прѣати везнж. кто видѣ или кто слыша гдѣ кога. ѡлка ѡлкѣ. творца ѡлкѣ дарѣствоуѣща. беззаконникъ праведника, и творца законѣ обѣщавает сѣ дарѣствовати (294б);

МДА: соугѣво рѣство въкоупѣ и порождѣние. слыша въ рѣчи хѣва соугѣваго (!) рѣства вещи, и въсплещи чюдеса аггль мѣрии мѣтри исѣвѣ рѣство его влговѣствова (332б) въниде къ ѡлѣкоу ѡлкѣ. проса прѣати ѡлка бѣ ѡлѣкомъ. прошаше же вренѣ оу вренѣ. прѣати зижителѣ всѣмъ. сѣно ѿ сѣна. прѣати нѣнныи хлѣвъ, капла мала, ѿ капла прѣати везнж. кто видѣ или ии кто слыша. гдѣ кога. ѡлка ѡлѣкоу. творца ѡлѣкоу дарѣствоуѣща беззаконникъ праведника. и творца законѣ обѣщавает сѣ дарѣствовати (!) (333б);

Кар: соугоуво рѣство въкоупѣ и порождѣние, и слыша въ рѣчи хѣва соугоуваго рожѣства вещи и въсплещи чюдеса. аггль мѣрии мѣтри исѣвѣ. рѣство его влговѣствова (451) въниде ѡлкѣ къ ѡлѣкоу. проса прѣати ѡлка бѣ ѡлѣкомъ. прошаше врене оу вренѣ. прѣати зижителѣ всѣ сѣно ѿ сѣна прѣати. нѣнныи хлѣвъ капла мала ѿ капла. прѣати везнж. кто видѣ и кто слыша. гдѣ тогда ѡлка ѡлѣкоу. творца ѡлѣкомъ дарѣствоуѣща беззаконникъ праведникѣ. и творца законѣ обѣщавает сѣ дарѣствовати (!) (451б);

Хил: соугѣво рожѣство соугоуво и порождѣние и слыши хѣва соугоуваго рожѣства вещи, и въсплещи чюдеса. аггль марии хѣво рожѣство влговѣсти... въниде ѡлкѣ къ ѡлкѣ, прошж прѣати бѣ ѡлка. прѣати калъ ѿ кала, прѣати въсѣ сѣдѣтелѣ. трѣва ѿ трѣвы, прѣати вжтвныи вгнѣ. каплѣ мала ѿ капла, прѣамлѣ везнж (!) • кто видѣ или кто слыша гдѣ кога. ѡлкѣ ѡлкѣ, творца ѡлѣкомъ дарѣ• беззаконныи, законодавца и законъ, оуѣщавает сѣ дати (164v).

Сравнение двух отрывков дает результаты, по которым нельзя делать вывод обо всем тексте *Слова*, но которые четко выявляют группы списков по разночтениям и общим ошибкам. Девять из десяти списков относятся к версии архаического протоперевода, сделанного на глаголице:

Клоц, Супр, Мих, ЯгЗл, НИМ, F.215, МДА, Кар, Герм. Хил содержит текст второго перевода.

А. Первая группа списков по архаическому переводу

Списки в первой группе составляют следующие подгруппы:

а) *Супр, Клоц* – перевод один, разночтения между ними давно изучены;

б) *Мих, ЯгЗл* и *НИМ* – версия архаического перевода одна и та же, но есть чтения, которые исключают существование общего антиграфа. В *ЯгЗл* и *НИМ* имеется общая ошибка: ἀναγέννησιν пророѣтво – в *Мих* порождѣствѣ. Только в *ЯгЗл* ошибочно крѣтеи – въплѣттии (от въсплещи), везаникъ (от беззаконникъ – гаплогрфия); в *Мих, НИМ* обѣщавает се – в *ЯгЗл* вѣща сѣ; в *ЯгЗл* есть и пропуск текста; πηλὸς πρὸς πηλὸν во всех списках первой группы передается как вренние оу вренниа – в *ЯгЗл* на месте предлога оу – ѿ, как и в *Хил*¹³;

в) *F.215, МДА* и *Кар* – архаический перевод, но он ближе к версии в *Супр*. В этих трех списках содержится чтение нѣнныи хлѣвъ как перевод греческого словосочетания τὸ οὐράνιον πῦρ. Списки являются несомненным доказательством того, что русские книжники точно копировали текст. Список *F.215*, вероятно, имел среднеболгарский антиграф¹⁴. В сравниваемом отрывке по этим трем спискам обнаруживается только одна перестановка в тексте: в *F.215* и *МДА* къ ѡлкѣ ѡлкѣ – в *Кар* ѡлкѣ къ ѡлѣкоу;

г) *Герм* – архаический перевод гомилии, отличающийся от перевода на глаголице. По мнению исследователей, перевод был совершен в Преславском центре позже перевода, который лежит в основе списков в *Клоц* и *Супр* [4]. При сравнении фрагментов из *Супр* и *Герм* обнаруживаются лексические параллели: въсплещати – тавлѣти; уловѣккъ – тлѣнныи; зиждитель – създатель. Представляется, что архаический перевод один, но версия в *Герм* – результат радикальной редактур. По особенностям языка этот список остается изолированным.

Б. Второй перевод, сделанный в XIV веке

Переводчик грецизирует синтаксис славянского текста, перевод буквален, но высокого качества. Несомненно, книжник знал ранний перевод, и это проявляется в преднамеренной архаизации лексики. Разночтения прослеживаются на всех уровнях языка, в тексте присутствуют грамматические инновации. При сравнении отрывка *Хил* с отрывками архаического перевода выделяются лексические параллели: вренние – калъ; зиждитель – сѣдѣтель; сѣно – трава; творца законѣ – законодавѣць.

Мы уделили значительное место этим трем гомилиям из *Кар*, которые именуются в *Клоц* (а две из них – и в *Супр*), чтобы доказать наличие в *Кар* архаического ядра переводных текстов.

Для уточнения места *Kap* в рукописной славянской традиции продолжим сравнение небольших отрывков содержащихся в этом кодексе памятников с *Cynp* и некоторыми другими списками.

4. Иоанн Златоуст. *Слово на Великий понедельник* (первая часть *In parabolam de ficu*). *О смокви*

Слово *In parabolam de ficu* относится к *spuria* Иоанна Златоуста [22; № 373], [26; 59, 585–590]. Известны два его славянских перевода, сохранившиеся во многих списках¹⁵. Сравним отрывок из архаического перевода *Слова по Cynp*, *F.215*, *МДА*, *Kap* и из второго перевода – по *Хил* (=Рыл):

Gr: Καὶ ὡσπερ ὁπόταν ἴδη τις στάμνον χρυσῆν ἔχουσαν ἔνδοθεν λίθους τιμίους, φέροντας ἐν ἑαυτοῖς γεγραμμένα μυστήρια, θέλει μὲν ὁρᾶν τὴν στάμνον διὰ τὴν τοῦ εἶδους στιλβότητα, ἀνθέλκεται δὲ ὑπὸ τῶν ἔνδοθεν λίθων· σπεύδει γὰρ καὶ τὸ τῶν λίθων περιαθρήσαι κάλλος, καὶ τὰ ἐν αὐτῇ γεγραμμένα μυστήρια γινῶναι; ... ἐπεινασεν ὁ ἐκ πηλοῦ ζῶντας ὀφθαλμοὺς ἐργασάμενος· ἐπεινασεν ὁ ἐπὶ τῶν κυμάτων τῆς θαλάσσης περιπατήσας, καὶ τοὺς πόδας εἰς τὸ ὕδωρ μὴ βάψας· ἐπεινασεν ὁ ἐννοία μόνῃ τὸ ὕδωρ εἰς οἶνον μετατρέψας· ἐπεινασεν ὁ ψυχᾶς ἐκ τῶν σκηνωμάτων ἐκσπάσας, καὶ πάλιν αὐτὰς εἰσοκίσας λόγῳ;

Cynp: и ꙗкоже аште к'то видитъ в'ѣдро златоу ииѣюще к'тръ каменнѣ уѣстнѣюе носаште на себѣ си тайна написана. хоштеетъ в'ѣдро видѣти вльштаниа д'ѣлма ставиаетъ са пакы. ѡ к'тръииниѣ каменнѣ т'штитъ во са и каменнѣжъ видѣти доврѣтѣ. и ѣже на немъ писано тайноѣ оувѣдѣти (344:3–10); в'ззалка иже ѡтъ кала живѣ ѡчи с'твори. в'ззалка иже по п'ѣнамъ вльн'н'иинѣ ходи. и ногоу въ водѣ не ѡноуи. в'ззалка иже доуша ис т'ѣлесъ изводитъ. и пакы в'вводитъ съ словесемъ (344:21–26);

F.215: и ꙗкоже аще кто видѣт в'ѣдро златоу ииѣюще в'нштръ каменнѣ ут'ноѣ носашци на себѣ. си тайна написана. хоше видѣти довро вльшаниа д'ѣлма ставит са. и пакы ѡ в'нштрън'ѣмъ каменнѣи т'штит са. и каменнѣжъ видѣти доврѣтѣ. и ѣже на немъ писано тайноѣ, видѣти. (368); в'зз'алка, ѣже ѡ кала живѣ ѡчи с'твори. в'зз'алка. иже по п'ѣнамъ вльнъ морскы ходивыи, и ногѣ не ѡноуи. в'зз'алка. иже д'ша ис т'ѣлесъ изводи, и пакы в'вводи съ словесемъ. (368б);

МДА: и ꙗкоже аще кто видѣтъ. в'ѣдро златоу ииѣюще в'нштръ каменнѣ ут'ноѣ. носашци на себѣ. си тайна написана. хоше видѣти в'ѣдро. вльшаниа д'ѣлма ставлѣет са. и пакы в'нштръниимъ каменнѣи. т'штит са и каменнѣю видѣти доврѣтоу. и ѣже на немъ писанно тайноѣ видѣти;... в'залка ѣже ѡ кала жива ѡчи с'твори. в'залка и по п'ѣнамъ вльнени х'ди. и ногѣ не ѡноуи. в'залка. иже д'шоу ис т'ѣлесъ изводитъ. и пакы в'вводитъ съ словесемъ. (234б);

Kap: и ꙗкоже. аще х'то виѣт в'ѣдро злато. ииѣше вноутръ каменнѣ ут'ноѣ носашци на себе. си тайна на-

писана. хоше видѣти в'ѣдро вльшаниа д'ѣлма ставлит са. и пакы ѡ вноутрѣнемъ каменнѣи т'штит са. и каменнѣю видѣти доврѣтоу. и ѣже на немъ писано тайноѣ видѣти с'це (380б); в'ззалка. ѣже ѡ кала живѣ ѡчи с'твори. в'ззалка, иже по п'ѣнамъ вльнѣ морскы ходивыи. и ногоу не ѡноуи. в'ззалка иже д'ша ис телесъ в'ззводитъ. и пакы вводитъ словесемъ. (381);

Хил: И ꙗкоже егда аще кто видѣтъ ст'аннѣ златѣ. ииѣшъ в'нштръ каменнѣ многоц'ѣнно носаше на себѣ писана тайнства. в'схоше оуѣво зрѣти ст'аннѣ видѣннѣ ради уѣстнаго, привл'читъ же са ѡ иже въ ней каменнѣа. т'штитъ во са и каменнѣжъ с'гладати доврѣтѣ и иже на нѣ написана тайнства оувѣдѣти; ... в'зз'алка. иже ѡ кала живѣтнѣж ѡчи с'д'ѣлвыи. в'зз'алка. иже по врѣхѣхъ вльнъ морскыи х'дывы, и ногы въ водѣ не ѡноуи. в'зз'алка. иже д'ша ѡ т'ѣлесъ ихъ истрѣгыи и пакы в'селивъ словомъ. (185г).

Текст архаического перевода *Слова* в *Cynp*, *F.215*, *МДА* и *Kap* характеризуется устойчивостью на протяжении своей долгой рукописной традиции.

5. Иоанн Златоуст. *Слово на Великий понедельник* (вторая часть *In parabolam de ficu*)

Славянский перевод второй части *In parabolam de ficu* в *Kap* (383б–385) и *F.215* (370б–372) представляет собой самостоятельное слово. В *Cynp* (350:19–354:14) глосса разделяет перевод двух частей. В *Хил* (185v–186r) и *Рыл* (36v–37v) перевод представлен как одно слово¹⁶. В *МДА* содержится перевод только первой части *In parabolam de ficu*, перевод второй части отсутствует.

Gr: Πρὸ γὰρ τῆς τοῦ εἰρηναρχοῦ παρουσίας, ποικίλοις πνεύμασιν ἐκλονεῖτο τὸ τῶν ἀνθρώπων γένος, πρὸς εἰδωλολατρείας καὶ αἰμοχυσίας καὶ κόμους καὶ λαγνείας ἐλαυνόμενον· ἐλθὼν δὲ ὁ Κύριος ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστὸς, ἡ εἰρήνη τοῦ κόσμου, κατέστειλε τὰς τῶν ἐναντίων πνευμάτων σπλάδας таратτούσας τὴν τοῦ βίου τοῦτου τῶν παθῶν ἀμυροφόρον θάλασσαν, καὶ τὰ ἀφροφόρα τῶν ἡδονῶν κατέσβεσε κύματα.

Cynp: прѣжде вѡ мироу старѣишинѣ. х'рестоу пришествиа многы недѣгы вльѣвѣскыи зваше са род. къ капиштемъ слоужениа женомъ. пришѣдъ же господѣ миръ нашъ с'спрата с'противнѣнѣжъ вльѣвѣкъ скврѣны. м'т'шталъ жизни сеа сласти сланоѣ море. и п'ѣннѣжъ стрѣти и вльны (352:9–17);

F.215: прѣже вѡ мироу старѣишинѣ. х'р'ш пришествиа. многы недѣгы вльѣвѣскыи зваше рѡ къ капишемъ слзжению. и на п'ѣнѣ и на слзжениѣ же намъ. пришѣ гѣ нашъ, с'спрата с'противнѣ влькъ скврѣны. м'т'шталъ жизни сеа сласти. сланоѣ море. и п'ѣннѣжъ стрѣти и вльны (371б);

Kap: прѣ мироу старѣиш'ѣнѣ х'оу пришествиѣ. многы недоугы вльѣкы зваше. рѡ капишемъ слоужениа и на п'ѣнѣ и на слоужениѣ же намъ пришѣ гѣ н'шъ. с'спрата с'противнѣ влькъ скверны

моуѣщаа. жизни сеа сласти сланое море. и пѣнныа страсти и волны (384);

Хил: прѣжѣ къ мироначалника пришествѣа, различными дѣхы колѣблемъ вѣчѣмъ члвкъмъ рудѣ. и къ ѣдоловсложнѣи и крѣвопродитѣлю и пѣанствоу и влѣдѣ оуѣклон сѣ. прише гѣ нашѣ оустѣви съпротивный доуѣхѣвъ скворъненѣа, възмѣщшые сѣ житѣа страсти сланонѣсное море, и пѣноносныхъ сластѣа оуѣтоли влѣны (185v).

Архаический перевод устойчиво сохраняется в списках до XVI века. В данном отрывке при тиражировании был деформирован перевод ἐλαυνόμενον: в *Супр* – женомъ (от гѣнати, женж, женѣши); в *F.215* и *Кар* – же намъ. Имеется и пропуск: отсутствует перевод греческого текста καὶ αἰμοχυσίας καὶ κάμουσ καὶ λαγνείας (в протопереводѣ?). Второй перевод грецизирован и синтаксически, и лексически, но исправлен и смысл греческого образца передает точно.

6. Иоанн Златоуст. *Слово на Великий вторник. О соборнии собор на Господа*

Слово Иоанна Златоуста In illud: Collegerunt Iudaei [26; 59, 525–528] имеет два славянских перевода: архаический¹⁷ и второй (новый) перевод, выполненный в XIV веке¹⁸. Сравнение текста первого и второго славянских переводов выявляет различия на всех уровнях. Есть основания предполагать, что в основе второго перевода лежит другой греческий образец [15].

Gr: Ὁ φθόνε, φόνου γεννήτωρ, διαβόλου εὐρημα, θανάτου ἀρχηγέ· ὦ φθόνε, ὁ μήτε τοὺς ὑπὸ σοῦ βασκαίνομένους ζῆν ἐθέλων, καὶ τοὺς ἔχοντάς σε μειζόνως κολάζων· ὦ φθόνε, διαβόλου σύνοικε· ὦ φθόνε, φιλίας ἐχθρέ, εἰρήνης ἀντίπαλε, ἀγάπης ἀντίδικε, διαβόλου βλάστημα, σκοτεινόχροον ἄνθος· οἱ σε νεμόμενοι, χριστοκτονίαν ἐργάζονται· σὺ δὲ τὸν Ἀδὰμ ἐν παραδείσῳ ἐξ ἀρχῆς ἐβάσκαται, καὶ γλυκείας ἡδονῆς ἀπογευσάμενον πικροτάτῳ θανάτῳ παρέδωκας· θάνατος γὰρ οὐκ ἦν ἐν τῷ κόσμῳ, εἰ μὴ σὺ αὐτὸν, φθόνε, ἐκύησας. Καὶ μαρτυρεῖ μοι τὸ θεῖον λόγιον, λέγον· Οὐκ ἐποίησεν ὁ Θεὸς θάνατον, οὐδὲ τέρπεται ἐπ' ἀπωλείᾳ ζώντων. Φθόνῳ δὲ διαβόλου θάνατος εἰς τὸν κόσμον εἰσῆλθε.

Супр: (Ѣ) зависти· оуѣноствоу родителю· дѣаволѣа оуѣрѣтѣлѣ· сѣмрѣти старѣишино· ѡ зависти ꙗже не товож завистливѣмъ жити дасть· и имѣющиѣ тѣ велии мѣуаштѣ· ѡ зависти любви вражда· мироу сѣпостатѣ· ѡ зависти вѣсомъ оуѣдворѣниче· дѣаволѣе попѣрание· тѣмныи цвѣтѣ· по тѣвѣ пасомии· исѣхрѣстосово оуѣбитие мѣслатѣ· тѣ испрѣва аѣмоу въ породѣ възавидѣ· и сладѣкыа сласти въкоуѣсѣвша· горѣцѣ сѣмрѣти прѣдасть ѣго· сѣмрѣти во не вѣ въ мироу· нѣ тѣ зависти породе сѣмрѣтѣ· послѣхѣуѣтѣ ми мѣдрости слово глаголетѣ ꙗко вогѣ сѣмрѣти не сѣтвори· ни красѣетѣ сѣ пагоуѣвѣ жизни· нѣ завистнѣ дѣаволѣж сѣмрѣтѣ вѣниде въ мирѣ· (388:22–389:8);

Усп: (Ѣ) зависти· оуѣноствоу родителю· дѣаволѣа оуѣрѣтѣлѣ· сѣмрѣти старѣишино· ѡ зависти ꙗже не товож завистливѣмъ жити дасть· и имѣющиѣ

тѣ велии оуѣаши· ѡ зависти любви вражда· мироу сѣпостатѣ· ѡ зависти вѣсомъ оуѣдворѣниче· дѣаволѣе попѣрание· тѣмныи цвѣтѣ· по тѣвѣ пасомии исѣхрѣстосово оуѣбитие мѣслатѣ· тѣ испрѣва аѣмѣ въ породѣ възавидѣ· и сладѣкыа сласти въкоуѣсѣвша· горѣцѣ сѣмрѣти прѣдасть ѣго· сѣмрѣти во не вѣ въ мироу· нѣ тѣ зависти породе сѣмрѣтѣ послѣхѣуѣтѣ ми моуѣдрости слово глѣтѣ· ꙗко вѣ сѣмрѣти не сѣтвори· ни красѣетѣ сѣ пагоуѣвѣ жизни· нѣ завистнѣо дѣаволѣю сѣмрѣтѣ вѣниде въ мирѣ· (189a–б);

Тр9: ѡ зависти оуѣноствоу родителю дѣаволѣо оуѣрѣтѣлѣ· сѣмрѣти старѣишино· ѡ зависти ꙗже не товож завистливѣмъ жити дасть· и имѣющиѣ тѣ велии оуѣаши ѡ зависти любви вражда· мироу сѣпостатѣ· ѡ зависти вѣсомъ оуѣдворѣниче· дѣаволѣе поѣрание· темныи свѣтѣ· по тоѣвѣ пасомии· исѣхѣво оуѣбитѣ мѣслатѣ· тѣи сѣ перѣа аѣмоу въ породѣ възавидѣ· и сладѣкыа сласти въкоуѣсѣвша· горѣцѣ сѣмрѣти прѣдасть ѣго· сѣмрѣти во не вѣ въ мироу· но тѣ зависти породе сѣмрѣтѣ· и послѣхѣуѣтѣ ми моуѣдростѣвѣ· рекѣ же григорѣи вѣгословѣ глѣ· ꙗко вѣ сѣмрѣти не сѣтвори· но зависти дѣаволѣю сѣмрѣтѣ вѣниде въ мирѣ (46);

F.215: ѡ зависти· оуѣноствѣ родителѣниче· дѣаволѣа оуѣрѣтѣлѣ· сѣмрѣти старѣишино· ѡ зависти· ꙗже товож завистливѣмъ жити не дасть· и имѣющиѣ тѣ велии оуѣиши· ѡ зависти· любви вражда· мироу сѣпостатѣ· ѡ зависти, вѣсѣмъ оуѣдворѣниче· дѣаволѣе поѣрание· темныи цвѣтѣ по тѣвѣ пасомии· исѣхѣво оуѣбитѣ мѣслѣ· тѣ испрѣва аѣмѣ въ породѣ възавидѣ· и сладѣкыа сласти въкоуѣсѣвша горѣцѣ сѣмрѣти прѣдаде ѣго· сѣмрѣти во не вѣ въ мироу· нѣ тѣ зависти породе сѣмрѣтѣ· и послѣхѣуѣтѣтѣ ми мѣдро слово· рекѣ же· григорѣи вѣгословѣ глѣ· ꙗко вѣ сѣмрѣти не сѣтвори· ни красѣет сѣ ѡ пагѣвѣ· нѣ завистѣж дѣаволѣж сѣмрѣтѣ вѣниде въ мирѣ· (373б);

Кар: ѡ зависти оуѣноствоу· роѣтѣлѣниче· дѣаволѣа оуѣрѣтѣлѣ· сѣмрѣти старѣишино· ѡ зависти· ꙗже товож завистливѣмъ жити не дасть имѣющиѣ тѣ велии· оуѣиши· ѡ зависти любви вражда· мироу сѣпостатѣ· ѡ зависти, вѣсомъ оуѣдворѣниче· дѣаволѣе поѣрание· темныи цвѣтѣ· по тѣвѣ пасомии· исѣхѣво оуѣноство мѣслатѣ тѣ испрѣва аѣмоу· въ породѣ възавидѣ· и сладѣкыа сласти вкоуѣсѣвше· горѣцѣ сѣмрѣти прѣдаде ѣго· сѣмрѣти во не вѣ въ мироу· нѣ тѣ зависти породе сѣмрѣтѣ· и послѣхѣуѣтѣтѣ ми миро слово· рекѣ григорѣи· и вѣгословѣ глѣ· ꙗко вѣ сѣмрѣти не сѣтвори· ни красѣет сѣ ѡ пагѣвѣ· но завистнѣо дѣаволѣю сѣмрѣтѣ вѣниде въ мирѣ· (392б);

Хил (=Рыл): ѡ зависти оуѣноствѣ родителѣниче· дѣаволѣе изѣоуѣрѣтѣнѣе· сѣмрѣтѣти наѣчалниче· ѡ зависти, ни ꙗже ѡ тѣе завидимыиѣ жити хѣеши, и имѣшѣж тѣ воли мѣиши· ѡ зависти дрѣжѣвѣ враже· сѣмирѣнѣю сѣпостатѣ· мира и любви сѣперниче· ѡ зависти вѣсѣвомъ сѣжитѣлю· дѣаволѣе изѣрачѣнѣе· темновидныи цвѣтѣ· ꙗже тѣе любѣаши, дрѣгоуѣноство любѣ· тѣ аѣмѣ въ рѣи испрѣва позавидѣвѣ· сладѣкыа сласти въкоуѣшенѣемъ

горуанишн сьмрѣти прѣдалѣ еси сьмрѣть вѣ не вѣ въ мирѣ, аще не ты зависти родила ви сьмрѣть свѣдѣтелствуетъ же ми прѣмждростное слово. ꙗко бѣ сьмрѣть не сътвори, ниже красуетъ са ѿ погыкѣли живыхъ. завистиа же дѣволеж сьмрѣть въ мирѣ въниде (282г).

Архаический перевод не подвергался радикальной редактуре до XVI века. В отрывке *Слова* в его второй версии в *Tr9*, *F.215* и *Кар* содержится вставка рѣкж же григорїи бѣгословъ гла, и это является текстологическим доказательством того, что данные списки восходят к общему прототипу¹⁹. Второй перевод отличается гречизированным синтаксисом, греческие *composita* в нем передаются славянскими сложными словами, яркие преславизмы заменяются общеславянской лексикой. Перевод высокого качества и точно передает содержание и смысл греческого текста.

7. Иоанн Златоуст. *Слово на Великую среду. О иудейской зависти*

Слово Иоанна Златоуста *In Illud: Exeunt Pharisaei* [26; 61, 705–710] имеет два славянских перевода: архаический²⁰ и второй (новый) XIV века²¹. Ниже сравнение отрывка из архаического перевода проводится по *Сунр*, *Усп*, *F.215* (= *Tr9*, Волок., F.I.895) и *Кар*, а из второго перевода – по *Хил* (= *Рыл*).

Gr: Τοῦτο τὸ πλοῖον τοῦ φθόνου κατακλυσμὸς μὲν βυθίσει οὐκ ἴσχυεν, Ἰησοῦς δὲ αὐτὸ ἐν τῇ δυνάμει τοῦ Πνεύματος, ἐν τῇ πληρῆ τοῦ βαπτίσματος κατεπόντισεν. Εἶχε τοῦτο τὸ πλοῖον καὶ ἀγκύρας σιδηρᾶς, ἀλλ' εἰς τοὺς ἤλους τοῦ Χριστοῦ ἐχωνεύθησαν· εἶχε τοῦτο τὸ πλοῖον καὶ ἰστιόν, ἀλλ' ὁ διάβολος λαβὼν αὐτὸ σταυρὸν ἐπελέκτισεν· εἶχε τοῦτο τὸ πλοῖον καὶ σχοινία, ἀλλὰ ταῦτα λαβὼν Ἰουδαῖς ἀπήγατο. Εἰς τοῦτο τὸ πλοῖον ἐμβάντες οἱ Ἰουδαῖοι, τῇ πέτρᾳ προσκρούσαντες περὶ τὴν πίστιν ἐναυάγησαν. Διὰ τοῦτο μέχρι τοῦ νῦν οἱ Ἰουδαῖοι ἐν τῷ βυθῷ τῆς ἀγνώσεως ἐννήχονται.

Сунр: сего коравьа зависти потопѣ погрѣжити не може. нѣ ꙗко силѣ доуха погрѣжи въ источницѣхъ крѣщенїа. имѣаше сїи коравль котѣкы желѣзны. нѣ исѣсовани гвоздвини изгорѣша. имѣ сїи коравль іадро. нѣ дїаволѣ възьмѣ крѣста исѣоушенїе сътвори. имѣ сїи коравль жже. нѣ то възьмѣ нїуда оудави са. въ тѣ вѣлѣзше жидове о камень образивше са. о вѣрѣ истопоша. сего дѣла нынѣшю въ глѣвинѣ неразоумьа плаваахж (400:24–401:4);

Усп: сего коравля зависти потопѣмъ погроузити не можетъ. нѣ ꙗко силою дѣха погроузи въ источницѣхъ крѣщенїа. имѣаше сїи коравль и котѣкы желѣзны. нѣ ꙗсовани гвоздвини изгорѣша. имѣ сїи коравль іадро. нѣ дїаволѣ възьмѣ крѣста исѣоушенїе сътвори. имѣ сїи коравль и оуже. нѣ того възьмѣ нїуда оудави са. въ тѣ вѣлѣзше жидове. о камень образивше са. о вѣрѣ истопоша. сего дѣла нынѣшю въ глѣвинѣ неразоумѣнїа плаваахю (199г);

F.215 (= *Tr9*, Волок., F.I.895): сего коравля зависти. потопомъ погрѣжити не можетъ. нѣ ꙗко силою дѣха погрѣжити въ источницѣхъ крѣщенїа. имѣаше сїи коравль и котѣкы желѣзны. нѣ ꙗсовани гвоздвини изгорѣша. имѣаше сїи коравль іадро, нѣ дїаволѣ възьмѣ крѣта и съкрѣшенїе сътвори. имѣ сїи коравль вжже нѣ того възьмѣ юда оудави са. въ той вѣлѣзше жидове, о камень образивше са. о вѣрѣ истопоша. сего ра нѣ въ глѣвинѣ неразвѣта плаваахж (387б);

Кар: сего коравля зависти. потопѣ погроузити не можетъ. нѣ ꙗко силою дѣха погроузити. въ источницѣхъ крѣщенїа. имѣаше сїи коравль. и котѣкы желѣзны. нѣ ꙗсовани гвоздвини изгорѣша. имѣаше коравль іадро, нѣ дїаволѣ възьмѣ крѣта и съкрѣшенїе сътвори. имѣ сїи коравль іадро юѣ нѣ то възьмѣ юда оудави са. въ той вѣлѣзше жидове, ѿ камень ѿобразивше са ѿ вѣрѣ истопо. сего ра нѣ нѣ въ глѣвинѣ неразоумїа плаваахю (410б);

Хил: сїи коравль завистѣ, потопѣ погрѣжити не възьможе. ꙗко же силою дѣха потопи и въ вѣдѣ крѣщенїа. имѣаше сїи коравль и іадрїла желѣзна, нѣ въ хѣвы гыздїж разлїашж. имѣаше сїи коравль катѣрѣ, нѣ дїаволѣ прїемѣ крѣта исѣоусть праздѣнѣ познѣ. имѣаше сїи коравль жже, нѣ то възьмѣ іѣда оудави са. въ сїи коравль вѣлѣзше іѣден и камени приразивше са, о вѣрѣ погрѣжишж са. сего ради даже досели въ глѣвинѣ невѣдѣнїа потѣнжшж (193г).

Текст архаического перевода в XI–XVI веках устойчив. Разночтения в данном отрывке исѣоушенїе – съкрѣшенїе, нынѣшю – нѣнѣ позволяют объединить списки архаического перевода в две подгруппы: а) *Сунр* и *Усп*; б) *F.215*, *Tr9*, Волок., F.I.895 и *Кар*. Важно отметить, что в конце XIV века второй перевод уже существовал, но трансмиссия архаического перевода продолжалась. Во втором переводе *Слова* последовательно проводится гречизация синтаксиса, преславизмы заменяются общеславянскими лексемами, характерными для переводов времени Кирилла и Мефодия, число гречизмов возрастает. Фиксируются языковые инновации на словообразовательном и морфологическом уровнях.

Сравнение фрагментов из содержащихся в *Кар* текстов архаического перевода с их другими списками можно было бы продолжить, но принципиально новых результатов они не дают. Отметим, в частности, что в состав *Кар* входят и другие памятники в архаическом переводе: а) Иоанн Златоуст. *Слово о страсти Христове и о положении во гробе (от сказания евангельского Мт 27:6; Мт 27:62–64)* (443а–446б) [26; 58, 781–784]; б) Иоанн Златоуст. *Слово о трехдневном воскресении* (469–474). *In sanctum Pascha* [26; 52, 765–772]; в) Иоанн Златоуст. *Слово на воскресение Господа нашего Иисуса Христа* (Лк 22:54; 24:13) (474–477б) [5; № 529]; греческого текста нет; г) Иоанн Златоуст. *Слово на святую Пасху* (460–463б). *In triduanam resurrectionem domini* [26;

50, 821–824]; д) Иоанн Златоуст. *Слово в первое воскресенье после Пасхи (Слово на Фомину неделю)* (500–505).

К архаическому ядру *Кар* относятся и три слова ранней редакции Климента Охридского: *Похвальное бесплотным Михаилу и Гавриилу* (61б–65), *Похвальное пророку Илии* (239–242) и *На преставление Святой Владычицы Богородицы* (294б–296б). Присутствует и одно слово Иоанна экзарха Болгарского – *На сошествие Господа нашего Иисуса Христа* (541б–544).

В *Кар* (494б–496б) содержится также слово ѡ пасцѣѣ, которое представляет собой эскиз первых двух из четырех правил *Послания* Дионисия Александрийского Василиду. Преславский перевод *Послания* входит в состав Ефремовской кормчей (далее – *Ефр*). До недавнего времени данное Слово было известно только по списку *F.215* [14]. Славянский перевод этих двух правил в слове ѡ пасцѣѣ в *F.215* совершенно отличается от их перевода в составе *Ефр*. М. А. Спасова обнаружила еще два славянских списка слова ѡ пасцѣѣ в рукописях *МДА* (360б–363) и *Кар* (494б–496б). Интересно в данном случае то, что перевод двух правил в *Ефр* осуществлен по греческому образцу X века, а в *F.215*, *МДА* и *Кар* перевод восходит к

греческому тексту, близкому списку *Patmos 173* второй половины IX века [14; 74].

Рукопись *Кар* содержит и тексты позднего славянского Средневековья, которые заслуживают специального исследования. Их изучение позволит уточнить вопросы, связанные с формированием, составом и структурой русских триодных, минейных и общих Торжественников.

Основной вывод нашего исследования заключается в том, что рукопись из Национального архива Республики Карелия (№ 30 (27)) представляет большой научный интерес, содержит тексты архаического славянского перевода. Как показывает текстологический анализ *Кар* (наряду с другими русскими рукописями), русские книжники копировали тексты очень точно, благодаря чему архетип перевода сохранился при трансмиссии устойчиво. Разумеется, при этом могли вноситься незначительные исправления, возникать ошибки (их примеры показаны в статье). Таким образом, поздние рукописи являются надежным источником для изучения славянских переводов. «Карельский» Торжественник обязательно должен учитываться в дальнейшем изучении славянских переводов.

* Работа выполнена в рамках Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Четко различаются два полууставных почерка: одним из них написан основной корпус текстов, другим – более крупным – заключительные две статьи, посвященные Марии Египетской, на л. 617–630 об.

² Из-за ограничения в объеме работы сравнение инципитов дается в сносках только при наличии расхождений.

³ Т. В. Черторицкая указывает 20 списков *Слова* [31; 285]. Начало архаического славянского перевода *Слова* известно в двух версиях: а) Хотѣхъ патриарховъ всѣдъжъ къ вамъ простѣрѣти; б) Мала ноужда дньскъ къ вашей любви съвѣщати. К числу списков данного памятника нужно добавить фрагмент *Слова* (без начала) РГБ, ф. 87, Григорович 18.П, XIII в., болгарский (1–2б); Национальный исторический музей, г. София, № 24 (далее – *НИМ*) Панегирик минейный и триодный, середины XIV века, сербский, (67б–70б) [11; 72–85]; *Кар* (412б–421) [8], [12; 113]. Ниже дается сравнение инципитов по первой версии в следующих списках: *Клоц* [23; 58–84]; Гомилиарий Михановича (далее – *Мих*), (85v–91r) [27]; Сборник триодный, конец XIV века, болгарский, РНБ, Тиханов 540 (далее – *Тух*) (150–159) [13; № 70]; *НИМ* (67б–70б) [11; 78].

Клоц: Хотѣхъ патриарховъ всѣдъжъ къ вамъ простѣрѣти и отъ то.. дѣховножъ ни.....мъ въдати.

Мих: Хотѣ патриарховъ всѣдъжъ къ ва простѣрѣти и ѡ тожъ дѣховножъ пищъ ва въдати.

НИМ: Хотѣхъ патриарховоу всѣдоу пакыи вамъ простѣрѣти и ѡтоудоу дѣховноу пишоу вамъ дати.

Вторая версия начала регистрируется в *Супр* [18; 271–309]; *F.215* (389–395б); *МДА* 48 (далее – *МДА*) (294–303) [<http://www.stsl.ru/>]; *Кар* (412б–421).

Супр: Мала ноужда дньскъ къ вашей любви съвѣщати. мала же ноужда съвѣщати.

F.215: Мала нѣжа днь къ вашей любви съвѣщати. мала же нѣжа съвѣщати

МДА: Мала ноужда днь къ вашей любви съвѣщати. мала же ноужда съвѣщати

Кар: Мала ноужда днь къ вашей любви съвѣщати. мала же ноужда съвѣщати

⁴ Второй перевод, наверно, тоже широко распространен в рукописной практике южных и восточных славян, но это не имеет отношения к данному исследованию. Известны следующие болгарские списки второго перевода *Слова*: Маргарит № 404, Хиландарский монастырь, 1470/1380 (далее – *Хил*) [2; № 404]; Панегирик РМ 4/7 (26), вторая половина XV века (81б–90б) (далее – Рыл) [16; 97]; Сборник слов на Пятидесятницу, F.I. 829 (36–45б) [13; № 69]. Начало *Слова* по второму переводу дается по *Хил* (286г–289г).

Хил: Хотѣхъ и днь иже ѿ патриарѣѣ прикоснѣти сѧ всѣдѣѣ, и ѡсѣдѣѣ вамъ прѣдложити трапезъ дѣховножъ.

⁵ По этой причине сравнение со вторым переводом будет осуществляться далее по *Хил*.

⁶ В трех списках первой подгруппы присутствует предложение и сѣлѣгыа твориши прозѣрѣти, не имеющее основания в греческом тексте. Возможно, перевод сделан по другому греческому образцу. В *Мих* и *НИМ* пропущено предложение и проказнѣгыа очшѣтаеш. Версия перевода во второй подгруппе почти буквальная, что свидетельствует о сверке с греческим текстом и редактировании.

⁷ В первой подгруппе обнаруживается лексическое разночтение оубаловати (*Клоц*) – оубравѣвати (*Мих*, *НИМ*). Глагол оубаловати находится в *Клоц* и *Евх* [17], а оубравѣвати – в *Vita Const.* [30]. Первичным считается врачъ, а моравизм ваии – вторичным [20; 106], [25; 76–77].

⁸ Слово входит в значительное число славянских рукописей [5; 29–30]. К ним нужно добавить и список слова в *НИМ* (70б–71б) [11; № 24].

Gr: Μέγα μὲν οὐράνους δημιουργήματα, καὶ τῆς ὁραμένης κτίσεως πρῶτον ὑπὸ τοῦ Θεοῦ εἰς τὸ εἶναι καλούμενον· μέγα δὲ τι καὶ θαυμαστὸν τῶν ἀγγέλων ἢ φύσις, ἀοράτοις στεφανουμένη τοῖς κάλλεσιν. Ἀμιλλᾷται τοῖς εἰρημένους καὶ ἥλιος, τὰς ἡμερινὰς τοῦ φωτὸς λαμπράδας περιβαλλόμενος, καὶ τὸν οὐράνιον δρόμον ἐλαύνων. Ἐκπλήττει τὴν διάνοιαν ἢ γῆ, κρεμαμένη προστάγματι, καὶ τὸ βαρὺ στοιχεῖον τοῖς ὕδασι ἐποχοῦμενον.

Клоц: Велика оубо естъ тварь· нбо отъ невѣтътъѣ въ вѣтъѣ· бѣмъ призъвана великъ же сѣтъѣ и а҃н҃гѣльскыѣ силы· невидѣмныи доворотани· вѣнчае//лгы· подовитъ са слѣнѣце· дѣневѣтънѣмъ са свѣтомъ облагана неѣское тевенѣе гонѣ· дѣвъ творитъ оубо· землѣ висѣшти повелѣнѣемъ на водахъ· а тѣжка вѣштъ сѣшти· (9b:32–10a:5);

Кар: Велика оубо тварь· нево ѿ невѣтънѣ въ вѣтъѣ· бѣомъ призвана· великѣ сѣтъѣ и а҃н҃гѣльскыѣ силы· невидѣмныи во доворотани вѣнчаеми· подовитъ же са и симѣслѣць (!) дѣвенѣ са свѣто ѿблагана и неѣское тевенѣе гонѣ· дѣвъ творѣ оубо· земла висѣшти повелѣнѣемъ на водахъ а тѣжкаа еѣще (!) сѣшти (446б–447).

Клоц и Кар разделяют несколько веков, но сравнение инципитов доказывает, что перевод один и тот же. В Кар имеются два случая искажения текста: невидѣмныи – невидѣмый во; слѣнѣце – слѣслѣць (деформация, возможно, произошла еще при транслитерации с глаголицы на кириллицу). В Кар пропущена форма естъ, но рукопись русская, и пропуск формы объясним.

⁹ Ошибка или доказательство, что антиграф F.215 и Кар тиражировался в болгарской рукописной среде, где уже шли процессы развития от синтетизма к аналитизму?

¹⁰ Критический аппарат к изданиям славянского перевода Слова включает 6–7 списков и отражает отличия между ними.

¹¹ Слово входит и в состав сборников среднеболгарского извода Tux 540 (163–170б – без конца) [13; № 70]; F.I. 829 (79–87) [13; № 69]; Гильф. 51 (266б–293б) [13; № 68].

¹² Gr: Τί τοῦτο; σήμερον σιγὴ πολλὴ ἐν τῇ γῆ· σιγὴ πολλὴ καὶ ἡρεμία λοιπόν· σιγὴ πολλὴ

Клоц: Чѣто се дѣнѣсь везѣмѣвѣе много на земни· чѣто се везѣмѣвѣе много· и мѣчанѣе много·

Супр: Чѣто се дѣнѣсь мѣчванѣе много на земни· чѣто се мѣчванѣе много· и непшиштванѣе много·

Мих: Чѣто се дѣнѣ везѣмѣвѣе много на земни· чѣто се везѣмѣвѣе много и мѣчванѣе много·

ЯзЗл: Чѣто се везѣмѣвѣевствѣе много на земни· и чѣто се везѣмѣвѣевствѣе много· и мѣчванѣе много·

Герм: Чѣто се дѣнѣ везѣмѣвѣе много на земни· чѣто се везѣмѣвѣе проуе и мѣчванѣе много·

F.215: Чѣто се дѣнѣ везѣмѣвѣе много на земни· чѣто се, везѣмѣвѣе много, и мѣчванѣе много·

МДА: Чѣто се дѣнѣ везѣмѣвѣе много на земни· чѣто се и везѣмѣвѣе много, и мѣчванѣе много·

НИМ: Чѣто се дѣнѣ везѣмѣвѣе много на земни· чѣто се везѣмѣвѣе много, и мѣчванѣе много·

Кар: Чѣто се дѣнѣ везѣмѣвѣе много на земни· чѣто се, везѣмѣвѣе много, и мѣчванѣе много·

Хил: Чѣто се дѣнѣ везѣмѣвѣе много на земни· чѣто се; везѣмѣвѣе много и мѣчванѣе много·

Обычно начала разных переводов или версий одного перевода мало отличаются друг от друга или даже иногда полностью совпадают, поэтому отрывки для сравнения приводятся с середины текста.

¹³ В новом издании ЯзЗл М. Димитрова относит кодекс к XIV веку [3], а составители каталога славянских рукописей болгарского происхождения в Российской национальной библиотеке – к XIII веку [13; № 16]. Язык текстов ЯзЗл не может быть отнесен к XIV веку, поскольку в нем есть архаические и инновационные черты – характерная особенность рукописей XIII века. Нужно отметить и наличие множества пропусков и ошибок, а это доказывает, что рукопись – поздняя транслитерация с глаголического антиграфа. Этот вопрос заслуживает специального исследования.

¹⁴ Часть рукописи F.215 – труд русского писца Серапиона – написана среднеболгарским тырновским правописанием со спорадическими орфографическими русизмами. Выказано мнение, что в этом случае нужно говорить о сознательной болгаризации правописания, но тема статьи не предполагает рассмотрение этой проблемы.

¹⁵ Супр (слово № 30; 343:1–350:18; вторая часть слова 350:19–354:14); F.215 (368б–370б); МДА (234–237); Кар (380а–383б); Хил (185–186); Рыл (346–376). В литературе ([5; 95], [31; 256–257; 260–261]) указаны три группы списков Слова в зависимости от его конца. В действительности различия связаны с разделением *In parabolam de ficu* на два отдельных слова в некоторых славянских списках. Перевод Слова в Супр представлен как единый текст, хотя на поле 350:19 имеется глосса ж о смокъви и о жєнѣ люкодѣици и о вєсѣдѣ юѣмъ лєстѣнѣ, указывающая на вторую часть, известную в нескольких списках Торжественника как самостоятельное слово. Во втором славянском переводе текст Слова единый.

Архаический славянский перевод:

Супр: Око оубо вида или дѣвъ цвѣтъчанъ· или источникъ силно текжштъ·

F.215: Икоже оубо вида· или дѣвъ цвѣтъчанъ· или источникъ силно текжщъ·

МДА: Ико оубо вида или дѣвъ цвѣтъщъ или источникъ силно текжщъ·

Кар: Икоже оубо вида или доубъ цвѣтъчанъ или источникъ силно текощъ

Второй славянский перевод:

Хил (=Рыл): Око оубо зрѣ или дрѣво цвѣтоносно или источникъ водоточенъ

¹⁶ Архаический славянский перевод:

Супр: Приде къ смокви господь· си смокы образъ приношааше

F.215: Прїиде къ смокви гѣ· си смоквь ѿвразъ приношааше

Кар: Приде къ смокви гѣ, сї смоквь ѿврѣ приношааше

Второй славянский перевод (слово единое, а не в двух частях):

Хил (=Рыл) Прїиде къ смоквици гѣ· сїѣ смоквици ѿвразъ ношааше

¹⁷ Архаический перевод имеет две версии: а) первая версия с началом Приподобѣтъ са црѣквѣнни крѣмѣнни. дѣтєхъ иже мѣко по вѣса дѣни. пишти сѣвѣ отъ матерѣ съеа съсѣтъ в Супр (384.10–389.30), в Успенском сборнике (далее – Усп) (188б–190б) [19], в Егоров № 565 [5; № 340]; б) вторая версия с началом Оубѣишѣ црѣквѣнни крѣмѣнни дѣтємъ, иже мѣко по вѣса дѣни пишж сѣвѣ съсѣтъ ѿ мѣна съеца в F.215 (372а–374а); в Троицкий 9 (далее – Тр9) (42б–45б) [http://www.stsl.ru/]; в Кар (390б–393). Известно более 10 славянских списков [5; № 634].

¹⁸ Второй перевод имеет начало: Оубѣишѣ са оубо црѣквѣнни люкєзѣици отрѣци. мѣчнѣа пишж на кждо дѣн ѿ лѣтѣнѣ съсѣца съсѣишѣ. Известны следующие списки второго перевода: Хил (281v–282v); F.I.829 [13; № 69]; Рыл (46б–48б).

¹⁹ Перевод, наверное, подвергнулся незначительному редактированию или сверялся по другому греческому образцу, но возможно, что вставка является внутренней глоссой. В F.215 и Кар словосочетанию τὸ θεῖον λόγιον соответствует мѣдро слово, а в Тр9 – мѣдрѣслово.

²⁰ Славянский перевод Слова сохранился в списках XI–XVI веков [5; № 522]. Архаический перевод содержится в Супр (слово № 35; 395:22–405:1), Усп (197б–201), F.215 (38б–389), Тр9 (45б–50б), Волоколамский 431 (116б–120б), F.I.895 (490–493б), Егоров 833 (19–23б), Кар (408б–412б). Во всех списках архаического перевода инципит одинаковый.

²¹ Второй перевод представлен в списках Хил (192б–193б) и Рыл (68б–71б).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барсов Е. В. Описание рукописей и книг, хранящихся в Выголексинской библиотеке. СПб., 1874. 85 с.
2. Богданович Д. Каталог кириллических рукописей монастыря Хиландара. Београд, 1978. 324 с.
3. Димитрова М. Ягичев Златоуст. Средновековен български паметник със слова и поуczenia от началото на XIV век. София, 2011. 340 с.
4. Иванова-Мирчева Д., Икономова Ж. Хомилията на Епифаний за слизането в ада. София, 1975. 214 с.
5. Иоанн Златоуст в древнерусской и южнославянской письменности XI–XVI веков. Каталог гомилий / Сост. Е. Э. Гранстрем, О. В. Творогов, А. Валевинос. СПб, 1998. 212 с.
6. Клепиков С. А. Филиграния и штампы на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. М., 1959. 306 с.
7. Лавров П. А. Второе издание кодекса Glagolita Clozianus // Древности. Труды Славянской комиссии Московского Археологического общества. М., 1895. Т. 1. С. 250–254.
8. Левшина Ж. Л. «Болгаризированное» письмо русского книжника первой половины XV века Серапиона и Второе южнославянское влияние // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2013. Вып. 16. С. 3–50.
9. Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Ч. 3. 636 с.
10. Мирчева Е. Германов сборник от 1358/1359 г. Изследване и издание на текста. София, 2006. 846 с.
11. Описание рукописей, старопечатных, редких и ценных изданий в Национальном историческом музее. София, НИМ, 2013. Т. 1: Велинова В., Вутова Н. Славянские рукописи, кириллические печатные книги и периодические издания. 455 с.
12. Памятники книжной старины Русского Севера: коллекции рукописей XV–XX веков в государственных хранилищах Республики Карелия / Сост. и отв. ред. А. В. Пигин. СПб., 2010. 608 с.
13. Славянские рукописи болгарского происхождения в Российской национальной библиотеке — Санкт-Петербург / Сост. Б. Христова, В. Загребин, Г. Енин, Е. Шварц. София, 2009. 536 с.
14. Спасова М. Неизвестен славянски превод на правило ѓ и ѿ от Посланието на Дионисий Александрийски // Старобългаристика. 2012. № 4. С. 73–95.
15. Спасова М. Славянский перевод Слова на Великую пятницу Афанасия Александрийского в книжной практике южных и восточных славян // Славянское и балканское языкознание. Палеославистика: слово и текст. М., 2012. С. 175–201.
16. Спространов Е. Описание рукописей в библиотеке при Рилском монастыре. София, 1902. 136 с.
17. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. 2-е изд., стереотип. М., 1999. 842 с.
18. Супрасльски или Ретков сборник в два тома. Заимов Й. Увод и коментар на старобългарския текст. Капалдо М. Подбор и коментар на гръцкия текст. София, 1982. Т. 1. 563 с.; 1983. Т. 2. 602 с.
19. Успенский сборник XII–XIII вв. / Издание подготовили О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971. 754 с.
20. Цейтлин Р. М. Лексика старославянского языка. Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X–XI вв. М., 1977. 336 с.
21. Юхименко Е. М. Неизвестный выговский писатель XVIII в. Василий Данилов Шапошников и «Сказание о преставлении Симеона Дионисиевича» // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 1993. Т. 46. С. 441–452.
22. Aldama J. A. de. Repertorium pseudo-chrisostomicum. Paris, 1965. 239 с.
23. Dostál A. Clozianus: Codex palaeoslovenicus glagoliticus – Staroslověnský hlaholský sborník tridentský i innsbrucký. Praha, 1959. 401 s.
24. Gerard M. Clavis Patrum graecorum. Brepols; Turnhout, 1974–1983.
25. Huťanova J. Lexika starých slovanských rukopisov. Bratislava, 1998. 140 s.
26. Migne J.-P. Patrologiae cursus completus (series Graeca). T. 1–166. Paris, 1850–1887.
27. Mihanović Homiliar / Ed. R. Aitzetmüller. Graz, 1957. 234 v.
28. Piccard G. Die Ochsenkopf-Wasserzeichen. Stuttgart, 1966. T. 1–3.
29. Piccard G. Wasserzeichen Buchstabe P. Stuttgart, 1977. T. 1–4.
30. Slovník jazyka staroslověnského. Lexicon linguae palaeoslovenicae. Словарь старославянского языка. Репринтное издание. СПб., 2006. Т. 1–4.
31. Čertorická T. V. Vorläufiger Katalog kirchenslavischer Homilien des beweglichen Jahreszyklus: aus Handschriften des 11.–16. Jahrhunderts vorwiegend ostslavischer Provenienz / Unter der Redaktion von H. Miklas. Opladen, 1994. (Aphandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften; Bd. 91.) 796 s.

Spasova M. A., St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Turnovo (Veliko Turnovo, Bulgaria)

Pigin A. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

**END OF XV AND BEGINNING OF XVI CENTURY FESTAL HOMILIARY (TORZHESTVENNIK)
FROM NATIONAL ARCHIVE OF KARELIAN REPUBLIC**

Manuscript № 30 (27), Festal Homiliary (*Torzhestvennik*), from the National Archive of Karelian Republic contains the main archaic body of Slavic translations of homilies from the Triodioncalendar cycle, which are part of the Codex Suprasliensis and of the Glagolita Glocianus of the XI century. The fact that the codex also contains late medieval translations and original texts is of interest as well. The article examines the question of whether or not the Slavic copies from the XIV–XVI century are reliable sources for the study of the body of texts of the early Slavic translations. It defends the thesis that the manuscripts should be studied not only as a type of codex, content, and structure, but that every part of the manuscript needs to be examined individually and in depth. The text should be compared with the early as well as with the late copies of the same homily in the literary practice of the Southern and Eastern Slavs. The language criteria should be chosen as the main basis for classification. The Russian men of letters copied the texts in a disciplined manner. That is why the texts are viewed as a reliable source for the research of the codex of early Slavic translations.

Key words: Festal Homiliary, homily, early Slavonic translations, textual criticism, archeography

REFERENCES

1. Varsov E. V. *Opisanie rukopisey i knig, khraryashchikhsya v Vygoleksinskoj biblioteke* [The Description of Manuscripts and Books Stored in the Vygoleksinsky Library]. St. Petersburg, 1874. 85 p.
2. Богданович Д. Каталог кирилских рукописей монастыря Хиландара. Београд, 1978. 324 p.
3. Димитрова М. Ягичев Златоуст. Средновековен български паметник със слова и поучения от началото на XIV век. София, 2011. 240 p.
4. Иванова-Мирчева Д., Икономова Ж. Хомилията на Епифаний за слизането в ада. София, 1975. 214 с. 214 p.
5. *Ioann Zlatoust v drevnerusskoy i yuzhnoslavianskoy pis'mennosti XI–XVI vekov. Katalog gomilii* [John Chrysostom in ancient Russian and South Slavic Literature of the XI–XVI centuries. The Catalog of homilies] / Sost. E. E. Granstrem, O. V. Tvorogov, A. Valevichyus. St. Petersburg, 1998. 212 p.
6. Клепиков С. А. *Filigrani i shtempeli na bumage russkogo i inostrannogo proizvodstva XVII–XX vv.* [Watermarks and stamps on paper of the Russian and foreign production of the XVII–XX centuries]. Moscow, 1959. 306 p.
7. Лавров П. А. The Second Edition of the Codex 'Glagolita Clozianus' [Vtoroe izdanie kodeksa Glagolita Clozianus]. *Drevnosti. Trudy Slavyanskoy komissii Moskovskogo Arkheologicheskogo obshchestva* [Antiquity. Proceedings of the Slavonic Committee of the Moscow Archeological society]. Moscow, 1895. Vol. 1. P. 250–254.
8. Левшина Ж. Л. «Bulgarize» handwriting of the Russian scribe of the first half of the XV century, Serapion and the Second South Slavic influence [“Bulgarizirovannoe” pis'mo russkogo knizhnika pervoy poloviny XV veka Serapiona i Vtoroe yuzhnoslavianskoe vliyanie]. *Ocherki feodal'noy Rossii* [Essays of the feudal Russia]. Moscow; St. Petersburg, 2013. Vol. 16. P. 3–50.
9. Лихачев Н. П. *Paleograficheskoe znachenie bumazhnykh vodyanykh znakov* [The paleographic value of paper watermarks]. St. Petersburg, 1899. Vol. 3. 636 p.
10. Мирчева Е. Германов сборник от 1358/1359 г. Изследване и издание на текста. София, 2006. 846 p.
11. Опис на ръкописите, старопечатните, редките и ценните издания в Националния исторически музей. София, НИМ, 2013. Т. 1: Велинова В., Вутова Н. Славянски ръкописи, кирилски печатни книги и периодични издания. 455 p.
12. *Pamyatniki knizhnoy stariny Russkogo Severa: kolleksii rukopisey XV–XX vekov v gosudarstvennykh khranilishchakh Respubliki Kareliya* [The ancient book monuments of the Russian North: the collections of manuscripts of the XV–XX centuries in public repositories of the Republic of Karelia] / Sostavitel' i otvetstvennyy redaktor A. V. Pigin. St. Petersburg, 2010. 608 p.
13. *Slavyanskije rukopisi bolgarskogo proiskhozhdeniya v Rossiyskoy natsional'noy biblioteke – Sanki-Peterburg* [The Slavic manuscripts of Bulgarian origin in the Russian national library – St. Petersburg] / Sostaviteli B. Khristova, V. Zagrebin, G. Enin, E. Shvarts. Sophia, 2009. 536 p.
14. Спасова М. Неизвестен славянски превод на правило \bar{a} и \bar{b} от Посланието на Дионисий Александрийски // Старобългаристика. 2012. № 4. P. 73–95.
15. Спасова М. The Slavonic translation of the Homilia on Great Friday by Athanasius of Alexandria in book practice of Southern and Eastern Slavs [Slavyanskiy perevod Slova na Velikuyu pyatnitsu Afanasiya Aleksandriyskogo v knizhnoy praktike yuzhnykh i vostochnykh slavyan]. *Slavyanskoe i balkanskoe yazykoznanie. Paleoslavistika: slovo i tekst* [Slavic and Balkan linguistics. Slavonic studies: the word and the text]. Moscow, 2012. P. 175–201.
16. Спространов Е. Опис на ръкописите в библиотеката при Рилския манастир. София, 1902. 136 с. 136 p.
17. *Staroslavianskiy slovar' (po rukopisyam X–XI vekov)* [Dictionary of the old Slavonic language (based on the manuscripts of the X–XI centuries)] / Pod red. R. M. Tseytlin, R. Vecherki i E. Blagovoy. 2-e izd., stereotip. Moscow, 1999. 842 p.
18. Супрасълски или Ретков сборник в два тома. Заимов Й. Увод и коментар на старобългарския текст. Капалдо М. Подбор и коментар на гръцкия текст. София, 1982. Vol. 1. 563 p. Vol. 2. 602 p.
19. *Uspenskiy sbornik XII–XIII vv.* [The Uspensky codex of the XII–XIII centuries] / Izdanie podgotovili O. A. Knyazevskaya, V. G. Dem'yanov, M. V. Lyapon. Moscow, 1971. 754 p.
20. Tseytlin R. M. *Leksika staroslavianskogo yazyka. Opyt analiza motivirovannykh slov po dannym drevnebolgarskikh rukopisey X–XI vv.* [The Vocabulary of old Slavonic language. Experience of the analysis of the motivated words according to the old Bulgarian manuscripts of the X–XI centuries]. Moscow, 1977. 336 p.
21. Yukhimenko E. M. The unknown writer of the 18th century Vasily Danilov Shaposhnikov of Vyg and «The story of the death of Simeon Dionisievich» [Neizvestnyy vygovskiy pisatel' XVIII v. Vasily Danilov Shaposhnikov i “Skazanie o prestavlenii Simeona Dionis'evicha”]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of old Russian literature]. St. Petersburg, 1993. Vol. 46. P. 441–452.
22. Aldama J. A. de. Repertorium pseudo-chrisostomicum. Paris, 1965. 239 c.
23. Dostál A. Clozianus: Codex palaeoslovenicus glagoliticus – Staroslověnský hlholský sborník tridentský i innsbruský. Praha, 1959. 401 s.
24. Geerard M. *Clavis Patrum graecorum*. Brepols; Turnhout, 1974–1983.
25. Huťanová J. *Lexika starých slovanských rukopisov*. Bratislava, 1998. 140 s.
26. Migne J.-P. *Patrologiae cursus completus (series Graeca)*. T. 1–166. Paris, 1850–1887.
27. Mihanović Homiliar / Ed. R. Aitzetmüller. Graz, 1957. 234 v.
28. Piccard G. *Die Ochsenkopf-Wasserzeichen*. Stuttgart, 1966. T. 1–3.
29. Piccard G. *Wasserzeichen Buchstabe P*. Stuttgart, 1977. T. 1–4.
30. *Slovník jazyka staroslověnského. Lexicon linguae palaeoslovenicae*. Словарь старославянского языка. Репринтное издание. СПб., 2006. Т. 1–4.
31. Čertorická J. T. V. *Vorläufiger Katalog kirchenslavischer Homilien des beweglichen Jahreszyklus: aus Handschriften des 11.–16. Jahrhunderts vorwiegend ostslavischer Provenienz / Unter der Redaktion von H. Miklas*. Opladen, 1994. (Aphandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften; Bd. 91.) 796 s.

Поступила в редакцию 17.06.2014

ИРИНА ЛЕОНАРДОВНА САВКИНА

доктор философии, лектор отделения русского языка, культуры и перевода, Тамперский университет (Тампере, Финляндия)

*irina.savkina@uta.fi***ЮЛИЯ ВАЛЕНТИНОВНА БАХТИНА**

магистр отделения русского языка, культуры и перевода, Тамперский университет (Тампере, Финляндия)

bakhtina.yulia@kolumbus.fi

ЖИЗНЬ КАК ПУТЕШЕСТВИЕ: НАРРАТИВНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ ИНТЕРВЬЮ

Анализируется процесс культурно-этнической идентификации и способы конструирования нарративной идентичности через категории пространства и дислокации в свободном автобиографическом интервью репатриантки из России в Финляндию, записанном в 2009 году в рамках проекта «История переезда» кафедры русского языка, культуры и перевода Тамперского университета (Финляндия). Понимая идентичность и пространство в рамках методологической парадигмы культурных исследований и гуманитарной географии, авторы статьи стремятся продемонстрировать, каким образом через конструирование реально-воображаемых пространств в исследуемом автобиографическом нарративе обсуждаются, конструируются и трансформируются концепты «финскости», «русскости» и «ингерманландскости» в качестве ключевых аспектов этнокультурной самоидентификации респондентки. В статье утверждается, что автобиографический нарратив является и местом, и средством противоречивого и непрекращающегося процесса самоидентификации. Динамику движения во многом определяют перемещения и смещения. Место (топос), хронотоп являются одним из самых действенных инструментов конструирования себя в рассказе и через рассказ о себе.

Ключевые слова: идентичность, пространство, автобиографическое интервью, нарратив, хронотоп, нарративный анализ, миграция, дислокация

Метафора «жизнь как путешествие» существует уже сотни лет. Однако в контексте современных процессов глобализации и растущей человеческой мобильности это выражение, кажется, теряет свой метафорический характер.

Материалом анализа в данной статье является интервью, записанное в марте 2009 года¹ в рамках проекта кафедры русского языка, культуры и перевода Тамперского университета «История переезда», целью которого был сбор и анализ рассказов жителей бывших республик СССР, переехавших в Финляндию в течение 1992–2002 годов. Отвечая на вопрос интервьюера об обстоятельствах смены страны проживания, респондентка мотивирует свой переезд подробным рассказом о собственной жизни. Таким образом, объект анализа – свободное, полуструктурированное интервью [16], [25], большую часть которого составляет автобиографический нарратив.

Предметом нашего научного интереса будет процесс культурно-этнической идентификации, способы конструирования идентичности в ходе рассказа о себе и своей жизни [6], [7]. Понимая идентичность в рамках парадигмы Cultural Studies [5] как нестабильную, нецелостную, относительную, а идентификацию как никогда не завершающийся процесс конструирования [8], [9], [10], [11], мы вслед за Хьюяриненом [14], [15], [16] считаем, что одним из «мест», где этот процесс самоидентификации происходит, является рассказ о собственной жизни. В ходе повествования

автор не только фиксирует или называет свою принадлежность к определенной общности, но обсуждает ее, переоценивает и т. д. Находясь в постоянном внутреннем диалоге с самим собой (а в случае автобиографического интервью и в реальном диалоге с другим), автор-респондент переоценивает ранее сформированные идентичности в дрящемся и противоречивом процессе нарративной² самоидентификации.

Существуют различные способы анализа этого процесса. Один из естественных и возможных подходов связан с использованием категории пространства, места, которые понимаются как символические системы, участвующие в конструировании повествования [12; 17]. В рамках подходов, предлагаемых Cultural Studies и гуманитарной географией, пространство рассматривается не как геометрическое или географическое понятие, а как социокультурный конструкт, нагруженный символическими смыслами и значениями [18], [19]. Понимаемое так пространство активно исследуется в связи с изучением процессов глобализации и миграции [17], [20]. Географ и культуролог Г. Роуз рассматривает место и идентификацию как тесно связанные категории, указывая на различные варианты идентификации с местом и через место: принадлежность, отчуждение, неидентификация (то есть отсутствие самого процесса идентификации) [22; 92]. Безусловно полезным может быть и понятие

дислокации – перемещения из места одной физической привязанности в другое при сохранении эмоциональной привязанности к месту происхождения. На индивидуальном уровне опыт такого эмоционального и физического смещения, как замечает Дорис Месси, вызывает проблемы самоидентификации [19; 7]. При этом, как мы уже отмечали, представители гуманитарной географии говорят не только о реальной миграции, но и о символических процессах: Д. Валентайн пишет о том, что пространство и его границы так же воображаются человеком, как воображается принадлежность этого пространства кому-либо³, как конструируются понятия своего и чужого в процессе самоидентификации [27; 48–51]. В анализе текста автобиографического нарратива эти социологические и культурологические категории полезно и даже необходимо соединить с концепцией хронотопа М. Бахтина [1].

Конкретной задачей данной статьи будет проанализировать, как строится, «разыгрывается» нарративная идентичность в рассказе респондентки через конструирование значимых мест, хронотопов; через присвоение или отчуждение описываемых реально воображаемых (в терминах Эдварда Соджи [24; 11]) пространств.

Так как вопрос интервью был связан с историей переезда, то в центре рассказа оказывается проблема национальной или этнокультурной составляющей идентичности, в то время как гендерный, возрастной и прочие аспекты оказываются редуцированными.

Описывая предысторию переезда в Финляндию в 90-е годы, М. рассказывает о своей жизни, которая выстраивается в рассказе как путешествие, как иногда добровольное, а чаще вынужденное перемещение в пространстве: финская (ингерманландская) деревня под Ленинградом – жизнь в западной Финляндии во время Второй мировой войны – репатриация в СССР (в Рыбинск) – бегство в Эстонию – ссылка в Сибирь – переезд в Эстонию – учеба в Петрозаводске – работа в Москве – выезд с мужем в арабские страны – новая работа в Москве – переезд в Финляндию.

Отвечая на предложение интервьюера рассказать об истории и предыстории переезда в Финляндию, респондентка начинает свое повествование словами: «Ну, я хочу сказать, что я с Финляндией связана очень давно, почти всю жизнь. Во-первых, я воспитывалась в финской семье, родители у меня ингерманландцы, и родилась я под Петербургом», – тем самым сразу обозначая три ключевых для своей культурно-этнической самоидентификации темы: финскость, ингерманландскость и русскость⁴.

Первый хронотоп, конструируемый в нарративе, это детство, родной дом, родная деревня, где все говорили по-фински, ходили в лютеранскую церковь, и многие, в том числе и ее родители, носили фамилию, произведенную от финско-

го названия деревни. Принадлежность к этому миру по рождению четко маркирует финскую идентичность, которая строится за счет отличия от «иной», в данном случае русской, а та, в свою очередь, существует за счет отличия от финской и ее опровержения [9; 89], [11; 2] («...ни русской культуре, ни языку не было доступа вот в эти районы»). Мир детства – замкнутый и защищенный от других финский мир. На вопрос интервьюера: «Почему вы сказали, что в финской семье, то есть вы не с родителями жили в детстве? Или это ингерманландцы были?» М. отвечает: «Ингерманландцы да. Они чувствовали себя финнами» – и поясняет, что слово «Ингерманландия» она узнала в 70-е годы и только тогда стала определять себя как ингерманландку, интересоваться этой проблемой и участвовать в съездах ингерманландцев, обсуждавших идею автономии. «Ну потом это все, когда Финляндия стала принимать широким потоком в Финляндию⁵, то все это заглохло на корню». Таким образом, ингерманландскость, о которой М. не раз будет говорить в своем рассказе, не связана с «чувством места» [22; 88] и не является для нее лично пережитым опытом. Это сконструированная на абстрактном метауровне самоидентификация, которая накладывается на изначальное, сформированное с детства отождествление себя с финнами и перекодирует, «переназывает» сформированную идентичность, в определенном смысле трансформируя ее.

Если вернуться к рассказу о детстве, то родной дом, финское «гнездо» – это, конечно, воображаемое пространство, которое описывается как пространство света, любви, защищенности, как нечто, похожее на райский сад, откуда автора изгнали уже в раннем детстве («все такое солнечное, все такое красивое, огромный сад, спелые фрукты»). Воображаемое пространство родины, потерянного рая, идеального дома связывается с концептом «финского», однако следующий эпизод – перемещение собственно в Финляндию – осложняет тему финской идентичности, так как переезд описывается как травматический опыт, и отношение с новым, финским пространством выстраивается через парадигму отчуждения. «Вот фильтрационный лагерь я помню, женщин... в белом. <...> Как-то я помню, что меня вот сюда в грудь укололи в этом лагере. И мне было жутко больно, вот эту боль я потом долго чувствовала». Второе подробно рассказанное воспоминание – это пожар и «страшная суматоха» на теплоходе. Но М. также упоминает вкусный клюквенный кисель. «Вот этот запах клюквенного киселя преследует меня всю жизнь, даже сейчас, если я иду зимним морозным днем по улице, и мимо меня проходит какая-нибудь очень чистая женщина финская, вот надушена каким-то легким-легким ароматом, и вот на меня пахнет вот этим киселем...». Попытка интервьюера трактовать последний

комментарий как знак позитивного отождествления, телесной близости с Финляндией резко отклоняется: «И.: Это как бы запах Финляндии, получается такой первый?» М.: «Нет, нет, нет, я не могу сказать, что это Финляндия. Это какой-то вот так пронизывающий запах из детства остался у меня».

С новым финским миром ассоциируется боль и страх. И локусы, места, которые вспоминаются, тоже несут признаки чужого, экзотического и враждебного: дом злой хозяйки, где спали на полу, пожар, в котором обвинили отца, и потому «хозяин нас выгнал, и мы оказались в таком старом, старом доме. Там было холодно, там было столько тараканов, жутко много... я только помню вот этот серый дом и эти тараканы». Финны в этой нарративизации детских воспоминаний называются *они*, себя она определяет как чужака во враждебном мире.

Перелом в отношении к Финляндии начинается с обретения собственного жилья и друзей. Но процесс доместикации, присвоения места и его идентичности тут же прерывается, и снова возникает тема изгнания, так как Советский Союз требует вернуть репатриированных советских финнов, и семья уезжает назад в СССР. «Сначала мы ехали очень комфортабельно в финских поездах... за окном мелькали... вот эти финские яблоны, с которых не снимали яблок, да вот эти красные яблоки и красные станционные домики, вот они у меня так и остались в памяти. А когда нас до Выборга довели, оттуда нас в товарняки посадили в товарные. Как сельди в бочке всех затолкали туда, вот. И мы долго-долго ехали, и давали нам какие-то плавленые сырки, порченые. И вот этот запах плавленых сырков у меня на всю жизнь остался. В России все любили очень плавленые сырки, – я их видеть не могла, вот с детства осталось». Здесь видно, что Финляндия переосмыляется, она уже часть «родины» детства, райского сада, а Россия и *все* русские, любящие сырки, – это *они*, другие, предмет противопоставления.

Хронотоп изгнания конструируется через перечень локусов – это всегда чужие дома, часто со злыми, враждебными хозяевами, это странные, нежилые, почти нечеловеческие места. В Ярославле жили у старушки, укравшей ящик с вещами для новорожденной девочки, а дети играли в прятки в сарае при больнице, где лежали кучами голые мертвецы. В Сибири их поселили в деревне поволжских немцев, где «никто, никогда, никому не откроет дверь и не поможет», и они жили в избе, сделанной из навоза, смешанного с соломой и глиной, на полу которой за ночь вырастали гигантские грибы. После смерти матери в съемном углу, «когда... ложились спать, у нас ноги с ней, с моей сестрой, были все черные от блох. И мы вот так руками их, их вот так выгребем и в постель». В Эстонии, куда рассказчица-подросток перебралась к

тетке, жили в доме с двойными стенами, за которыми прятались «лесные братья». Училась в петрозаводском училище, М. жила в немецком бараке с огромными щелями, где ночью замерзали чернила в чернильницах.

Без навязывающих вопросов интервьюера М. не говорит о национальных проблемах, о том, что к ним относились как к чужим, иноязычным, но мир СССР или России выстраивается как пространство, где им нет места, где они на временном постое у враждебных людей. Бездомье становится в нарративе клеймом инаковости (финскости); через конструкции места, через хронотопы происходит процесс нарративной стигматизации. Однако повествование все же не так последовательно, как может показаться из вышесказанного: автобиографический нарратив на самом деле полон противоречий, которые и являются ключевыми пунктами, «узловыми станциями» динамичной, «движущейся» самоидентификации. Наряду с сюжетом неукорененности, утраченной и «недоприобретенной» родины, в повествовании присутствует и тема «дома», связанная с концептом «русскости», в этом контексте оцениваемой очень позитивно.

Своим местом в чужом пространстве в нарративе является *школа*, которая становится своего рода суррогатным домом в мире бездомья. Уже в рассказе о первом переезде в Финляндию начавшаяся «хорошая финская жизнь» связывается не только с собственной большой комнатой, но и со школой. «И мы с этой подружкой ходили в финскую школу, но мы там не учились, а... мы ходили туда есть. В Финляндии во время войны детей кормили в школе». Школа – это место, где кормят, где хорошо и где есть друзья, свои. Затем тема школы возникает в рассказе о скитаниях в изгнании. Первая попытка пойти в школу в Рыбинске заканчивается неудачей («Дело в том, что по-русски я еще очень плохо говорила, и учительница, господи, может, у нее на фронте кто-нибудь погиб, она так ненавидела меня»), зато воспоминания о школе в Сибири и учительнице, которую она помнит по имени-отчеству, – очень теплые. «...Поскольку... я читала лучше всех... она давала мне книгу, ставила перед классом, и говорит: “М., читай!” И вот, я читала, все слушали, слушали. Всегда на русском, да. Да, да, вот в Рыбинске я пошла в русскую школу, потом мы приехали в Тарту, и я опять пошла в русскую школу, и в Сибири, всю жизнь я училась в русской школе. Финский язык я учила как предмет только в педучилище». Автор очень подробно описывает училище, учебу в университете, свою дальнейшую работу педагогом. Она уверенно и с гордостью идентифицирует себя профессионально. «Директор всегда говорил, что вы прирожденный педагог, вот, прирожденный. Мне и муж всегда говорил – училка пришла, вот, и дочь моя... говорит – ты учительница». И даже первая квартира, с получением которой в рас-

сказе заканчивается этап изгнания и начинается рассказ о признании и самореализации, как подчеркивает автор, находилась «в преподавательском доме».

Школа – это *свое* пространство, место, где респондентка принята, одобрена и успешна, и это признание связано с русским языком и русской культурой. Идея образованности, интеллектуальной состоятельности – важная часть идентичности. Рассказывая о своих родных, респондентка, с одной стороны, говорит о них как о простых, малограмотных, простодушных финнах, а с другой, противореча самой себе, подчеркивает, что один дядя преподавал в институте, тетя, плохо говорившая по-русски, тем не менее «выписывала и читала все книги и газеты», в их с мужем доме была огромная библиотека и т. п.

Школа – значимое место нарратива, пространство позитивной самоидентификации. Как *финка* рассказчица *другая, чужая*; самоопределение осуществляется через травматический опыт отторжения, борьбы и выживания, но как способный, интеллектуальный человек она *своя*, она человек *той же (русской)*, а не *иной* культуры. «Укоренившись» в России, которая прежде всего конструируется как место культуры⁶, М. переживает период успеха и самореализации, когда ее финскость становится не клеймом, стигмой, а наоборот – ресурсом успешности.

Рассказ М. о временах оттепели строит воображаемое пространство почти лишенного проблем и противоречий общества. Она свободно общается со своими родственниками и знакомыми, живущими в Финляндии, один из которых упрощает ее переехать к нему. Но, как смеясь комментирует респондентка, «я такая советская женщина была, что я подумала, что я там буду делать. У меня интересная работа, я работу свою любила». Она работала в «Международной школе»⁷, про которую говорит так: «Это было вот настоящее такое, знаете, демократическое. И кто вспоминает там какие-то гонения против... Ничего не было. Ничего подобного. Ни на евреев там, на финнов, на инородцев у нас не было. У нас была такая очень дружная компания, международная компания». Позднесоветское общество описывается как место, где быть другим – символический капитал. Об этом респондентка толкует своей дочери, которая чувствует себя русской и не хочет изучать финский язык: «Я внушала ей, что... ты должна язык знать, хотя бы из меркантильных целей».

Последний перелом, последнее перемещение – это переезд в Финляндию, который описывается как дислокация в терминах Месса [19; 7]. По выражению М., она приехала в Финляндию «неправильно» – не по программе реиммиграции соотечественников⁸, а вслед за дочерью, которая, поработав в Финляндии, поступила в финский университет. «Да, я приехала к дочери, поэтому мне ни квартиры, ничего не дали,

ни пособия. Наоборот, последнее отобрали». Вернувшись в страну своих предков, респондентка снова оказалась в ситуации *чужого* и «приживала», человека, живущего на съемной квартире. Ее главный ресурс – культурность, образованность, профессионализм, связанный с русской культурой, оказался не востребован и даже подозрителен. Она с обидой отмечает, что бывшие студенты Международной школы, которые радостно общались с ней во время прежних ее кратковременных приездов в Финляндию, теперь от нее отвернулись, как и другие финны. «И вдруг я оказалась здесь, у всех стеклянные глаза, все смотрят, никто со мной не разговаривает». На вопрос интервьюера: «Хотя вы говорили с ними по-фински?» М. отвечает: «А это все равно чувствуется... люди они говорят: “Ты как-то странно по-фински говоришь, ты что не финка”, они мне говорили – ты что не финка? Строй мысли остался вот этот русский... я... темы выбираю такие, которые финны не любят при первой встрече выбирать. <...> Я себя очень неуютно чувствую... легче тем, кто чувствовал себя или чистым ингерманландцем, или чистым русским. А у меня произошло такое, такое раздвоение, раздвоение личности». Респондентка говорит о том, что ей трудно определить, кто она, на каком языке она думает, но в Финляндии она чувствует себя комфортно, потому что постоянно испытывает чувство вины: «...практически тяжело, потому что я чувствую отношение людей, что они меня воспринимали, что я приехала за какой-то сытой жизнью сюда... Совесть неспокойна, и поэтому я хотела работать, я думала, что с моим опытом, что у меня даже связи какие-то есть, что я обязательно устроюсь на работу». Ожидания не оправдались, и М. ощущает болезненное чувство дислокации, и на прямой вопрос: «Вы когда приехали в Финляндию, чувствовали, что вы приехали на родину?» отвечает: «Нет, я вообще, я была в такой растерянности, что я заболела. Я заболела». В последней части интервью позиция автора наиболее противоречива: она хвалит Финляндию, но описывает свой опыт переезда как крайне тяжелый; она критикует Россию, но подчеркивает свою принадлежность к русской культуре. Она неожиданно актуализирует ингерманландскую составляющую идентичности, вспоминает о вине Финляндии перед ингерманландцами и говорит о том, что приглашение возвращаться было продиктовано прагматическими соображениями («они не столько долг выплачивали, сколько надо было привлечь новую рабочую силу») и что даже те ингерманландские дети, которые воспитывались после войны в финских семьях, до конца не финизировались («все равно вот клеймо, что он чужак, что он ингерманландец, вот у них осталось»). Этнокультурная идентичность, которую автор пытается здесь непосредственно обсуждать, рефлексировать, все время перекодируется,

переопределяется; окончательного вывода, ответа на вопрос «Кто я?» дать невозможно, каждое изменение темы или контекста создает новый поворот в этом непрерывно длящемся процессе нарративной самоидентификации. В конце рассказа автор несколько раз повторяет, что ей все же нравится жить в Финляндии: «Ну я такая вот ближе к природе вот, животных люблю, летом я целыми днями провожу в лесу. <...> Поэтому мне Финляндия очень нравится. И мне кажется, что для пожилых людей она идеальная». Описание жизни как путешествия, начавшегося в райском саду воображаемого мира родины-детства, приводит к воображаемому пространству чудесного леса – идеальной родины.

Конечно, анализ одного интервью – это только Case study, не позволяющее сделать универсальных обобщений. Очевидно, что на автобиографический нарратив влияет огромное число

обуславливающих факторов. Можно задаться вопросами: как изменилась бы история жизни, если бы она была не рассказана, а написана? Если бы отсутствовал интервьюер-собеседник? Если бы интервьюер был другого пола или возраста? Если бы интервьюер сама не имела опыта переезда? Каким получился бы автотекст, если бы интервью давалось по-фински, финскому исследователю, в рамках другого проекта? Число подобных вопросов можно умножить.

Но тем не менее проведенный анализ позволяет сказать, что автобиографический нарратив является средством и полем противоречивого и непрекращающегося процесса самоидентификации. Динамику движения во многом определяют перемещения и смещения; место (топос, хронотоп) является одним из самых действенных инструментов конструирования себя в рассказе и через рассказ о себе.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Интервью записано 16 марта 2009 года И. Л. Савкиной. Респондентка дала письменное разрешение на использование текста данного интервью в научных целях. Текст интервью цитируется по записи, имеющейся в распоряжении авторов, без дополнительных сносок. Респондентка обозначается инициалом М., интервьюер – инициалом И.
- ² О нашем понимании форм и функций нарратива и способов нарративной самоидентификации см.: [4], [6], [7].
- ³ Здесь существенно важным является и понятие «воображаемого сообщества», предложенное Б. Андерсеном [3].
- ⁴ Заметим, что она говорит о Петербурге, хотя в 1938 году, о котором идет речь, город назывался Ленинградом.
- ⁵ Об ингерманландцах и их реэмиграции в Финляндию в конце XX – начале XXI века см.: [2], [13], [21], [26].
- ⁶ Именно поэтому, как нам кажется, респондентка почти всегда говорит о России и русском, а не о Советском Союзе и советском, исключая момент, приведенный ниже, когда она мотивирует свой отказ выйти замуж и уехать в Финляндию тем, что она была «такая советская женщина».
- ⁷ Вероятно, Высшая комсомольская школа при ЦК ВЛКСМ.
- ⁸ В 1990 году президент М. Койвисто объявил о принятии нового закона о выдаче проживающим на территории бывшего СССР ингерманландским финнам вида на жительство, способствуя, таким образом, их возвращению в Финляндию. Приезжающие по этому закону репатрианты получали специальную социальную поддержку со стороны государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худ. лит., 1975.
2. Давыдова О. Репатрианты у ворот Финляндии – в поисках «правильной» идентичности // Россия и Финляндия в диаспоральном контексте / Науч. ред. Н. П. Космарская. М.: Еврейский университет, 2003. С. 66–98.
3. Anderson B. Imagined communities. Third edition. London: Verso, 2006. 256 p.
4. Bal M. Narratology: introduction to the theory of narrative. Toronto: University of Toronto Press, 2009. 264 p.
5. Barker C. Cultural Studies: Theory and Practice. London: Sage, 2003. 484 p.
6. Bruner J. Life as Narrative. *Social research*. 2004. Vol. 71. № 3. P. 691–710.
7. Chamberlain M. and Thompson P. Introduction: Genre and Narrative in Life Stories. *Narrative and Genre* / Ed. by M. Chamberlain and P. Thompson. London; New York: Routledge, 1998. P. 1–22.
8. Erikson E. H. Identity: Youth and Crisis. New York: Norton, 1994. 336 p.
9. Grossberg L. Identity and Cultural Studies – Is That All There Is? *Questions of Cultural Identity* / Ed. by S. Hall and P. Du Guy. London: Sage Publications, 1996. P. 87–107.
10. Hall S. Identiteetti. Suom. ja toim. M. Lehtonen ja J. Herkman. Tampere: Vastapaino, 1999. 285 p.
11. Hall S. Introduction: Who needs Identity? *Questions of Cultural Identity* / Ed. by S. Hall and P. Du Guy. London: Sage Publications, 1996. P. 1–17.
12. Herman D. Exploring the Nexus of Narrative and Mind. *Narrative Theory: Core Concepts and Critical Debates* / Ed. by D. Herman et al. Columbus: The Ohio State University Press, 2012. P. 14–19.
13. Heikkilä Elli and Peltonen Selene. *Immigrants and Integration in Finland*. Siirtolaisuusinstituutti. Turku, 2002. Available at: http://www.migrationinstitute.fi/articles/069_Heikkila-Peltonen.pdf
14. Hyvärinen M. 2006. *Kerronnallinen tutkimus*.
15. Hyvärinen M. Haastattelukertomuksen Analyysi. *Haastattelun Analyysi*. Toim. J. Ruusuvoori, P. Nikander ja M. Hyvärinen. T., Vastapaino, 2011. P. 90–118.
16. Hyvärinen M. ja Löyttyniemi V. Kerronnallinen haastattelu. *Haastattelu: tutkimus, tilanteet ja vuorovaikutus*. Toim. J. Ruusuvoori ja L. Tiittula. Tampere: Vastapaino, 2005. P. 189–222.
17. King R. Migrations, globalization and place. *A place in the World* / Ed. by D. Massey and P. Jess. Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 6–44.
18. Lefebvre H. The Production of Space. Oxford: Blackwell Publishing, 1991. 464 p.
19. Massey D. The conceptualization of place. *A place in the World* / Ed. by D. Massey and P. Jess. Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 46–85.
20. Massey Doreen and Jess Pat. Introduction. *A place in the World* / Ed. by D. Massey and P. Jess. Oxford: Oxford University Press. 1995. P. 1–4.
21. Räninen-Siiskonen T. Vieraana omalla maalla: tutkimus karjalaisen siirtoväen muistelukerronnasta. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1999. 387 p.

22. Rose G. Place and Identity: a sense of place. *A place in the World* / Ed. D. Massey and P. Jess. Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 88–132.
23. Ruusu vuori Johanna ja Tiittula Liisa. Tutkimushaastattelu ja vuorovaikutus. *Haastattelu: tutkimus, tilanteet ja vuorovaikutus*. Toim. J. Ruusu vuori ja L. Tiittula Tampere, Vastapaino, 2005. P. 22–56.
24. Soja E. Thirdspace: Journeys to Los Angeles and Other Real and Imagined Places. Oxford: Blackwell, 1996. 352 p.
25. Tiittula L. ja Ruusu vuori J. Johdanto. *Haastattelu: tutkimus, tilanteet ja vuorovaikutus*. Toim. J. Ruusu vuori ja L. Tiittula. Tampere, Vastapaino. 2005. P. 9–21.
26. Tuuli E. Inkeriläisten vaellus. Porvoo; Helsinki; Juva: Werner Söderström Oy, 1988. P. 13–53.
27. Valentine G. Imagined Geographies: Geographical Knowledges of Self and Other in Everyday life. *Human Geography Today* / Ed. by D. Massey, J. Allen and P. Sarre. Cambridge: Polity Press, 2007. P. 47–61.

Savkina I. L., University of Tampere (Tampere, Finland)
Bakhtina Yu. V., University of Tampere (Tampere, Finland)

LIFE AS JOURNEY: NARRATIVE SELF-IDENTIFICATION IN AUTOBIOGRAPHICAL INTERVIEW

This article studies a remigrant female narrative interview that was conducted within the project “A story of moving” implemented at the University of Tampere by the department of Russian Language, Culture and Translation. The main purpose of this research was to analyze the processes of ethno-cultural identification and the ways of narrative identity construction through categories of space and dislocation during the process of autobiographical interview. While examining the categories of identity and space within the framework of cultural studies and human geography, the authors tried to demonstrate how the remigrant woman’s “Finnishness”, “Russianness” or “Ingrianness” as the key aspects of ethno-cultural self-identification are produced, discussed, and transformed in the process of imagined spaces’ construction during the narrative interview. This article argues that the autobiographical narrative represents both a site and a tool of the contradictory and continuous self-identification process that is never completed. Migration and dislocations determine dynamics of the process. The location, topos, and chronotopes become one of the most operative tools for self construction in the process of storytelling through self-explanatory story.

Key words: identification, space, autobiographical interview, narrative, chronotope, narrative analysis, remigration, dislocation

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of Literature and Aesthetics]. Moscow, 1975.
2. Davydova O. Remigrants at the gates of Finland- in the quest for the “correct” identity [Repatriantyy u vorot Finlyandii – v poiskakh “pravil’noy” identichnosti]. *Rossiya i Finlyandiya v diasporal’nom kontekste* [Russia and Finland in the context of diaspora] / Ed. by N. P. Kosmarskaya. Moscow, Evreyskiy Universitet Publ., 2003. P. 66–98.
3. Anderson B. Imagined communities. Third edition. London: Verso, 2006. 256 p.
4. Bal M. Narratology: introduction to the theory of narrative. Toronto: University of Toronto Press, 2009. 264 p.
5. Barker C. Cultural Studies: Theory and Practice. London: Sage, 2003. 484 p.
6. Bruner J. Life as Narrative. *Social research*. 2004. Vol. 71. № 3. P. 691–710.
7. Chamberlain M. and Thompson P. Introduction: Genre and Narrative in Life Stories. *Narrative and Genre* / Ed. by M. Chamberlain and P. Thompson. London: New York: Routledge, 1998. P. 1–22.
8. Erikson E. H. Identity: Youth and Crisis. New York: Norton, 1994. 336 p.
9. Grossberg L. Identity and Cultural Studies – Is That All There Is? *Questions of Cultural Identity* / Ed. by S. Hall and P. Du Guy. London: Sage Publications, 1996. P. 87–107.
10. Hall S. *Identiteetti*. Suom. ja toim. M. Lehtonen ja J. Herkman. Tampere: Vastapaino, 1999. 285 p.
11. Hall S. Introduction: Who needs Identity? *Questions of Cultural Identity* / Ed. by S. Hall and P. Du Guy. London: Sage Publications, 1996. P. 1–17.
12. Herman D. Exploring the Nexus of Narrative and Mind. *Narrative Theory: Core Concepts and Critical Debates* / Ed. by D. Herman et al. Columbus: The Ohio State University Press, 2012. P. 14–19.
13. Heikkilä Elli and Peltonen Selene. *Immigrants and Integration in Finland*. Siirtolaisuusinstituutti. Turku, 2002. Available at: http://www.migrationinstitute.fi/articles/069_Heikkila-Peltonen.pdf
14. Hyvärinen M. 2006. *Kerronnallinen tutkimus*.
15. Hyvärinen M. Haastattelukertomuksen Analyysi. *Haastattelun Analyysi*. Toim. J. Ruusu vuori, P. Nikander ja M. Hyvärinen. T., Vastapaino, 2011. P. 90–118.
16. Hyvärinen M. ja Löyttyniemi V. Kerronnallinen haastattelu. *Haastattelu: tutkimus, tilanteet ja vuorovaikutus*. Toim. J. Ruusu vuori ja L. Tiittula. Tampere: Vastapaino, 2005. P. 189–222.
17. King R. Migrations, globalization and place. *A place in the World* / Ed. by D. Massey and P. Jess. Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 6–44.
18. Lefebvre H. The Production of Space. Oxford: Blackwell Publishing, 1991. 464 p.
19. Massey D. The conceptualization of place. *A place in the World* / Ed. by D. Massey and P. Jess. Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 46–85.
20. Massey Doreen and Jess Pat. Introduction. *A place in the World* / Ed. by D. Massey and P. Jess. Oxford: Oxford University Press. 1995. P. 1–4.
21. Raninen-Siiskonen T. Vieraana omalla maalla: tutkimus karjalaisen siirtoväen muistelukerronnasta. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1999. 387 p.
22. Rose G. Place and Identity: a sense of place. *A place in the World* / Ed. D. Massey and P. Jess. Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 88–132.
23. Ruusu vuori Johanna ja Tiittula Liisa. Tutkimushaastattelu ja vuorovaikutus. *Haastattelu: tutkimus, tilanteet ja vuorovaikutus*. Toim. J. Ruusu vuori ja L. Tiittula Tampere, Vastapaino, 2005. P. 22–56.
24. Soja E. Thirdspace: Journeys to Los Angeles and Other Real and Imagined Places. Oxford: Blackwell, 1996. 352 p.
25. Tiittula L. ja Ruusu vuori J. Johdanto. *Haastattelu: tutkimus, tilanteet ja vuorovaikutus*. Toim. J. Ruusu vuori ja L. Tiittula. Tampere, Vastapaino. 2005. P. 9–21.
26. Tuuli E. Inkeriläisten vaellus. Porvoo; Helsinki; Juva: Werner Söderström Oy, 1988. P. 13–53.
27. Valentine G. Imagined Geographies: Geographical Knowledges of Self and Other in Everyday life. *Human Geography Today* / Ed. by D. Massey, J. Allen and P. Sarre. Cambridge: Polity Press, 2007. P. 47–61.

Поступила в редакцию 06.05.2014

ЕВГЕНИЯ ПЕТРОВНА ЛИТИНСКАЯ

кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
litgenia@yandex.ru

ПЕРЕВОД ФРАЗЕОЛОГИИ РОМАНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕДНЫЕ ЛЮДИ» НА ГРЕЧЕСКИЙ ЯЗЫК

Анализируется перевод А. Сарандопулосом фразеологизмов романа Ф. М. Достоевского «Бедные люди» на греческий язык. Рассматривается проблема адекватности передачи идиоматических выражений (фразеологический эквивалент, аналог, калькирование, описательный перевод). На основе проведенного исследования сделан вывод об успешной, адекватной передаче переводчиком фразеологии романа русского классика на новогреческий язык.

Ключевые слова: Достоевский, фразеологизмы, теория перевода, новогреческий язык

Роль фразеологии в художественном тексте огромна [8]. Фразеологические единицы помогают создать яркие, живые образы повествования, раскрыть замысел произведения, передают стилистику автора [6]. Переводчик всегда сталкивается с проблемой выбора при работе с фразеологическими единицами [7]. По какому трансформационному пути он пойдет: подберет ли удачный эквивалент, аналог [3], или даст дословный перевод и калькирует фразеологизм одной языковой культуры в другую, или же только описательный перевод позволит донести ему смысл оригинального фразеологизма [1]?

Существует немало переводов произведений Ф. М. Достоевского на новогреческий язык. Есть среди них и слабые работы, которые можно считать скорее переделкой, есть же, напротив, удачные, выполненные профессионально и заслуживающие особого внимания. Здесь пойдет речь об особенностях перевыражения романа в письмах «Бедные люди» Ф. М. Достоевского на новогреческий язык Андреасом Сарандопулосом. В основу нашего критического очерка ложится семиотический подход, предложенный Н. К. Гарбовским, который рассматривает переводческие преобразования с точки зрения прагматики, семантики и синтаксиса [3; 389–506]. В рамках данной статьи мы ограничиваемся рассмотрением первого уровня преобразований – прагматического. Нас будет интересовать, как А. Сарандопулос осуществляет прагматически обусловленные преобразования при передаче идиоматических выражений.

Рассмотрим примеры работы переводчика с фразеологизмами.

У Достоевского: «так чего же тут было на Пегасе-то ездить?»¹ (в значении «быть окрыленным, счастливым») – греч. «και τι βγήκε από την ιδέα μου να καβαλήσω τον Πήγασο;»², букв. «и что вышло из затеи моей ездить на Пегасе?». Перед нами редкий случай межкультурной симметрии. Буквальный перевод фразеологического

сращения возможен благодаря общеизвестности античного образа Пегаса, крылатого коня бога Аполлона, который понятен и русскому, и греческому читателю.

У Достоевского: «А ведь случается же иногда заблудиться так человеку в собственных чувствах своих да занести околесную» – греч. «Τυχαίνει να πτερδευτεί καμιά φορά ο άνθρωπος μέσα στα ίδια του τα αισθήματα, και να ξεστράτισει λέγοντας άλλ' αντ' άλλων», букв. «Случается запутаться человеку иногда в своих чувствах и сбиться, говоря чепуху». Просторечный фразеологизм «занести околесную», «нести околесицу» имеет значение «говорить чепуху, вздор» переведен «λέγοντας άλλ' αντ' άλλων», букв. «говоря одно вместо другого, чепуху». Переводчик не подбирает эквивалентного образного оборота, а использует трансформационный прием описательного перевода.

У Достоевского: «седьмая вода на киселе» – греч. «από της συκιάς το γάλα», букв. «молоко из инжира». Переводчик на этот раз подбирает аналогичное образное выражение в греческом языке [8], имеющее подобное ироническое значение, указывающее на дальнейшее родство [4].

У Достоевского: «Я, Варенька, старый, неученый человек; смолоду не выучился, а теперь и в ум ничего не пойдет, коли снова учиться начинать» – греч. «Εγώ, Βάριενσκα, είμαι ένας γέρος κι ένας αγράμματος άνθρωπος: δε σπούδασα στα νιάτα μου, και τώρα, αν αρχίσω να μαθαίνω τίποτα, θα τα φортώσω στον κόκορα», букв. «Я, Варенька, старый и неграмотный человек, в молодости не учился, если начну изучать что-нибудь, то нагружу петуха». Греческий перевод интересен присутствием фразеологического оборота «θα τα φортώσω στον κόκορα», имеющего значение «переключать свои обязанности на другого» [9]. Так перифразой передано высказывание «а теперь и в ум ничего не пойдет, коли снова учиться начинать».

У Достоевского: «Вы не смотрите на то, что я такой тихонький, что, кажется, муха меня крылом перешибет» – греч. «Μη με βλέπετε τόσο ήσυχο ποταμάκι, πως και μια μύγα, ίσως, μπορεί να μου κάνει κακό», букв. «Не смотрите на меня как на тихую речушку, что и муха может быть сможет мне сделать зло». Переводчик использует описательный перевод с элементами дословного образного выражения «муха меня крылом перешибет», но компенсирует потерю присутствием в первой части предложения сравнения героя с тихой речушкой. В греческом языке есть поговорка «τα σιγανά ποτάμια/ποταμάκια να φοβάσαι», имеющая русский эквивалент «в тихом омуте черти водятся». Интересно присутствие в обоих выражениях лексемы со значением «воды»: ποτάμι – река, омут [9].

Иносказательное выражение «всё на тонкой ноге» в значении «прилично, негрубо» погречески передано «όλο ευγένεια», то есть «всё благородно».

У Достоевского: «Говорит, что я забыла ее хлеб-соль» – греч. «Λέει... πως ξέχασα τη φιλοξενία της», букв. «говорит, что я забыла ее гостеприимство (радушие)». Русская поговорка при буквальной передаче осталась бы непонятной греческому читателю, поэтому Сарандопулос вынужден передать ее значение описательно.

Выражение «кабалу стряпал» в значении «взводил напраслину» переводчик передает как «έβλαψα κάποιον», букв. «обидел кого-нибудь».

У Достоевского: «напишите всё... о вашем житье-бытье» – греч. «να μου τα γράψετε όλα... για την ζωή σας γενικά», букв. «напишите мне всё... о вашей жизни в целом». Разговорное выражение «житье-бытье» переведено описательно.

У Достоевского: «на нет и суда нет» – греч. «όλοι είναι ευχαριστημένοι από μένα», букв. «все довольны мной». При передаче русской поговорки в значении «отсутствие претензий, недовольства, даже если желание не может быть удовлетворено» вновь используется описательный перевод.

Как видим, наиболее продуктивным способом передачи фразеологии романа в письмах «Бедные люди» Ф. М. Достоевского в переводе Андреаса Сарандопулоса становится описательный перевод («занести околесную» – «λέγοντας άλλ' αντ' άλλων» и другие примеры), есть единичные случаи калькирования («на Пегасе-то ездить» – «να καβαλήσω τον Πήγασο») и фразеологического аналога («седьмая вода на киселе» – «από της συκιάς το γάλα»), а также используется оригинальный греческий оборот («θα τα φортώσω στον κόκορα»).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Текст романа «Бедные люди» Ф. М. Достоевского приводится по изданию: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Бедные люди. Повести и рассказы. 1846–1847. Л.: Наука, 1972. Т. 1. С. 13–108.

² Греческий текст романа приводится по изданию: Ντοστογιέφσκι Φ. Μ. Φτώχοι άνθρωποι. Μετ. Α. Σαραντόπουλος. Αθήνα: Εκδότικος οίκος Σ. Ι. Ζαχαρόπουλος & Σία Ο. Ε., 1990. 176 σ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альбрехт Ф. Б. Проблема определения и описания единиц зоны лексико-фразеологической переходности // Филологические науки. 2001. № 3. С. 66–73.
2. Байрамова Л. К. О некоторых дискуссионных проблемах фразеологической эквивалентности // Сопоставительная филология и полилингвизм. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 2010. С. 160–164.
3. Гарбовский Н. К. Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. 544 с.
4. Греческие пословицы и поговорки и их аналоги в русском языке / Сост. Т. В. Кокурина. М.: ЛКИ, 2008. 152 с.
5. Казакова Т. А. Художественный перевод. СПб.: Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права, 2002. 113 с.
6. Карабахцян Э. К., Григорян Е. О. Особенности способов и приемов перевода фразеологизмов различных языковых культур // Филология и лингвистика в современном обществе: Материалы междунар. науч. конф. (г. Москва, май 2012 г.). М.: Ваш полиграфический партнер, 2012. С. 109–113.
7. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2001. 424 с.
8. Συμεωνίδης Χ. Εισαγωγή στην ελληνική φρασεολογία. Θεσσαλονίκη: Κώδικας, 2000. 122 σ.
9. Σαραντάκος Ν. Το αλφαβητάρι των ιδιωμάτων εκφράσεων. Αθήνα: Διάυλος, 1997. 74 σ.

Litinskaya E. P., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

PHRASEOLOGY TRANSLATION OF NOVEL “POOR PEOPLE” BY F.DOSTOEVSKY INTO GREEK

A. Sarandopoulos translation into Greek of the idioms encountered in the novel “Poor people” written by F. Dostoevsky is analyzed in the article. The present study evaluates the adequacy of the idioms’ translation (phrase equivalency, analogy, tracing, descriptive translation). Based on the results of conducted critical study it was concluded that the translator had successfully fulfilled the task of transferring into Greek the phraseology of the novel written by the Russian classic.

Key words: Dostoevsky, idioms, translation theory, Modern Greek

REFERENCES

1. Al'brekht F. B. The problem of defining and describing units of lexico-phraseological zones of transition [Problema opredeleniya i opisaniya edinits zony leksiko-frazeologicheskoy perekhodnosti]. *Filologicheskie nauki* [Philological sciences]. 2001. № 3. P. 66–73.
2. Bayramova L. K. On some controversial issues phraseological equivalence [O nekotorykh diskussionnykh problemakh frazeologicheskoy ekvivalentnosti]. *Sopostavitel'naya filologiya i polilingvizm* [Comparative Philology and polylinguism]. Kazan', IYaLI AN RT Publ., 2010. P. 160–164.
3. Garbovskiy N. K. *Teoriya perevoda* [Translation theory]. Moscow, Moscow University Publ., 2007. 544 p.
4. *Grecheskie posloviy i pogovorki i ikh analogi v russkom yazyke* [Greek proverbs and their counterparts in the Russian language] / Comp. T. V. Kokurina. Moscow, LKI Publ., 2008. 152 p.
5. Kazakova T. A. *Khudozhestvennyy perevod* [Literary translation]. St. Petersburg, St. Petersburg Institute of Foreign Relations, Economics and Law Publ., 2002. 113 p.
6. Karabakhtsyan E. K., Grigoryan E. O. Features of methods and techniques of phraseology translation in different language cultures [Osobennosti sposobov i priemov perevoda frazeologizmov razlichnykh yazykovykh kul'tur]. *Filologiya i lingvistika v sovremennom obshchestve: Materialy mezhdunar. nauch. konf. (g. Moskva, may 2012 g.)* [Philology and linguistics in modern society: Proceedings of the international. scientific. conf. (Moscow, May, 2012)]. Moscow, Vash poligraficheskiy partner Publ., 2012. P. 109–113.
7. Komissarov V. N. *Sovremennoe perevodovedenie* [Contemporary Translation Studies]. Moscow, ETS Publ., 2001. 424 p.
8. Συμεωνίδης Χ. Εισαγωγή στην ελληνική φρασεολογία. Θεσσαλονίκη: Κώδικας, 2000. 122 σ.
9. Σαραντάκος Ν. Το αλφαβητάρι των ιδιωματικών εκφράσεων. Αθήνα: Δίαυλος, 1997. 74 σ.

Поступила в редакцию 15.05.2014

НАТАЛЬЯ ЛЕОНИДОВНА ШИЛОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы и журналистики филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
natalia.l.shilova@gmail.com

КАРЕЛЬСКИЕ РЕАЛИИ В РАССКАЗЕ Ю. КАЗАКОВА «АДАМ И ЕВА»*

Описываются прототипические связи между островом Кижы в Карелии и художественным пространством рассказа Ю. П. Казакова «Адам и Ева» (1962). Основанием для постановки вопроса стали письма и дневники Казакова конца 1950-х годов, свидетельствующие, что писатель побывал в Петрозаводске и на острове Кижы в 1959 году, а также образы и мотивы рассказа, отсылающие к реалиям кижского ландшафта. Рассказ, следовательно, может быть включен в корпус литературно-художественных текстов, представляющих «кижский текст» русской литературы. Анализ художественной топографии и топонимики «Адама и Евы», осуществляемый в контексте «северной темы» писателя, позволяет наблюдать в его художественной прозе стремление к синтезу конкретного (локального) и символического (универсального) начал.

Ключевые слова: локальный текст, мотив, художественное пространство, остров

К анализу рассказа «Адам и Ева» неоднократно обращались литературоведы, рассматривая его в свете северной темы Казакова и общей проблематики творчества писателя [2; 171–177]. В опубликованных работах, однако, обнаруживается лакуна, связанная с комментарием к пространственной организации рассказа. В существующих источниках художественное пространство «Адама и Евы» анализируется как условное – это некий абстрактный Север и абстрактный остров. С такой интерпретацией трудно согласиться¹. С одной стороны, действительно, все имена и названия в рассказе вымышлены. Логично предположить, что сделано это, чтобы обозначить вымышленную же территорию, на которой разворачивается придуманная автором история. По сюжету 25-летний московский художник Агеев отправляется на северный остров Сег-Погост писать пейзажи, пригласив туда свою московскую знакомую. События сосредоточены в нескольких днях из жизни героев, когда между ними должна возникнуть любовная связь. Но все оказывается сложнее. Проведя три дня с Агеевым, Вика покидает остров. Современные Адам и Ева расстаются. С другой стороны, художественное пространство рассказа содержит отсылки к конкретной местности, которая показана достаточно узнаваемо и вполне может быть названа и определена, – это Карелия, Петрозаводск и остров Кижы. Атрибутировать этот локус позволяет как сам текст, так и опубликованные архивы Ю. Казакова.

Исследовать данный вопрос тем более интересно, что, судя по существующим биографическим источникам, «карельская страница» биографии писателя оказалась в значительной степени забыта. Кижский погост и Петрозаводск, как правило, не упоминаются в описани-

ях северных маршрутов писателя, несмотря на то, что указание на эти маршруты – общее место в статьях о Казакове и предисловиях к его книгам. Возможно, это одна из причин того, что в публикациях, посвященных северным сюжетам Казакова, нет упоминаний о его карельских поездках. Исключены из поля внимания исследователей карельские реалии даже и тогда, когда они недвусмысленно обозначены самим автором в тексте, как в случае с «Северным дневником», куда вошел очерк «Калевала», написанный на карельском материале. Впрочем, даже северные очерки Казакова на сегодняшний день лучше прокомментированы с точки зрения не столько реалий, сколько мифопоэтики пространства [5].

Об одном путешествии Ю. Казакова в Карелию сохранились сведения в мемуарной книге В. Конецкого, который опубликовал дружескую переписку с Казаковым конца 1950-х – начала 1960-х годов. В опубликованных письмах дважды встречается упоминание о поездке в Петрозаводск и на остров Кижы. 21 августа 1959 года Казаков писал Конецкому: «В Питере мы пробуем недолго и двинем дальше – в Петрозаводск, Повенец, Кижы, Сороку (Беломорск) и на Белое море, а там мы восплачем и побежим по волнам и ни черта не утонем» [1; 26]. Приведенные строки свидетельствуют о том, что Кижы и Петрозаводск входили в географический кругозор Казакова и о его желании включить их в маршрут своих северных странствий. Спустя три месяца, 23 ноября 1959 года, Казаков снова писал Конецкому: «...девочка моя приехала в Петрозаводск и мы с ней уединились на десять дней в Кижях, питались рыбой, молоком и картошкой» [1; 27]. Последняя цитата, помимо упоминаний интересующих нас мест, еще и находит параллель в фабуле «Адама и Евы»: и в том, и в другом случае речь идет о

романтическом уединении на северном острове некой пары. И в том, и в другом случае дело происходит осенью. История из письма и фабула рассказа при этом отличаются друг от друга. В «Адаме и Еве» герои расстаются на третий день совместного пребывания. Однако о прототипических отношениях в этом случае говорить, как кажется, можно. Аналогичные прототипические отношения возникают и между реальным островом Кижы и поэтическим пространством в рассказе «Адам и Ева». Эти отношения становятся причиной проникновения в текст Ю. Казакова мотивов, связанных с островом Кижы.

Изображенное в «Адаме и Еве» пространство узнаваемо за счет ряда топографических маркеров, уникальных для местности. Оно значительно отличается от условного, полностью вымышленного, абстрактно сконструированного мира. Интерес к конкретному пространству ощутим уже на уровне стиля. Например, говорится о том, что Агеев «ненавидел» в гостиничном ресторане «этих девочек, и пижонов, и скверных музыкантов... и скверную еду, и здешнюю водку-сучок, которую буфетчица всегда не доливала» (63)². Эпитет «здешний» – в числе тех маркеров, что ориентируют читателя на восприятие конкретного пространства, отграниченного от остального мира, который «там». О том, какая именно территория имеется в виду, где располагается это «здесь», недвусмысленно сообщают читателю карельские и финские реалии, встречающиеся в рассказе. Так, обслуживает Агеева в привокзальном буфете официантка Жанна Юоналайнен с нерусским произношением и финской фамилией. Озеро, среди которого расположен остров, Жанна называет тоже по-фински «ярви».

«– Художники нас не рисуют, – немного не по-русски выговорила официантка.

– Откуда ты знаешь? – Агеев посмотрел на ее грудь.

– О! Им надобятся рыбаки. И рабочие, стрел... стрелочники. Или у нас ярви имеет островок и деревянная церковь. Они все едут туда, еду-ут... Москва и Ленинград. И все вот так, в беретках, да? <...>

– Ты что, не русская?

– Нет, я финка. Юоналайнен» (64).

Финское слово «ярви» еще и связующее звено между «Адамом и Евой» и очерком «Калевала» из «Северного дневника». В последнем оно упоминается как часть топонима Ала-ярви, который включен в текст для передачи местного колорита, что свойственно травелогам. В «Адаме и Еве», где иная жанровая природа, остается только обобщенное «ярви». Местный колорит сохраняется, а географическая конкретика исчезает. В другом месте встречается карельское слово «салми» (пролив), бытующее в Обонежье и Заонежье. В целом же в северном городе у озера на границе русского и финского мира легко узна-

ется не названный автором прямо Петрозаводск. Создавая образ северного города, писатель отбирает характерные детали, вполне отвечающие принципу *colour local*. Типичный пример – описание картины в гостинице, где остановился Агеев: «Картина изображала местное озеро, фиорды, неестественно лиловые скалы с неестественно оранжевой порослью низких березок на уступах. На картине тоже была осень» (62).

Важным опознавательным знаком служит тот факт, что в рассказе Казаков дважды называет остров и его строения «музейными». Причем оба раза определение появляется в значимых, «сильных» местах описания. Первое – в эпизоде прибытия героев на остров: «Когда совсем подошли к острову, стала видна ветряная мельница, прекрасная старинная изба, амбарные постройки – все пустое, неподвижное, музейное» (72). Второе – в момент отъезда Вики в финале рассказа: «Агеев повернулся к свету спиной и увидел, как луч прожектора дымно дрожит на прекрасной старой музейной избе» (86). Первый эпизод – это и первое впечатление от острова. Второй – обостренное его видение в свете происходящей драмы. Карелия, озеро, остров-музей – ряд деталей не дает возможности ошибиться с атрибуцией места.

Среди локальных штрихов есть и менее очевидные для читателя, связанные с историей описываемой местности. Возьмем упомянутое официанткой творческое паломничество на остров столичных художников. Действительно, художники одними из первых проложили путь на труднодоступный в первой половине XX века остров. Они отправлялись писать Кижский погост задолго до организации музея и туристических маршрутов: «На острове Кижы побывали И. Я. Билибин (1904 год), И. Э. Грабарь (1909) и М. В. Красовский (1916). И. Я. Билибин писал: "...нигде мне не приходилось видеть такого размаха строительной фантазии, как в Кижях. ...Что за зодчий был, который строил такие церкви!" Постепенно Кижы становятся известными: издаются почтовые открытки с видами Кижского погоста, а в 1911 году картина художника Шлуглейта с изображением Кижского погоста была приобретена императором Николаем II» [4; 13].

Легко заметить, что в рассказе Казакова пространство описано с предельной четкостью и детализацией. Это и образы построек: ветряной мельницы, погоста, причала. И образы местных жителей, добирающихся тем же паромом дальше через Сег-Погост в Малую Губу (в полном соответствии с реальным маршрутом озерного транспорта, заходящего на Кижы и идущего дальше в заонежскую Великую Губу): «Проходы были завалены мешками с картошкой, корзинами, кадками с огурцами, какими-то тюками. И народ был все местный, добирающийся до какой-нибудь Малой Губы. И разговоры были тоже местные: о

скотине, о новых постановлениях, о тещах, о рыбодобыче, о леспромхозах и о погоде» (68). Правдиво воспроизведен образ озера, «по которому ветер гнал беспорядочную темную волну», берега, где во время переправы на остров «смутно, медленно тянулись бурые, уже сквозящие леса, деревни, потемневшие от дождей, бакены и расстрепанные вешки» (67), наконец сам узнаваемый ландшафт кижских шхер: «К острову пароход подходил вечером. Глухо и отдаленно сгорела кроткая заря, стало смеркаться, пароход шел бесчисленными шхерами. Уже видна была темная, многошатровая церковь, и пока пароход подходил к острову, церковь перекатывалась по горизонту то направо, то налево, а однажды оказалась даже сзади» (71–72). Интересно, что церковь в последнем приведенном фрагменте названа «многошатровой», что не соответствует «многоглавой» конструкции Преображенской церкви Кижского погоста. Еще интереснее, что в дальнейшем развернутом описании отражена конструкция, соответствующая скорее силуэту кижского архитектурного ансамбля с луковицами-главками, а не башнями-«шатрами»: «...и, когда Агеев шел с восточной стороны, церковь великолепным силуэтом возвышалась над ним, светясь промежутками между луковицами куполов и пролетами колокольни» (73–74). «Многошатровые» церкви чаще встречались в Архангельской области. Почему Казаков переименовывает конструкцию церкви? Будь это просто ошибкой, у автора была бы возможность исправить ее в переизданиях рассказа. Как кажется, «неточность» в настоящем случае может быть сознательно допущена и продиктована желанием автора уйти от очерковой конкретики, топографического педантизма и, напротив, расширить пространство рассказа, придав ему символическое обобщающее значение, что хорошо заметно на всех уровнях повествования. Ведь назови он церковь в рассказе «многоглавой», а остров – Кижами, и рассказ получится о Кижках и только о них. А замысел Казакова шире. И Кижки, и Русский Север для него не самоцель, но впечатление, ведущее к обретению некоего знания о мире и человеке. Это знание и вырастает из места, местности, и перерастает ее в своей универсальной значимости.

Взаимоотношения образа и прообраза в «Адаме и Еве» на порядок сложнее, нежели в северной очерковой прозе, где документальная основа повествования коррелирует с документальным именованием персонажей (реальных лиц) и мест (топонимов). В рассказе же топография Кижей описана с детальностью, буквально провоцирующей на комментирование с точки зрения исторических и географических реалий, а вымышленная топонимика расширяет пространственные границы. Никак не названы ни город, из которого Агеев отправляется на остров, ни озеро, среди которого остров расположен. Сам остров назван Сег-Погостом. Его название вы-

мышленное, но сконструировано оно из «реального» локального материала. «Погост» отсылает к «Кижскому погосту», а топоним «Сег» созвучен ряду карельских названий (Сегозеро, Сегежа). Соседний с Сег-Погостом островок назван Кижма-остров. И в этом случае название как бы намекает на Кижки своим звучанием, но и уходит от него. Интересно, что придуманный Казаковым топоним (соответствий с какими-либо реальными локусами нами не найдено) созвучен названию поморского села Кимжа на реке Мезени, знаменитого своей деревянной церковью и мельницей. Не исключено, что во время своих северных странствий Казаков бывал в Кимже или слышал о ней. Благодаря возникающему созвучию имен две местности, два образа как бы наслаиваются один на другой. И наконец, тому же принципу диалога между локальным и условным подчинено переименование реальной онежской Великой Губы, к которой направляется дальше кижский маршрут после остановки на острове, в Малую Губу, как она названа в «Адаме и Еве». Что примечательно, на трансформацию топонима и здесь могли оказывать влияние реалии: деревня с названием Малая Губа существует в Псковской области, откуда, напомним, писалось письмо Конецкому о намерении ехать в Карелию. В итоге налицо смещение акцента, уход от фотографичности в изображении пространства, движение к его символизации. Если учесть все переключки, то топонимика рассказа выглядит как конструкция, объединяющая и обобщающая карельские, архангельские и, возможно, даже псковские мотивы в единое пространство Русского Севера.

Трансформируя именование пространства и сохраняя одновременно детальное и точное его описание, Казаков формирует тонкий диалог местного и всеобщего. «Адам и Ева» легко прочтывается вне географической конкретики, а ряд смыслов рассказа и должен быть воспринят в более широком и пространственном, и временном контексте. В отличие от очерковой прозы поэтика «Адама и Евы» в существенных своих моментах – от конструирования вымышленной топонимики до символического заглавия с открытыми библейскими коннотациями – подчинена принципу поэтизации и мифологизации, переходу от «здесь и сейчас» к «везде и всегда». В этом смысле пространство «Адама и Евы» – не Кижки, а герой – не Ю. Казаков. Это Остров, где встречаются Он и Она. В рассказе, в отличие от очерковой прозы, доминирует план художественности, в котором, по справедливому замечанию Ю. Лотмана, «“пространство” подчас метафорически принимает на себя выражение совсем не пространственных отношений в моделирующей структуре мира» [3; 252]. Это не уменьшает значение кижских мотивов, которые становятся здесь элементами поэтического языка, для создания истории, родившейся из впечат-

ления о путешествии. Детализация и точность описания кижского ландшафта свидетельствуют о том, что остров сыграл важную роль в становлении и реализации художественного замысла. В конечном итоге, не образом ли Преображенской церкви, к которой то и дело возвращается повествование, навеяна библейская символика заглавия, акцентирующая в рассказе тот самый универсальный, «вечный» план?

Установление связей, существующих между местностью и текстом, в настоящем случае очерчивает, как кажется, некоторую перспективу в дальнейшем научном осмыслении как творчества Казакова, так и литературной репрезентации острова Кижы. Во-первых, прочитанный таким образом рассказ корректирует наше представление о северной теме в прозе Казакова

1960-х годов, расширяя ее за счет популярного у писателей-шестидесятников острова Кижы. Во-вторых, опыт такого топографического реального комментария привлекает внимание к авторским стратегиям Казакова в описании местности, различным для очерка и рассказа, детальное изучение которых может помочь более ясному пониманию особенностей литературной репрезентации пространства. Наконец, выявление кижских мотивов позволяет включить рассказ «Адам и Ева» в круг литературно-художественных источников, составляющих «кижский текст» русской литературы. Прежде рассказ не включался в литературно-художественные разделы библиографических указателей об острове Кижы, хотя, как мы видим, имеет прямое к нему отношение.

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Автор выражает благодарность историку, писателю, старшему научному сотруднику музея-заповедника «Кижы» Б. А. Гушину за указание на возможную связь места действия рассказа с островом Кижы.
- ² Казаков Ю. П. Адам и Ева // Казаков Ю. П. Двое в декабре. М.: Молодая гвардия, 1966. С. 62–86. Далее ссылки на это издание даются в круглых скобках с указанием страницы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конечский В. В. Некоторым образом драма. Л.: Советский писатель, 1989. 368 с.
2. Кузьмичев И. Жизнь Юрия Казакова. Документальное повествование. СПб.: Союз писателей Санкт-Петербурга: ООО «Журнал «Звезда», 2012. 536 с.
3. Лотман Ю. М. Художественное пространство в прозе Гоголя // Лотман Ю. М. В школе поэтического слова. М.: Промсвещение, 1988. С. 251–293.
4. Музей-заповедник «Кижы». 40 лет. Петрозаводск: Scandinavia, 2006. 208 с.
5. Никитина М. В. Художественное пространство «Северного дневника» Ю. П. Казакова // Северный текст русской литературы. Вып. 1. Архангельск: Изд-во Поморского ГУ, 2009. С. 111–128.

Shilova N. L., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

KARELIAN REALITIES IN Y. KAZAKOV'S STORY "ADAM AND EVA"

The article establishes and describes patterns of prototypical connections between the island of Kizhi in Karelia and the literary space of Yuri Kazakov's short story "Adam and Eve" written in 1962. This research approach is supported by Kazakov's personal letters and diaries dating back to the end of the 1950s. They contain some facts about his visits to the Kizhi island and the city of Petrozavodsk, as well as some motifs and images for his forthcoming story referring to certain objects of Kizhi landscape. Kazakov's archives, published in different sources, explain why he paid so much attention to Petrozavodsk and Kizhi islands. His short story "Adam and Eve", therefore, can be included into the corpus of books that represent "Kizhi text" of Russian literature. The analysis of literary (imaginary) topography and toponymy of the story in the context of Yuri Kazakov's 'northern theme' shows that his prose reflected his aspiration to synthesize principles of realism ('the local') and symbolism ('the universal').

Key words: local text, motif, artistic space, island

REFERENCES

1. Konetskiy V. V. *Nekotorym obrazom drama* [A kind of drama]. Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1989. 368 p.
2. Kuz'michev I. *Zhizn' Yuriya Kazakova. Dokumental'noe povestvovanie* [The Life of Yuri Kazakov. Documentary narrative]. St. Petersburg, Soyuz pisateley Sankt-Peterburga: OOO "Zhurnal "Zvezda" Publ., 2012. 536 p.
3. Lotman Yu. M. Artistic Space in Gogol's prose [Khudozhestvennoe prostranstvo v proze Gogolya]. *Lotman Yu. M. V shkole poeticheskogo slova* [At School of Poetic Word]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1988. P. 251–293.
4. *Muзей-zapovednik "Kizhi". 40 let* [Kizhi Open Air Museum. 40 years]. Petrozavodsk, Scandinavia Publ., 2006. 208 p.
5. Nikitina M. V. Artistic space of "Northern journal" by Ju. P. Kazakov [Khudozhestvennoe prostranstvo "Severnogo dnevnika" Yu. P. Kazakova]. *Severnyy tekst russkoy literatury* [Northern text of Russian Literature]. Vol. 1. Arkhangelsk, Pomorskiy University Publ., 2009. P. 111–128.

Поступила в редакцию 21.03.2014

АННА ИВАНОВНА СОЛОПОВА

редактор текстологической группы издательства, Петро-
заводский государственный университет (Петрозаводск,
Российская Федерация)
dostoyevsky@mail.ru

РОМАН Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ПОДРОСТОК»: ПРОБЛЕМА КАНОНИЧЕСКОГО ТЕКСТА*

В выборе основного текста исследователи, как правило, руководствуются последней прижизненной редакцией. Так обстоит дело и с изданием романа Достоевского «Подросток». В статье рассматриваются результаты текстологического анализа рукописей и печатных изданий романа, позволяющие утверждать, что журнальная редакция предпочтительнее при подготовке канонического текста «Подростка».

Ключевые слова: текстология, канонический текст, роман «Подросток», роль корректора, нетворческие изменения текста

Издание сочинений Достоевского в авторской орфографии и пунктуации подразумевает работу с прижизненными изданиями. Роман «Подросток» публиковался при жизни писателя дважды – в журнале «Отечественные Записки» за 1875 год (ОЗ) и отдельной книгой в 1876 году (1876)¹. Наличие редакций неизменно вызывает проблему выбора основы для канонического текста [3], [4], [5], [7] и в связи с этим необходимость исследования редакционных различий для установления элементов творческой (авторской) правки и изменений нетворческих (некомпетентных, ошибочных). Во втором случае рассматривается возможность не только сознательной корректорской правки [1], [2], но и неосознанного влияния на текст в процессе набора [8]. В текстологическом анализе учитывается также грамматическая вариантность как характерная особенность данного периода в развитии литературного языка [6], [7]. По сравнению с рукописями других произведений Достоевского материалы к «Подростку» отличаются большей степенью сохранности и отражают разные стадии творческого процесса: это наброски, черновой связный текст (ЧА), беловой текст (БР) и наборная рукопись (НР), поэтому имеется возможность объективно оценить изменения текста, выявить ошибки, допущенные при переиздании, а иногда и при первой публикации романа. Прежде всего необходимо подробно рассмотреть обстоятельство появления обеих редакций.

Процесс издания «Подростка» в «Отечественных Записках» и, главное, степень участия в нем автора наиболее полно отражены в переписке Достоевского за 1875 год. Сотрудничество с редакцией идеологически не близкого писателю журнала требовало от Достоевского чрезвычайного внимания к тексту. Известно, что вначале первую после набора корректуру читал М. Е. Салтыков-Щедрин, впоследствии отказавшийся от этого: «Сейчас принесли еще корректуру.– всё 2 последние главы, их уже Салты-

ковъ не читаль и мнѣ надобно перечитывать со всѣми подробностями...» – пишет Достоевский жене 6 февраля 1875 года (РГАЛИ. Ф. 212.1.28. Л. 5 об.). Последнюю перед печатью корректуру всегда держал редактор журнала Н. А. Некрасов, неожиданно для Достоевского проявивший большой интерес к роману: «Всю ночь сидѣль читаль, до того завлекся...» (РГАЛИ. Ф. 212.1.28. Л. 10). Все гранки тщательно проверял Достоевский, приехавший в Петербург из Старой Руссы, где жил в этот период с семьей. О своей работе он подробно писал жене: «Милый другъ, Аня, я все занятъ ужасно и времени у меня ни на что не достаесть. Вчера навалили корректуру видимо-невидимо, и еще не продержанныхъ начисто»; «...сѣль за корректуры и просидѣль до 5^{1/2} утра» (РГАЛИ. Ф. 212.1.28. Л. 6–7). Объясняя свой отказ участвовать в литературном сборнике, он пишет П. А. Козлову 1 марта 1875 года: «Я задавленъ работой по печатающемуся въ “Отечественныхъ Запискахъ” большому моему роману, и такъ будетъ вплоть до осени» (РГБ. Ф. 93.1.6.26).

Весь период издания писатель неотступно беспокоился о сохранении каждого слова и знака. Сообщая в письме к А. Н. Плещееву об отправке в журнал 1–3-й глав третьей части романа, Достоевский просит его (как секретаря ОЗ) позаботиться об отправке корректуры этих глав ему в Старую Руссу «какъ можно скорѣе»; беспокоится о возможном цензурном вмешательстве в текст третьей части: «...нельзя ли какънибудь чтобы ничего не выкидывали? У меня каждое лицо говорить своимъ языкомъ и своими понятіями <...> я самъ держаль цензуру каждого слова» (ИРЛИ. Ф. 134. Оп. 4. № 561). В период лечения в Эмсе летом 1875 года Достоевский испытывал трудности с продолжением романа, и по договоренности с Некрасовым публикация была приостановлена до сентября. По его возвращении работа продолжалась в том же порядке.

Каким же образом появилась на свет книжная публикация?

Осень 1875 года была для Достоевского чрезвычайно напряженной. Это и домашние обстоятельства (появление в семье третьего ребенка), и необходимость до конца года закончить роман для «Отечественных Записок», и грандиозный замысел периодического издания нового «Дневника Писателя», и вновь возникшие финансовые трудности. Именно они вынуждают Достоевского заключить договор с книгопродавцем П. Е. Кехрибарджи о передаче последнему права на издание романа «Подросток» на три года: «Милостивый Государь <...> Я <...> продаю издание *въ чужія руки* единственно потому, что въ настоящую минуту долженъ и принужденъ уплатить одинъ долгъ и продажа издания Подростка представляет мнѣ одинъ изъ выходовъ изъ моего положенія» (РГБ. Ф. 93.1.6.22).

Печаталось отдельное издание в типографии Траншеля. Отметим, что в это время здесь уже не работали ни корректор В. В. Тимофеева (О. Починковская), ни метранпаж М. А. Александров – люди, которые тесно сотрудничали с Достоевским в пору его редакторства в «Гражданине», научились понимать особенности его стиля и потому могли бы уберечь текст от некомпетентной правки. Набор был сделан чрезвычайно быстро. Так, 16 декабря, когда Достоевский *еще читает журнальную корректуру* последних глав, Кехрибарджи сообщает ему в письме, что «Подросток» (за исключением предстоящей публикации в № 12 «Отечественных Записок») *уже набран*, и просит выслать ему оттиски окончания романа, *взяв их в редакции журнала* (см.: РГБ. Ф. 93.1.5.68).

Чем же отмечены два последних месяца 1875 года в письмах и дневниках Достоевского?

Прежде всего он заканчивает роман для «Отечественных Записок». Именно на этой стадии планировавшаяся ранее четвертая часть романа объединяется с частью третьей (ДЗ0, XVI, 434–439). Кроме того, тяжелая болезнь жены и детей заставила Достоевского стать в буквальном смысле затворником: «...решительно прекратил ко всем посещения, и хоть свободен от литературы, но дела много и дома с больными и с уходом за ними», – пишет он Н. П. Вагнеру 21 декабря 1875 года (ДЗ0, XXIX. Кн. II, 68). Отметим, что именно 21 декабря вышел номер «Отечественных Записок» с последними главами романа, оттиск с которых был срочно отправлен Кехрибарджи (в своде редакций эти главы представляют наибольшее количество разночтений). При этом, как явствует из записной тетради Достоевского, в *ноябре – декабре* 1875 года он уже вплотную занимается подготовкой материалов для нового «Дневника Писателя», первый номер которого вышел в конце января 1876 года. Указанные обстоятельства практически не оставляют времени для работы над текстом переиздания. Ни в письмах, ни в дневниковых записях Достоевского и его жены А. Г. Достоевской нет никаких упоминаний об участии писателя в процессе

публикации отдельной книги «Подростка». Из документальных источников известны только цитируемое выше письмо Достоевского к Кехрибарджи, три письма Кехрибарджи к писателю и текст договора, в котором прописаны *юридические и финансовые* обязательства сторон.

Достоевский был недоволен результатом. 10 марта 1876 года, посылая роман своему брату, он писал: «Милый и многоуважаемый брат Андрей Михайловичъ, посылаю тебѣ мою, весьма безпорядочно изданную книгопродавцемъ Кехрибарджи книгу. Издалъ, объявилъ въ газетахъ, заложилъ куда-то издание и только черезъ 2 мѣсяца пустилъ въ продажу, – что повредило книгѣ» (ИРЛИ. Ф. 56. № 387. Л. 29).

Естественно полагать, что, заключая коммерческий договор с Кехрибарджи, Достоевский соглашался на правку, соответствующую *орфографическим установкам издателя*. В своде редакций эти установки прослеживаются достаточно четко и последовательно. Ср., например (ОЗ // 1876): *объ // о, росту // роста, фамилья // фамилія, промыванье // промываніе, не смотря // несмотря, черезъ чуръ // черезчуръ, проповѣдовалъ // проповѣдывалъ* и т. п. Так же явственно отличаются редакции и в пунктуационном оформлении. Набор текста первой редакции производился по рукописи (НР), поэтому в целом журнальное издание отражает орфографию и пунктуацию автора, хотя сохраняет и традиционные установки ОЗ. Книжное издание демонстрирует в этом отношении большую независимость. При подготовке канонического текста рассматриваются варианты обеих редакций в их соотношении с автографом. При неопределенности авторского написания предпочтение отдается журнальному изданию, с корректурой которого работал Достоевский.

В отличие от вариантности начертания лексем, разночтения на других уровнях текста требуют более детального рассмотрения, поскольку главным критерием выбора в этих случаях является установление творческой природы выявленных изменений текста. В этом отношении обстоятельства публикации отдельной книги романа и отзыв самого Достоевского представляются особенно значимыми.

Наличие опечаток свойственно любому изданию. Но когда их количество чрезмерно (от 2 до 12 на страничный разворот), это может свидетельствовать не только о необычайной *быстроте набора* (что подтверждено фактически), но и о столь же быстрой и *небрежной корректуре*.

По наблюдениям текстологов, наиболее распространенным местом разного рода опечаток является конец строки, что обусловлено техническими и психологическими особенностями процесса набора. Так, статистика выявленных в 1876 случаев трансформации текста показывает, что **85(!)** из них связаны с переходом со строки на строку (в это число не вошли пунктуацион-

ные и грубые графические опечатки). Случайность столь частого совпадения предполагаемой правки с этим критическим местом представляется весьма сомнительной, особенно при наличии иных факторов, провоцирующих опечатку, например:

«Я рассчитывал, что нас сегодня непременно прервут (не даром же билось сердце), – тогда, может, я и не рѣшусь заговорить о деньгахъ. Но такъ какъ о деньгахъ <никакъ> не заговаривалось, то я естественно разсердился на мою глупость...» (1876, I, 32)

Наречие **никакъ** в 1876 отсутствует. Набор книжной редакции производился, как явствует из упомянутого выше письма Кехрибарджи, по оттискам *ОЗ*, где это слово находится в конце строки. Ошибка наборщика могла быть спровоцирована и повтором в параллельных строках («заговорить о деньгахъ» / «о деньгахъ не заговаривалось»). Отсутствие необходимости в сознательном удалении слова подтверждает смысловой контекст: Аркадий, намеревавшийся потребовать у старого князя жалованье, которого, как сам он был уверен, он не заслужил, пытался пробудить в себе необходимую решимость и заговорить о деньгах, но не получалось: «**никакъ** не заговаривалось» – потому он и рассердился сам на себя. Корректор, не сверяясь с рукописью, пропустил ошибку, так как общий смысл высказывания не утрачен.

В изучении факторов, влияющих на текст на разных стадиях процесса публикации, наиболее запутанными представляются случаи многокомпонентной трансформации. На первый взгляд, изменение нескольких элементов конструкции наводит на мысль о сознательной правке. Однако детальный анализ выявляет наличие нескольких факторов, вызвавших цепь взаимообусловленных ошибок. В 1876 обнаружен только один подобный случай (единичность такого рода изменений в известной степени подтверждает нетворческую природу «правки»), ср.: «они **всѣ** вдругъ замолчали, ровно **никто** ничего не говорилъ, а **всѣ** слушали» (*ОЗ*) // «они вдругъ замолчали, ровно ничего не говорили, а **всѣ** слушали» (1876).

Учитывая условия, влияющие на качество набора текста, рассмотрим, как располагается измененная конструкция на страницах обоих изданий:

С. 60 (*ОЗ*, № 1) «Я три года готовился! Но замѣчательно,

С. 61 что они **всѣ** вдругъ замолчали, ровно **никто** ничего не говорилъ, а **всѣ** слушали»

С. 66 (1876, I) «Я три года готовился! Но замѣчательно, что они вдругъ замолчали, ровно ничего не говорили, а **всѣ** слушали»

Итак: 1) в *ОЗ* предложение разорвано *переходом на другую страницу*; 2) местоимение **всѣ** повторяется в параллельных строках и в *сходных* сочетаниях («**всѣ** замолчали» / «**всѣ** слушали»);

3) глагол **говорилъ** находится в *конце строки*. Таким образом, можно отметить сразу несколько причин, могущих спровоцировать ошибку набора. Кроме того, здесь усматривается и влияние корректора: пропуск местоимений при наборе, возможно, повлек за собой корректорское исправление глагольной формы. Так или иначе в этих изменениях отсутствует творческий фактор. В смысловом контексте этой главы ясно представлена оппозиция: с одной стороны – общество, собравшееся у Дергачева (те, кого выше Аркадий определил словом **они** и кого так боялся), с другой – он сам, громко и торопливо излагающий **им** свои принципы. Удаление местоимений **всѣ** и **никто** приводит к потере значения субъектности и делает высказывание бессмысленным: «замолчали, ровно ничего не говорили».

Однотипность разночтений (например, чрезмерное количество случаев пропуска или смешения однобуквенных лексем) также вызывает сомнение в их творческом происхождении. Наиболее доказательно об этом говорит простая статистика таких изменений в 1876: пропуск союза/частицы **и** (12), союза **а** (6), местоимения **я** (5), предлога **о** (1); смешение союзов **а/и**, союза **а** с местоимением **я** (3). Что касается **и**, то, как правило, пропущенным оказывается повторяющийся союз, союз с присоединительным значением или со значением *частицы*, то есть находящийся в грамматически слабой позиции. Ср., например:

«захотѣлось взять и уйти и такъ и оставить всѣ дѣла» (*ОЗ*, № 1, 66)
«захотѣлось взять и уйти и такъ оставить всѣ дѣла» (1876, I, 74)

В данном случае наблюдается пропуск лексемы **и** при тройном повторе. Однако каждая из трех **и** представляет собой необходимый структурный компонент многочленной сложной сказуемого, где первая и является элементом одной из однородных осложненных частей этого сказуемого (**взять и уйти**), третья (потерянная в 1876) является компонентом составной частицы **такъ и**, которая в сочетании с глаголом образует вторую осложненную часть сказуемого (**такъ и оставить**), оформляя значение напряженности, интенсивности и полноты действия, а средняя (союз **и**) соединяет обе части. Таким образом, в *ОЗ* представлена экспрессивная и *грамматически верная* форма сказуемого, которую не было необходимости править.

Рассмотрим еще один пример:

«служившій <...> преподавателемъ французскаго языка, и имѣвшій даже чины» (*ОЗ*, № 2, 367)
«служившій <...> преподавателемъ французскаго языка, имѣвшій даже чины» (1876, I, 142)

Рассматривая это предложение целиком, оказалось, что главная его часть распространена и осложнена несколькими обособленными определениями, согласованными и несогласованными: «Это былъ очень маленькій и очень плотненькій французикъ, лѣтъ сорока пяти и дѣйствительно парижскаго происхожденія, разумѣется, изъ са-

пожниковъ, но уже съ незапамятныхъ временъ служившій въ Москвѣ на штатномъ мѣстѣ, преподавателемъ французскаго языка, и имѣвшій даже чины, которыми чрезвычайно гордился, – человекъ глубоко необразованный» (ОЗ, № 2, 367). В этой цепи разнородныхъ определений, характеризующихъ Тушара с различныхъ сторон (внешность, происхождение, образование), выделяется одна объединенная пара: «служившій <...> и имѣвшій даже чины». Объединение это продиктовано тесной смысловой связью (служба – чины), которая становится менее явной при утрате союза **и**. Кроме того, эта пара определений связана с присоединительнымъ предложением «– человекъ глубоко необразованный». Союз **и** в данномъ случае играет и связующую роль, и дополняет экспрессивную частицу **даже**, ритмически усиливая и обостряя неожиданность и нелепость ситуации: «служившій <...> и имѣвшій **даже чины** – человекъ **глубоко необразованный**». Следует также заметить: в первой редакции союз находится в конце строки, что могло послужить главной причиной его потери при повторномъ наборе. Статистику подобного рода разнотчений дополняют пропуски других так называемыхъ «короткихъ слов». Чаще всего это лексемы, удаление которых приводит к нарушению временной семантики контекста (глагол-связка **быть** (6); наречия времени: **тогда** (5), **иногда**, **всегда**, **теперь**, **вдруг** (2), **уже**, **еще**) или приглушает изначально заданный эмоциональный или смысловой акцент высказывания (частицы: **было** (5), **не**, **бы**, **же** (3), **вѣдь**; наречия меры и степени: **очень**, **почти**). Например:

«Впрочемъ, съ женщинами онъ долженъ **быть** быть необыкновенно любезенъ» (ОЗ, № 2, 398)

«Впрочемъ, съ женщинами онъ долженъ быть необыкновенно любезенъ» (1876, I, 184)

Поскольку вся сцена в пересказе Аркадия передана в прошедшем времени, то глагольная связка **быль** здесь необходима. Вероятнее всего, причина пропуска – повтор двух форм одного глагола-связки подряд: «**быль** **быть**».

Рассмотрим более сложные условия опечатки:

«Я ихъ мѣсяца три **тогда** знала» (ОЗ, № 2, 353)

«Я ихъ мѣсяца три знала» (1876, I, 124)

Эта реплика – вторая часть ответа Лизы на вопрос о том, знакома ли она с Васиным, *прерванного* в тексте пространномъ рассуждением Аркадия о ее внешности:

* Статья подготовлена в рамках проекта «Создание и развитие деятельности Центра новых филологических исследований» Программы стратегического развития на 2012–2016 годы «Университетский комплекс ПетрГУ в научно-образовательном пространстве Европейского Севера: стратегия инновационного развития».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Тексты Достоевского цитируются с указанием условных сокращений по следующим изданиям:

ОЗ – «Отечественные Записки». 1875. № 1, 2, 4, 5, 9, 11, 12.

1876 – Достоевский Ф. М. Подросток. Роман. СПб., 1876.

ДЗО – Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л., 1972–1990.

«– Да, въ Лугѣ, прошлаго года, совершенно просто отвѣтила она, садясь подлѣ и ласково на меня посмотривъ. Не знаю почему мнѣ казалось, что она такъ и вспыхнетъ, когда я ей скажу про Васина. Сестра была блондинка <...> Со мной же ни малѣйшаго сходства – два противоположные полюса.

– Я ихъ мѣсяца три **тогда** знала, прибавила Лиза».

Наречие **тогда** конкретизирует время, привлекая внимание именно к событиям «въ Лугѣ, прошлаго года», и возвращает нас к началу прерванного описания ответа. Оно могло быть пропущено по причине дистантности высказываний и утраты смысловой связи при наборе, тем более что вторая реплика Лизы в 1876 переместилась на следующую страницу. Показательным для установления природы выявленных изменений является факт нейтрализации стилистически маркированных элементов текста: среди имеющихся разнотчений такого типа **все** (!) стилистически нейтральные «варианты» представлены в 1876. Кстати, бóльшая часть этих слов имеет отношение к Макару Долгорукому, проповеди которого как раз и имел в виду Достоевский, когда писал к Плещееву с просьбой проследить, чтобы каждый его герой говорил «своимъ языкомъ и своими понятиями» (см. выше). Поэтому трудно увидеть авторский замысел в таких, например, заменах (ОЗ // 1876): **невоздержны** // **невоздержаны**, **сткло** // **стекло**, **прешло** // **прошло**, **колѣнки** // **колѣни**, **посклизнулся** // **поскользнулся**, **мертвенькой** // **мертвенькій**, **робеночекъ** // **ребеночекъ**, **стрѣчу** // **встрѣчу**, **вспомнилъ** // **вспомнилъ**, **прйдетъ** // **пройдетъ**. Речь других персонажей также во многих случаях утратила свою характерность. Ср., например, стилистическую трансформацию слов в рассказе матери погибшей девушки (ОЗ // 1876): **таково** охотно // такъ охотно, **комнатка** // комната, **вершочекъ** // **вершокъ**, **насмѣшечкой** // **насмѣшкой**; в собственной речи Аркадия: **претерпѣваго** // **потерпѣваго**, **гимназистикъ** // **гимназистъ**, **спрашивались** // **спрашивали**, **обѣщаюсъ** // **обѣщаю**, **какъ бы** // **какъ будто**, **отымая** // **отнимая**, **грязнотцой** // **грязнотой**, **перевертъ** // **переворотъ**; в передаче реплики Ламберта: **Аркашка** // **Аркаша**.

Таким образом, результаты исследования печатных и рукописных источников «Подростка» и подробное рассмотрение обстоятельств выхода в свет обеих прижизненных публикаций убеждают в том, что основой канонического текста является журнальная редакция романа.

² В описании рукописных источников приняты следующие условные обозначения: *ИРЛИ* – Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург), *РГАЛИ* – Российский государственный архив литературы и искусства (Москва), *РГБ* – Российская государственная библиотека (Москва).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Заваркина М. В., Зинкова В. С., Радченко Т. А., Солопова А. И. Проблемы текстологии. Вып. 1: Проблемы текстологии романов «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы». Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. 200 с. Вып. 2.: Роман «Подросток». Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. 96 с.
2. Заваркина М. В., Панюкова Т. В., Солопова А. И., Тарасова Н. А. Роль корректора в романах Достоевского «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы» // Вестник РГНФ. 2011. № 4. С. 78–88.
3. Захаров В. Н. Достоевский для XXI века // Вестник РГНФ. 1999. № 3. С. 194–199.
4. Захаров В. Н. Канонический текст Достоевского // Новые аспекты в изучении Достоевского. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. С. 355–359.
5. Захаров В. Н. Проблемы исторической поэтики. Этнологические аспекты. М.: Индрик, 2012. 263 с.
6. Солопова А. И. Пreamбула к вариантам // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: Канонические тексты / Под ред. В. Н. Захарова. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. Т. 6. С. 581–591; Варианты прижизненных редакций // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: Канонические тексты / Под ред. В. Н. Захарова. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. Т. 7. С. 603–608; Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. Т. 8. 689–702; Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. Т. 9. 677–687.
7. Тарасова Н. А. «Дневник Писателя» Ф. М. Достоевского (1876–1877): критика текста. М.: Квадрига: МБА, 2011. 392 с.; Варианты прижизненных редакций // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: Канонические тексты / Под ред. В. Н. Захарова. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1997. Т. 3. С. 693–705; Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2000. Т. 4. С. 739–753; Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2004. Т. 5. С. 663–679.
8. Томашевский Б. В. Писатель и книга. М.: Искусство, 1959. 279 с.

Solopova A. I., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

DOSTOYEVSKY'S NOVEL "RAW YOUTH": PROBLEMS OF CANONICAL TEXT

In the choice of the main text researchers are usually guided by the last lifetime edition. Such is the case with the publication of Dostoevsky's novel "A Raw Youth". The article is concerned with the results of textual analysis of manuscripts and printed editions of the novel. The obtained results allow us to assert that the magazine edition of the novel is the most preferable one in the preparation of the novel's canonical text.

Key words: textual criticism, canonical text, novel "A Raw Youth", corrector's role, non-author's text changes

REFERENCES

1. Zavarikina M. V., Zinkova V. S., Radchenko T. A., Solopova A. I. *Problemy tekstologii. Vyp. 1: Problemy tekstologii romanov "Prestuplenie i nakazanie", "Idiot", "Besy"* [The problems of textual critic. Issue 1: The problems of textual critic of the novels "Crime and Punishment", "Idiot", "The Demons"]. Petrozavodsk, PetrSU Publ., 2009. 200 p. *Vyp. 2: Roman "Podrostok"* [The problems of textual critic. Issue 2: The novel "A Raw Youth"]. Petrozavodsk, PetrSU Publ., 2012. 96 p.
2. Zavarikina M. V., Panyukova T. V., Solopova A. I., Tarasova N. A. The role of the corrector in Dostoevsky's novels "The Demons", "A Raw Youth", "The Brothers Karamazov" [Rol' korrekтора v romanakh Dostoevskogo "Besy", "Brat'ya Karamazovy", "Podrostok"]. *Vestnik Rossiyskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda* [The Bulletin of Russian Foundation for Humanities]. 2011. № 4. P. 78–88.
3. Zakharov V. N. Dostoevsky for XXI century [Dostoevskiy dlya XXI veka]. *Vestnik Rossiyskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda* [The Bulletin of Russian Foundation for Humanities]. 1999. № 3. P. 194–199.
4. Zakharov V. N. The canonical text of Dostoevsky [Kanonicheskiy tekst Dostoevskogo]. *Novye aspekty v izuchenii Dostoevskogo* [The new aspects of studying of Dostoevsky]. Petrozavodsk, PetrSU Publ., 1994. P. 355–359.
5. Zakharov V. N. *Problemy istoricheskoy poetiki: etnologicheskie aspekty* [The problems of historical poetics: ethnological aspects]. Moscow, Indrik Publ., 2012. 263 p.
6. Solopova A. I. The preamble to the variants [Preambula k variantam]. *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: Kanonicheskie teksty / Pod red. V. N. Zakharova* [Dostoevskiy F. M. Complete works: Canonical texts/ Edited by V. N. Zakharov]. Petrozavodsk: PetrSU Publ., 2004. Vol. 6. P. 581–591; The variants of lifetime editions [Varianty prizhiznennykh izdaniy]. *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: Kanonicheskie teksty / Pod red. V. N. Zakharova* [Dostoevskiy F. M. Complete works: Canonical texts/ Edited by V. N. Zakharov]. Petrozavodsk: PetrSU Publ., 2007. Vol. 7. P. 603–608; Petrozavodsk: PetrSU Publ., 2009. Vol. 8. P. 689–702; Petrozavodsk: PetrSU Publ., 2012. Vol. 9. P. 677–687.
7. Tarasova N. A. "Dnevnik pisatelya" F. M. Dostoevskogo (1866–1877): kritika teksta [Dostoevsky's diary of a Writer (1866–1877): the criticism of a text]. Moscow, Kvadriga: MBA Publ., 392 p.; The variants of lifetime editions [Varianty prizhiznennykh izdaniy]. *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: Kanonicheskie teksty / Pod red. V. N. Zakharova* [Dostoevskiy F. M. Complete works: Canonical texts/ Edited by V. N. Zakharov]. Petrozavodsk: PetrSU Publ., 1997. Vol. 3. P. 693–705; Petrozavodsk: PetrSU Publ., 2000. Vol. 4. P. 739–753; Petrozavodsk: PetrSU Publ., 2004. Vol. 5. P. 663–679.
8. Tomashevskiy B. V. *Pisatel' i kniga* [Writer and book]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1959. 279 p.

Поступила в редакцию 17.06.2014

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ДРУЖИНИН

доктор экономических наук, доцент, заведующий отделом моделирования и прогнозирования регионального развития, Институт экономики Карельского научного центра РАН (Петрозаводск, Российская Федерация)
pdruzhinin@mail.ru

ЕВГЕНИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ БЕЛЫЙ

кандидат технических наук, доцент кафедры прикладной математики и кибернетики математического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
belyi@psu.karelia.ru

МОДЕЛИРОВАНИЕ СТРУКТУРНЫХ СДВИГОВ В ЭКОНОМИКЕ РОССИИ

Рассматривается структура российской экономики по секторам (по видам деятельности, регионам и технологическим уровням); динамика показателей, характеризующих эффективность развития российской экономики; оценивается, как на них повлияли отдельные сектора и структурные сдвиги. Изучена динамика производительности труда и влияние на нее структурных сдвигов. Для исследования влияния мезоуровня на макроуровень построены модели, связывающие параметры уравнений (производственных функций) разных уровней, проведены расчеты. Предложен подход для определения оптимальной структуры российской экономики при некоторых ограничениях, проведены расчеты. В результате было установлено, что по сравнению с дореформенным периодом увеличилось влияние структурных сдвигов на основные экономические показатели России, причем структурные сдвиги оказывали положительное влияние в 1990-х годах и отрицательное в 2000-х. Другие сектора стали определять динамику эффективности российской экономики, структура экономики стала значительно отличаться от оптимальной.

Ключевые слова: производительность труда, эффективность, производственная функция, отрасль, регион, технологический уровень, эластичность

Введение. Впервые задача определения взаимосвязи параметров уравнений, описывающих объекты двух уровней, была поставлена В. Леонтьевым, который в общем случае предложил ее как поиск оптимального распределения ресурсов [16]. В работах А. Уолтерса, Л. Клейна и А. Натафа рассматривались подходы к агрегированию производственных функций, не связанные с решением оптимизационных задач. В дальнейшем проблема агрегирования рассматривалась в работах Ф. Фишера, М. Брауна, В. Винстона, К. Фаре, К. Сато, А. Сиерстада, Р. Солоу, Т. Сумма, С. Кумбхакара, Н. Баркалова, Э. Ершова, Г. Клейнера, Н. Левченко, А. Петрова, А. Шананина и др. Они касались в основном исследования математических проблем, которые возникают в общем случае, когда не определен конкретный вид производственной функции.

В конце XX века было рассмотрено несколько подходов, когда находилось частное решение, так, В. Овсиенко получил результат для линейно-однородных функций. Но в целом в 1990-х годах в России на некоторое время интерес к моделированию, и в частности к производственным функциям, заметно снизился. В последние годы стали появляться работы, развивающие данное направление, в частности интересные работы В. Бессонова (продолжающие идеи Ю. Иванилова), Ю. Федорова и др. Новые результаты по проблеме агрегирования были

получены Дж. Маккоомби, Дж. Фелипе, В. Зоркальцевым, В. Горбуновым и С. Москальоновым [1], [2], [3], [6], [7], [8], [13], [14], [15].

В данной статье предложен иной подход к исследованию влияния структурных сдвигов на эффективность развития экономики, позволяющий получить новые для российской экономики результаты. На основе производственных функций была разработана модель, связывающая параметры функций макро- и мезоуровня и позволяющая оценивать влияние структурных сдвигов. Исследование оценки влияния структурных сдвигов на экономику РФ выполняется по проекту № 13-06-00140а, который поддержан и финансируется РФФИ.

Для решения поставленной задачи требуется выделить сектора (по видам деятельности, регионам и технологическим уровням), собрать данные и построить сопоставимые ряды показателей, проанализировать графики показателей, уточнить данные и построить динамику показателей, определяющих эффективность развития. Для оценки влияния структурных сдвигов необходимо построить производственные функции по секторам и по экономике в целом, оценить влияние структурных сдвигов. Проведенные ранее расчеты по отраслям экономики СССР позволяют провести сравнительный анализ полученных результатов с дорыночными.

В результате можно будет оценить эффективность распределения инвестиций и других ресурсов за период реформ, способствовало ли оно росту экономики, увеличивалась ли доля наиболее эффективных секторов. Именно доля наиболее эффективных и быстро развивающихся секторов является определяющей для экономического роста.

Методика. Оценка эффективности проводится последовательно по нескольким показателям, начиная с производительности труда. Производительность труда считается по валовому внутреннему продукту (ВВП), валовому региональному продукту (ВРП) и валовой добавленной стоимости (ВДС) секторов. Прирост производительности труда российской экономики складывается из прироста производительности труда в отдельных секторах и структурных сдвигов:

$$\Delta y(t) = \sum_i \frac{L_i(t-1)}{L(t-1)} \times (y_i(t) - y_i(t-1)) + \sum_i y_i(t) \times \left(\frac{L_i(t)}{L(t)} - \frac{L_i(t-1)}{L(t-1)} \right), \quad (1)$$

где $y(t)$ – производительность труда, $\Delta y(t)$ – прирост производительности труда, $L(t)$ – численность занятых, i – сектор, t – год. В формуле первое слагаемое – влияние прироста производительности труда в секторах, второе – влияние структурных сдвигов. Возможно использование и других формул.

На основе формулы (1) по каждому сектору по сопоставимым данным определяется влияние выделенных секторов на прирост производительности труда в РФ и влияние структурных сдвигов на изменение производительности труда в РФ за рассматриваемый период.

Следующий показатель эффективности – эластичность по фондам. Эластичность по фондам показывает, на сколько процентов вырастет выпуск (в данном случае ВВП) при росте основных фондов на 1 %. Рассмотрим взаимосвязь параметров производственных функций мезо- и макроуровней. Факторные эластичности связаны следующими соотношениями:

$$\varepsilon_K = \sum_i \varepsilon_{K_i} \times \frac{Y_i(t)}{Y(t)}, \quad (2)$$

$$\varepsilon_L = \sum_i \varepsilon_{L_i} \times \frac{Y_i(t)}{Y(t)}, \quad (3)$$

где Y – ВВП (ВДС для отраслей, ВРП для регионов), ε_K – эластичность по фондам, ε_L – эластичность по труду, i – индекс сектора.

По формулам (2) и (3) можно определить влияние отдельных секторов на изменение факторной эластичности ε_K , которое определяется удельным весом сектора по объему производства и изменением секторной факторной эластичности.

Для расчетов по уравнениям (2) и (3) существует два подхода. В первом строится приближенная оценка динамики факторных эластичностей. Определим линейно-однородную производственную функцию через логарифмические производные:

$$\delta_Y = \varepsilon_K \times \delta_K + (1 - \varepsilon_K) \times \delta_L + p,$$

где ε_K – эластичность по фондам, p – темп нейтрального технического прогресса, $\delta_Y = \frac{\dot{Y}}{Y}$, $\delta_K = \frac{\dot{K}}{K}$, $\delta_L = \frac{\dot{L}}{L}$, – логарифмические производные, $K(t)$ – стоимость основных фондов (кумулятивные инвестиции за несколько лет).

Тогда эластичность по фондам при нулевом темпе нейтрального технического прогресса выражается через отношение разности логарифмических производных:

$$\varepsilon_K = \frac{\delta_Y - \delta_L}{\delta_K - \delta_L}.$$

Переходя к приростам показателей по сглаженным данным, приходим к следующему соотношению:

$$\varepsilon_K = \frac{(Y(t) - Y(t-1))/Y(t-1) - (L(t) - L(t-1))/L(t-1)}{(K(t) - K(t-1))/K(t-1) - (L(t) - L(t-1))/L(t-1)}. \quad (4)$$

Во втором подходе, учитывая результаты анализа графиков, строятся простые VES-функции на основе производственной функции Кобба – Дугласа, в которых факторные эластичности зависят от времени, фондов (суммарных инвестиций) или других показателей.

Для оценки влияния структурных сдвигов используются полученные ранее соотношения, связывающие нейтральный по Хиксу технический прогресс с параметрами производственных функций секторов [4], [5]:

$$p = \sum_i p_i \times \frac{Y_i(t)}{Y(t)} + \varepsilon_0, \quad (5)$$

$$\varepsilon_0 = \sum_i (\varepsilon_K \times (\delta_{K_i} - \delta_K) + \varepsilon_L \times (\delta_{L_i} - \delta_L)) \times \frac{Y_i(t)}{Y(t)}, \quad (6)$$

где ε_0 – влияние структурных сдвигов.

Оценки факторных эластичностей также могут производиться по сглаженным данным и на основе расчетов VES-функций. В результате расчетов определится вклад секторов в темп нейтрального технического прогресса и вклад структурных сдвигов. Полученный нейтральный технический прогресс p будет меняться в течение рассматриваемого периода в зависимости от активности структурных сдвигов и внутрисекторных изменений.

Полученные параметры производственных функций секторов могут использоваться для расчетов оптимального распределения ресурсов между секторами. Оптимальная структура

определяется на основе модели, построенной для двух уровней, описываемых производственными функциями, в которой использованы простейшие ограничения по основным параметрам. Для максимизации производства задача выглядит следующим образом [5]:

$$\begin{aligned}
 Y(t) &= \sum_i Y_i(t) = \sum_i F_i(K_i(t), L_i(t), t) \rightarrow \max, \\
 K(t) &= \sum_i K_i(t), \quad L(t) = \sum_i L_i(t), \quad (7) \\
 K_i(t) &\geq 0, \quad L_i(t) \geq 0, \quad \varepsilon_{K_i} > 0, \\
 \varepsilon_{L_i} > 0, \quad \varepsilon_{K_i} + \varepsilon_{L_i} < 1, \quad \overline{i=1, N}
 \end{aligned}$$

Предполагается, что сектора слабо взаимосвязаны – изменение показателей одного из них не влияет на параметры функций других. Тогда получаем условия оптимального распределения ресурсов [5]:

$$\begin{aligned}
 \frac{\varepsilon_{K_i} \times Y_i(t)}{K_i(t)} &= \frac{\varepsilon_{K_j} \times Y_j(t)}{K_j(t)}, \quad (8) \\
 \frac{\varepsilon_{L_i} \times Y_i(t)}{L_i(t)} &= \frac{\varepsilon_{L_j} \times Y_j(t)}{L_j(t)}, \quad \overline{i=1, N}, \quad \overline{j=1, M}
 \end{aligned}$$

Оптимальное распределение находится последовательным решением нескольких нелинейных уравнений стандартными методами. Если принять, что функции имеют одинаковые степени однородности, тогда система преобразуется в уравнение относительно соотношения показателей.

Данные. Для проведения расчетов собиралась информация за 1990–2012 годы по развитию экономики России, основных отраслей (видов деятельности) и регионов. Рассматривались следующие показатели: ВВП, ВДС по отраслям, ВРП, численность занятых и их структура, основные фонды и их структура, инвестиции и их структура, а также некоторые другие показатели. Источник данных – статистические справочники и сайт ФСГС [9], [10], [11].

Исходные данные преобразованы в сопоставимый вид, за основу были взяты динамические ряды с сайта ФСГС (индексы и показатели в ценах 2008 года). Данные пересчитывались в индексы относительно 2008 года.

Основная проблема для построения рядов сопоставимых данных – переход от отраслей к видам деятельности. Поэтому за период 1990–2004 годов данные пересчитывались, используя имеющуюся в разных источниках информацию.

Следующая проблема – спорность индексов цен за период реформ, в данном случае проводились расчеты по альтернативным данным Воскобойникова и Бессонова (данные по основным фондам и инвестициям) [2]. Но все равно пришлось исключить данные за 1990–1994 годы – динамика показателей труднообъяснима. Со-

кратить период расчетов из-за невозможности получить разумные данные (изменение методик) пришлось и для расчетов по регионам, были исключены данные за 1990–1995 годы. В некоторых случаях вводились дополнительные ограничения, дополнительные факторы при использовании динамики основных фондов.

Еще одна проблема – неадекватность использования основных фондов, которые в 1990-х годах недоиспользовались, и спорность методики пересчета фондов в условиях быстрого роста цен. В таком случае возникала необходимость использования загрузки мощностей при использовании данных по основным фондам (средняя по всем видам или выбор представителя) или замены основных фондов на данные по кумулятивным инвестициям, обычно за пять лет.

Первоначально выделялись пять отраслей (видов деятельности) – сельское и лесное хозяйство, промышленность, транспорт и связь, оптовая и розничная торговля и прочие. Соответственно в ходе расчетов оценивалось влияние каждой из этих отраслей и структурных сдвигов между ними на динамику эффективности российской экономики. В дальнейшем предполагается рассмотреть и другие отрасли. В региональной структуре выделялось четыре крупнейших региона, в технологической – три уровня.

Структура российской экономики заметно изменилась. В два раза сократилась доля сельского хозяйства, заметно уменьшилась доля транспорта и выросла доля прочих отраслей. После роста в 1990-х годах стала уменьшаться доля торговли. После девальвации рубля в 1998 году увеличивалась доля промышленности, но кризис 2009 года сильно ударил по обрабатывающей промышленности. Развитие промышленности в последующие годы было медленным, и ее доля в ВВП уменьшилась. Менее значительные изменения произошли в региональной структуре экономики и структуре по технологическим уровням.

При анализе данных по экономике в целом и по секторам составлялись сопоставимые ряды, строились их графики, сравнивались данные из разных источников. Для уточнения данных определялись производные показатели, приросты и темпы прироста, строились их графики. Далее с использованием графиков показателей анализировались их возможные взаимосвязи. В результате формировались гипотезы о виде производственных функций, возможной динамике параметров.

Результаты расчетов. Для расчетов использовались стандартные пакеты обработки данных Excel и Statistica, таблицы и графики строились в Excel. На основе разработанной ранее методики по результатам специального анализа по каждому из секторов и экономике России в целом была проведена оценка параметров производственных

функций. Предварительная оценка динамики параметров была сделана на основе построения графиков и расчетов по упрощенным моделям и сглаженным данным. Расчеты оптимальной структуры велись по специально разработанной программе на языке С+ [4].

Производительность труда падает в 1991–1996 годах, падает она в большинстве отраслей, положительное влияние структурных сдвигов незначительно. С 1999 года начинается рост производительности труда на 4–7 % ежегодно, лишь в 2009 году она падает. Влияние структурных сдвигов на рост производительности труда до 2003 года заметно, в отдельные годы достигает 39 % от всего прироста. А с 2004 года оно вновь незначительно, не превышает 4 % прироста, а в течение четырех лет отрицательно – растет доля отраслей с более низкой производительностью труда.

Рост производительности труда в большей степени определяется модернизацией производства в отраслях экономики, за 1995–2012 годы она увеличилась на 83 %. Почти половину общего прироста обеспечивает промышленность – 47 %, немного меньше влияние прочих отраслей – 44 %. Влияние сельского хозяйства, транспорта и связи незначительно, не превышает 3 %. Торговля в отдельные годы обеспечивает до половины прироста или падения производительности труда, но в целом за 1995–2012 годы ее влияние практически равно нулю. В периоды кризисов и после них производительность труда в торговле сильно колеблется, намного больше, чем в других отраслях, что определяет повышенное влияние в отдельные годы. В 2012 году рост производительности труда в России минимальный – 3 %, что связано с замедлением ее роста в промышленности, за счет промышленности производительность труда в целом по экономике выросла в 2012 году только на 0,4 %.

Производительность труда растет, хотя и этот рост замедляется, возникает вопрос цены роста – какой объем инвестиций он обеспечивает, соответственно, надо исследовать соотношение роста и затрат ресурсов.

Эластичность по фондам российской экономики, рассчитанная по формуле (4), оказывается в конце 1990-х – начале 2000-х годов выше единицы, что показывает наличие в этот период высокой величины темпа нейтрального технического прогресса. Затем эластичность снижается и немного возрастает в последние два года, что связано с восстановлением экономики после кризиса. Расчеты параметров производственных функций РФ проводились по основным фондам и кумулятивным инвестициям. Исследовались функция Кобба – Дугласа и созданные на ее основе VES-функции. Для основных фондов результаты удалось получить при хороших статистических характеристиках ($R^2 = 0,99$, $F = 2290$)

лишь при снижающемся техническом прогрессе после 2005 года, например для функции Кобба – Дугласа ($\varepsilon_K = 0,73$, $\varepsilon_L = 0,27$) с $p = 0,056$ до $p = 0,011$.

Для оценки влияния отдельных отраслей на агрегированную эластичность по фондам проводились расчеты по формулам (2) и (3). Были проведены расчеты по формуле (4) и построены функции Кобба – Дугласа для пяти отраслей за последние 15 лет, наибольшее значение эластичности по фондам оказалось у промышленности $\varepsilon_K = 0,70$ и прочих отраслей $\varepsilon_K = 0,68$, заметно ниже у транспорта и связи $\varepsilon_K = 0,31$, торговли $\varepsilon_K = 0,28$ и совсем низкое у сельского хозяйства $\varepsilon_K = 0,03$.

В итоге оказалось, что в 1990-х годах основной вклад в величину эластичности вносила промышленность, некоторое время был значим вклад сельского хозяйства, но он быстро упал почти до нуля. Постепенно рос вклад прочих отраслей. В 2000-х годах основной вклад в прирост принадлежал прочим отраслям – более половины. Доля промышленности составляла около трети, остальных трех отраслей – не превышала 4 %.

Влияние структурных сдвигов определялось по формуле (6), оно оказалось значимо. В середине 1990-х годов прирост за счет структурных сдвигов составлял примерно 1,5 %, затем он стал снижаться и к 2002 году упал до 1 %, к 2005-му – до нуля, в последние годы влияние структурных сдвигов отрицательно и составляет примерно 0,6 %.

Расчеты по регионам проводились за 1995–2011 годы. За период с 1995 по 2011 год наибольшее влияние оказала Москва, в среднем 17 % прироста производительности труда в РФ было связано с развитием московской экономики, а в отдельные годы эта цифра доходила до 40 %. Влияние остальных регионов существенно меньше: Тюменская область обеспечила 7 % прироста (в отдельные годы было до 10 %), Санкт-Петербург и Московская область – примерно по 5 %. Примерно 2/3 прироста происходило за счет остальных регионов России.

Влияние межрегиональных структурных сдвигов, с одной стороны, было заметным, в отдельные годы до 38 % прироста производительности труда было связано с изменением региональной структуры, с другой стороны, в целом за весь период влияние практически отсутствует. Из 15 лет восемь раз структурные сдвиги уменьшали прирост производительности труда (росла доля низкоэффективных регионов) и семь раз увеличивали (росла доля высокоэффективных регионов).

Влияние регионов на величину эластичности по фондам оказалось несколько отличным, неожиданно высоким было влияние Москвы, примерно 40 % в 2000-х годах. Влияние Санкт-Петербурга и Московской области оказалось небольшим – примерно 3 %. Сильнее влияла Тю-

менская область – примерно 9 %, а в середине 2000-х годов – до 18 %. Влияние остальных регионов России оказалось немного больше, чем Москвы, – 44 %. Влияние структурных сдвигов было незначительным, обычно оно не превышало 0,1 %, лишь в 1999–2000 годах оно было больше 1 %.

Обсуждение. В дореформенный период эластичность по фондам советской экономики росла до 1966 года, затем падала до 1978-го и росла до 1986-го. Ее изменение практически полностью определялось двумя отраслями – примерно на 2/3 промышленностью и на 1/3 сельским хозяйством [4]. В 1990-х годах эластичность была отрицательна, в 1998–1999 годах максимальна, затем начала падать и немного увеличилась после кризиса 2009 года. Сейчас динамика эластичности определяется прочими отраслями и на 1/3 – промышленностью.

Влияние структурных сдвигов на рост советской экономики было небольшим, так как сильных структурных сдвигов не было. Лишь в 1962–1964 и 1968–1970 годах общее влияние структурных сдвигов составляло почти 0,5 % прироста общего выпуска продукции. В 1964–1968 годах структурная составляющая темпа прироста выпуска была 0,3–0,4 %, после 1971-го она была близка к нулю, а после 1975-го составляла примерно 0,1 % [4]. В период активных реформ 1990-х годов вклад структурных сдвигов в прирост ВВП составлял 1,5 %, затем он стал снижаться, а после 2005 года стал отрицательным – растет доля низкоэффективных отраслей с более низкой производительностью труда и отдачей от инвестиций.

В 1970-х и 1980-х годах оптимальный выпуск превышает фактический на 38–46 %. Фиксация структуры занятых (проверка оптимальности распределения инвестиций) уменьшает разницу, но она остается значительной – 16–19 %, значит, распределение инвестиций далеко от оптимального. Фиксирование структуры фондов позволяет проверить распределение рабочей силы

по отраслям. Незначительная разница (3–7 %, а в некоторых расчетах и 1–2,5 %) показывает, что распределение рабочей силы было близко к оптимальному [4].

Ближе всего к фактической оптимальной отраслевой структуре при ограничении на структуру выпуска продукции (2–4 %, а в 1980-х годах – около 1 %). Это означает, что для укрупненных отраслей экономики СССР выдерживались определенные соотношения между ними, несмотря на разную эффективность отраслей, поэтому данный критерий оптимальности соответствует в данном случае реальности [4].

В 2000-х годах резко увеличилась разница реального и оптимального распределения ресурсов, оптимальный превышает фактический на 100–105 %. Фонды максимально перетекают в прочие отрасли, занятые – в торговлю. Немного меньше разница при фиксации структуры по труду или фондам, при фиксации структуры производства разница 35–40 %.

В промышленности СССР было выделено три технологических уровня по степени автоматизации и механизации, эластичность по фондам которых существенно различается. Для высокотехнологичного производства она составляет 0,7–0,8 и лишь в 1980-е годы упала до 0,5, а на остальных уровнях производства эластичность ε_K снижалась и находилась в пределах 0,1–0,3. До середины 1980-х годов динамика факторных эластичностей определялась среднетехнологичным производством. После 1990 года эластичность определяется прочими и низкими среднетехнологичными производствами, эластичность ε_K прочих невысока.

Фактически можно сказать, что по сравнению с дореформенным периодом увеличилось влияние структурных сдвигов на основные экономические показатели России, другие сектора стали определять динамику эффективности российской экономики и отличие реальной и оптимальной структуры российской экономики стало значительно больше.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бессонов В. А. Проблемы анализа российской макроэкономической динамики переходного периода. М.: ИЭПП, 2005. 244 с.
2. Бессонов В. А., Воскобойников И. Б. Динамика основных фондов и инвестиций в российской переходной экономике. М.: ИЭПП, 2006. 62 с.
3. Горбунов В. К., Львов А. Г. Построение производственных функций по данным об инвестициях // Экономика и математические методы. 2012. № 2. С. 95–107.
4. Дружинин П. В. Развитие экономики приграничных регионов в переходный период. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2005. 245 с.
5. Дружинин П. В. Расчет параметров народнохозяйственных и региональных агрегированных производственных функций // Экономика и математические методы. 1990. № 5. С. 891–896.
6. Зойдов К. Х., Ильин М. В. Анализ и регулирование циклического характера развития макроэкономической динамики стран постсоветского пространства // Экономика и математические методы. 2011. № 2. С. 59–72.
7. Зоркальцев В. И. Агрегирование экономических субъектов. Иркутск: ИСЭМ СО РАН, 2000. 24 с.
8. Москальонов С. А., Беннер А. П. Регрессионная оценка инновационного потенциала регионов России как фактора поддержания экономического роста // Вестник Университета (ГУУ). 2010. № 1. С. 264–268.
9. Регионы России. Социально-экономические показатели, том 2, 2001: Стат. сб. / Госкомстат. М., 2001. 344 с.
10. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012: Стат. сб. / Росстат. М., 2012. 990 с.
11. Российский статистический ежегодник. 2012: Стат. сб. / Росстат. М., 2012. 806 с.

12. Сухарев М. В. Компаративная экономика и теория модернизации. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2011. 104 с.
13. Barro R., Sala-i-Martin X. Economic Growth. McGraw-Hill, Inc. 1995. 539 p.
14. Felipe J., Fisher F. Aggregate production functions, neoclassical growth models and the aggregation problem // Estudios de Economia Aplicada. 2006. Vol. 24-1. P. 127–163.
15. Felipe J., McCombie J. S. L. How Sound are the Foundations of the Aggregate Production Function? // Eastern Economic Journal. 2005. Vol. 31. P. 467–488.
16. Leontief W. W. Introduction to a Theory of the Internal Structure of Functional Relationships // Econometrica. 1947. Vol. 15(4). P. 361–373.

Druzhinin P. V., Institute of Economy, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russian Federation)
Belyy E. K., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

MODELING OF STRUCTURAL SHIFTS IN RUSSIAN ECONOMY

The structure of Russian economy by sectors (industrial, regional, and technological levels) is considered in the article. Dynamics of indicators characterizing efficiency of the Russian economy is considered. The influence of individual sectors and structural changes are evaluated. Economic models helping to evaluate the ultimate effect on meso- and macro levels are constructed. The models combine equation parameters of different levels. Calculations were carried out by the models. As a result, it was found out that structural economic changes had a positive effect in the 90s and negative results in the 2000s.

Key words: labor productivity, efficiency, production function, industry, region, level of technology, elasticity

REFERENCES

1. Bessonov V. A. *Problemy analiza rossiyskoy makroekonomicheskoy dinamiki perekhodnogo perioda* [Problems of Russian macroeconomic analysis of transitional period dynamics]. Moscow, IETP Publ., 2005. 244 p.
2. Bessonov V. A., Voskoboynikov I. B. *Dinamika osnovnykh fondov i investitsiy v rossiyskoy perekhodnoy ekonomike* [Dynamics of fixed assets and investments in Russian economy in transition]. Moscow, IETP Publ., 2006. 62 p.
3. Gorbunov V. K., L'vov A. G. Construction of production functions for investment data [Postroenie proizvodstvennykh funktsiy po dannym ob investitsiyakh]. *Economics and Mathematical Methods*. 2012. № 2. P. 95–107.
4. Druzhinin P. V. *Razvitie ekonomiki prigranichnykh regionov v perekhodnyy period* [Economic development of the border regions in the transition period]. Petrozavodsk, KRC RAS Publ., 2005. 245 p.
5. Druzhinin P. V. Account of parameters of macroeconomic and regional aggregated production functions [Raschet parametrov narodnokhozyaystvennykh i regional'nykh agregirovannykh proizvodstvennykh funktsiy]. *Economics and Mathematical Methods*. 1990. № 5. P. 891–896.
6. Zoidov K. Kh., Il'in M. V. Analysis and regulation of the cyclical nature of the macroeconomic dynamics of post-Soviet countries [Analiz i regulirovanie tsiklicheskogo kharaktera razvitiya makroekonomicheskoy dinamiki stran postsovetского prostranstva]. *Economics and Mathematical Methods*. 2011. № 2. P. 59–72.
7. Zorkal'tsev V. I. *Agregirovanie ekonomicheskikh sub'ektov* [Aggregation of economic subjects]. Irkutsk, ESI SB RAS Publ., 2000. 24 p.
8. Moskal'onov S. A., Benner A. P. Regression estimation of the innovation potential of Russian regions as a factor in sustaining economic growth [Regressionnaya otsenka innovatsionnogo potentsiala regionov Rossii kak faktora podderzhaniya ekonomicheskogo rosta]. *Bulletin of the University (SUM)*. 2010. № 1. P. 264–268.
9. *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2001* [Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2001]. Yearbook / FSSS. Moscow, 2001. 344 p.
10. *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2012* [Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2012]. Yearbook / FSSS. Moscow, 2012. 990 p.
11. *Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik. 2012* [Russian Statistical Yearbook. 2012]. Yearbook / FSSS. Moscow, 2012. 806 p.
12. Sukharev M. V. *Komparativnaya ekonomika i teoriya modernizatsii* [Comparative economics and modernization theory]. Petrozavodsk, KRC RAS Publ., 2011. 104 p.
13. Barro R., Sala-i-Martin X. Economic Growth. McGraw-Hill, Inc., 1995. 539 p.
14. Felipe J., Fisher F. Aggregate production functions, neoclassical growth models and the aggregation problem // Estudios de Economia Aplicada. 2006. Vol. 24-1. P. 127–163.
15. Felipe J., McCombie J. S. L. How Sound are the Foundations of the Aggregate Production Function? // Eastern Economic Journal. 2005. Vol. 31. P. 467–488.
16. Leontief W. W. Introduction into the Theory of Internal Structure of Functional Relationships // Econometrica. 1947. Vol. 15(4). P. 361–373.

Поступила в редакцию 21.04.2014

ЕВГЕНИЙ МИТРОФАНОВИЧ МАРТИШИН

кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики и международных отношений экономического факультета, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)
martishin@bk.ru

ЭВОЛЮЦИОННО-ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ «ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЧУДА»

Цель статьи – определение эволюционно-институциональных механизмов экономического роста и развития, задачи – выявление методологического инструментария, в частности генотипической матрицы – системы образования конечных хозяйственных результатов, уровни которой соответственно формируют содержание экономических циклов, других движущих сил и факторов экономического роста и развития. Обосновываемые процессы верифицируются историко-эмпирическим материалом стран существенного роста и развития. Автор полемизирует с существующими в литературе подходами к основным истокам экономического роста и развития. «Экономическое чудо» наблюдается, когда экономическая политика страны или региона совпадает с логикой и направлениями действия выявленных эволюционно-институциональных экономических механизмов.

Ключевые слова: экономическая эволюция, экономические институты, экономический генотип, «экономическое чудо»

Проблема источников экономического роста и развития особенно актуальна на фоне современной экономической динамики в мире, России и ее регионах. Значение экономического роста трудно переоценить: он способствует саморазвитию экономики и прогресса, решению многих финансовых проблем, росту занятости, социальной сферы, доходов, уровня жизни и др. Критический анализ современных теоретических моделей роста и развития представлен в литературе. «Исследования отчетливо показывают, пусть и запоздало, насколько ошибочными были прежние рецепты (некоторые из них используются до сих пор) обеспечения экономического роста» [3; 18–19]. Экономическая наука не смогла «правильно объяснить основной феномен второй половины XX в.» – экономический рост группы развитых стран Запада [9; 20].

Во второй половине XX века ряд стран Европы и Восточной Азии переживали бум – Германия, Япония, другие страны. В Германии за 1950–60-е годы ВВП вырос более чем в два раза, а к середине 60-х утроился. Среднегодовые темпы ВВП за этот период составили 8,6 %, индекс промышленного производства достиг 249 %. Безработица составляла менее 1 %. За 1957–1973 годы ВВП Японии увеличился в 6,5 раза, а объем промышленного производства – почти в 10 раз [2; 122], [10; 112–114]. Феномен «экономического чуда» наблюдался в Республике Корея, Сингапуре, Гонконге, Тайване и др.; позднее – в регионе Юго-Восточной Азии, Китае. Эти экономические достижения, отмечается в литературе, не вписываются ни в какие теории. Отсюда акцентируется важность поиска новых идей в области экономики развития [11].

Экономический рост и развитие – многогранная проблема, в настоящей статье исследуются

ее эволюционно-институциональные основания. Остановимся вначале на методологических и эпистемологических посылах.

ГЕНОТИПИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

В качестве исходной гипотезы отметим, что «экономическое чудо», или значительный рост и развитие страны, происходит, когда ее реальная стратегия развития и практическая экономическая политика совпадают с содержанием генотипической модели экономической системы. Экономическая эволюция – институциональная перестройка организации и регулирования экономической системы под воздействием содержания генотипа и экономической среды. В экономической литературе понятие генотипа в основном употребляется как метафора и редко становится предметом специального исследования, содержание его не однозначно. Существуют различные трактовки экономических генов [12; 151–188], которые называют рутинами, образами памяти, инструкциями и др.

Экономический генотип – система экономических генов, «идеальная» (образец, норма) институциональная всеобщность, общая модель мировой экономической эволюции, включающая в себя прошлый опыт и социальную память системы. Экономические гены выступают единицами наследственности, детерминирующими развитие определенных признаков и свойств хозяйственной системы, контролирующими формирование ее конечных результатов, являясь носителем информации генотипа.

Существенными, устойчивыми и наследуемыми структурами генотипа в эволюционных процессах являются экономические институты. Наши исследования показывают, что по своей

структуре экономического генотипа состоит из двух взаимосвязанных типов институциональных структур. Первый, более глубинный, тип структуры составляют «вневременные» институциональные концепты. Второй – долговременные экономические процессы и их категории, составляющие генотипическую матрицу экономической системы, создающую конечные хозяйственные результаты, богатство обществ (см. приложение, категории матрицы нумеруются по строкам (1.1 и далее) и по столбцам (1.1 и далее)), детально структура и функционирование генотипа описаны в работах автора [6], [7].

Генотипическая матрица имеет четыре институциональных уровня своего функционирования и развития. Первый уровень матрицы представляет собой качественные, количественные характеристики общественного богатства и их меру в виде денег, выраженные в соответствующих экономических категориях в единстве стоимостной, полезностной и альтернативно-стоимостной парадигм.

В формировании и функционировании генотипической матрицы существуют «горизонтальные» взаимосвязи и взаимодействия экономических процессов, а также «вертикальные» взаимодействия и их категории, которые осуществляются на основе поступательности и кумулятивного эффекта, путем движения экономических ценностей по четырем основным уровням, то есть экономические процессы реализуются и во взаимосвязи, и в развитии. К примеру, оптимум межвременного потребления третьего уровня (3.9.1.9) формируется в аспекте единства оптимума потребительского выбора (1.9.1.9) и оптимума производственного выбора (2.9.1.9), а оптимальность на рынках факторов производства (4.9.1.9) (четвертого уровня) формируется с учетом единства оптимума производственного выбора (2.9.1.9) и оптимума межвременного потребления (3.9.1.9).

Уровни генотипической матрицы, таким образом, составляют цепь элементов формирования доходов и их понятий. Деньги – заключительный пункт первого уровня матрицы, являются формой движения капитала и начальным пунктом ее второго уровня. Превращение денег в капитал и его результаты, технологический базис, процессы накопления и дальнейшего развития спроса и предложения как на микро- (фирмы), так и макроуровнях составляют содержание данного уровня матрицы. Сущность капитала проявляется в его формах. В качестве последних выступает кругооборот капиталовложений. Основные этапы формирования матричной информации связаны с последовательным движением экономических процессов и соответствующих понятий, их присоединением к общей цепи до уровня конечных результатов экономической системы – четвертого уровня матри-

цы. Важно, чтобы эта взаимосвязь матричных уровней не прерывалась, а также не существовало институциональных и иных препятствий в формировании конечных результатов. Уровни развития матрицы экономической системы можно в определенных аспектах назвать, используя терминологию В. И. Маевского [5; 32], «макрогенерациями» системы.

Названные матричные уровни экономической системы эволюционируют циклически, тем самым определяются этапы и типы генотипических циклов как движущие силы и факторы мирового эволюционного процесса. Это прежде всего товарно-рыночный или товарно-денежный цикл, завершающийся соответствующим кризисом. Доминантные процессы данного цикла – движение товаров и денег, их спроса и предложения, рыночное формирование цен и т. д. Содержание последующего производственно-технологического цикла – доминирование процессов производства, технологического базиса и его обновления, активная разработка и внедрение инноваций, процессов накопления и воспроизводства капитала, модернизационных изменений в технике и технологии, которые выступают источниками экономического подъема. Структурно-инвестиционный цикл и кризис характеризуются значительными объемами инвестиций в основной капитал и в изменение оборотного капитала, структурными проблемами. Тиражируются инновации, создаются новые отрасли и сферы, старые претерпевают модернизационные изменения. При этом содержание и проблемы предшествующих циклов входят в последующий цикл, хотя и не играют там господствующей роли. Финансовые (денежные) проблемы, к примеру, сопровождают последующие циклы и кризисы. Конечный цикл и системный кризис связаны с переходом системы от одного длинноволнового этапа развития к другому, к примеру, от этапа классического капитализма к неклассическому или от одного институционально-экономического уклада развития (консервативного или либерального) к другому.

ФОРМИРОВАНИЕ И СУЩНОСТЬ «ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЧУДА»

Выделенные генотипические циклы проявляются в реальных исторических циклах и кризисах с учетом особенностей стран и регионов. Не останавливаясь детально на истории экономической цикличности, приведем лишь фрагмент этих процессов после мирового системного кризиса 1929–1933 годов. Посткризисный новый курс того времени основывался на консервативной экономической модели – государственного регулирования экономики; доминантой политики на этапе товарно-рыночного или

товарно-денежного цикла 1933–1937–1938 годов было, прежде всего в США, регулирование платежеспособного спроса, чему способствовали и кейнсианские рецепты. Действие последующего производственно-технологического цикла 1937–1938 – 1948–1949 годов модифицировала война, но она стимулировала «третью» промышленную революцию – развитие качественной металлургии, атомной энергии, первые ЭВМ и др. Цикл 1948–1949 – 1957–1958 годов определяется как структурно-инвестиционный: растут инвестиции в основной капитал с его ускоренной амортизацией, расширяются производственные мощности под воздействием научно-технического прогресса и структурных сдвигов в экономике, развивается жилищное строительство и производство автомобилей. 1957–1958 – 1973–1975 годы – конечный цикл и системный кризис, характеризуются переходом от «государственного регулирования экономики» к «либеральной модели» в рамках постнеклассического этапа развития капитализма. В послевоенный период в ряде стран возникает феномен «экономического чуда». Определим его основные причины.

1. Логика стратегии модернизации и развития в этих странах отражала общую логику экономической эволюции. В Греции, Японии, Тайване, Китае, других странах реформы начинались со сферы сельского хозяйства, цель реформ состояла в основном в передаче в различных формах определенных прав (на землю) реально работающим на земле, тем самым закладывались или развивались основы предпринимательства.

2. В Германии, Италии, Греции, Японии и др. в рассматриваемый период проводилась консервативная (в экономическом смысле) политика государственного регулирования экономики. Термин «социальная рыночная экономика», к примеру, в Германии, был впервые введен в 1946 году А. Мюллером-Армаком, который писал, что «социальное рыночное хозяйство нельзя рассматривать как разновидность неолиберализма... Сходство с неолиберализмом нет необходимости отрицать; мы обязаны ему многими важными идеями, но, в то время как неолиберализм рассматривает механизм конкуренции как единственный принцип организации, концепция социального рыночного хозяйства выросла из других корней...». Социальное рыночное хозяйство связано с государством и обществом, его «целью... является координация между сферами жизни, представленными рынком, государством и социальными группами» [8; 55].

3. Логика экономической политики этих стран отражала последовательность выделенных экономических циклов: первоначально стимулировался спрос, развивались товарно-денежные отношения, проводились денежные реформы.

Затем происходило обновление технологической базы, а с 1950-х годов активно реализовывалась структурно-инвестиционная политика, совпадающая со структурно-инвестиционным циклом, и т. д.

4. «Длинные волны», включающие в себя выделенные генотипические циклы, отражали последовательность чередования стадий консерватизма, либерализма, их единства. Активное государственное регулирование во второй половине 1970-х годов и в последующем не приносило уже должного эффекта в странах, проводивших такую политику, поскольку доминантой была либеральная модель экономики. Старые механизмы социального рыночного хозяйства, к примеру, в Германии уже не срабатывали, а к новой модели в 1980–90-е годы страна не перешла [1; 87, 90], «экономическое чудо» завершилось.

В Японии послевоенные земельные и финансовые реформы, развитие предпринимательства способствовали расширению внутреннего рынка. Основу развития промышленности составлял возраставший спрос предприятий на инвестиционные товары. «Переход ведущей роли в экономическом развитии к инвестиционному спросу привел к формированию со второй половины 1950-х годов специфического механизма роста, получившего название “инвестиции, вызывающие инвестиции”», и основанного на высокой норме накопления и мультипликационном эффекте инвестиций в развитие новых производств и переоборудование старых». Предпосылками поддержания инвестиционного спроса являлись заимствования Японией иностранной техники и технологий, политика государства, направленная на поощрение инвестиций, наличие квалифицированной рабочей силы, развитой инфраструктуры и др. [4; 12–14]. Но государственные программы стимулирования экономики с конца 1970-х годов уже не давали ожидаемых результатов.

Последовательность циклов развития страны, совпадающую с логикой выделенных генотипических циклов, можно привести на примере Республики Корея и этапов развития ее «экономического чуда»:

- до 1960-х годов – формирование рыночных отношений, денежная реформа;
- 1962–1966 годы – первый пятилетний план: ускоренная индустриализация страны, наращивание экспорта как механизма формирования дополнительного спроса;
- 1967–1971 годы – второй пятилетний план: выделение отраслей – «полюсов роста», структурная перестройка, рост инвестиций;
- 1972–1976 годы – третий пятилетний план: преемственность с предшествующими пятилетками, рост жизненного уровня населения;
- 1977–1981 годы – четвертый пятилетний план: либерализация хозяйственной жизни, внедрение индикативного планирования, открытие

внутреннего рынка для иностранных производителей;

• 1982–1986 годы – пятый пятилетний план: развитие наукоемкого сектора и т. д.

Эволюционно-институциональная методология позволяет выделить основные механизмы развития, в частности структуру генотипической матрицы, основные уровни которой комплексно отражают движущие силы и факторы социально-экономических изменений, мотивы, направления производства (синтеза) и максимизации конечных результатов хозяйствования, богатства обществ. Такими основными направлениями являются: производство новых товаров и услуг, дифференциация деятельности и расширение спроса, его денежное обеспечение; инве-

стиции с целью новых изобретений, технологий; инвестиции с целью тиражирования инноваций, обновления основного капитала, совершенствования производственной структуры и инфраструктуры; справедливое распределение доходов, увеличивающее сферу потребления, и др. Эти направления реализуются через генотипические циклы. «Экономическое чудо» стран и регионов происходит, когда их стратегия развития совпадает с логикой генотипических циклов – эволюционно-институциональных факторов роста и развития, тем самым минимизируются трансакционные издержки институциональной структуры и определяется оптимальная траектория развития экономической системы страны или региона.

Приложение

ГЕНОТИПИЧЕСКАЯ МАТРИЦА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

1.1.1.1 - товарное богатство (стоимость); 1.2.1.2 - потребительная стоимость; 1.3.1.3 - меновая стоимость; 1.4.1.4 - экономические блага (полезность); 1.5.1.5 - общая и 1.6.1.6 - предельная полезности; 1.7.1.7 - бюджетное ограничение (альтернативная стоимость); 1.8.1.8 - кривые безразличия; 1.9.1.9 - оптимум потребительского выбора;

1.1.2.1 - количество и 1.2.2.2 - величина стоимости; 1.3.2.3 - количественные стоимостные отношения; 1.4.2.4 - величины спроса и 1.5.2.5 - предложения; 1.6.2.6 - их равновесие; 1.7.2.7 - индивидуальный спрос (эффекты); 1.8.2.8 - рыночный спрос и эластичность; 1.9.2.9 - потребительский излишек;

1.1.3.1 - деньги как мера стоимости; 1.2.3.2 - средства обращения и 1.3.3.3 - сохранения стоимости; 1.4.3.4 - величины спроса на деньги и 1.5.3.5 - предложения денег; 1.6.3.6 - равновесие величин спроса и предложения денег; 1.7.3.7 - частичный спрос на денежные остатки (эффекты); 1.8.3.8 - общий спрос на денежные остатки и денежные агрегаты; 1.9.3.9 - оптимум денежных запасов.

2.1.1.1 - капитал; 2.2.1.2 - капиталистическая собственность; 2.3.1.3 - капиталистический процесс производства; 2.4.1.4 - производственная функция; 2.5.1.5 - общий и 2.6.1.6 - предельный продукты; 2.7.1.7 - изокосты; 2.8.1.8 - изокванты; 2.9.1.9 - оптимум производственного выбора;

2.1.2.1 - капиталистические издержки; 2.2.2.2 - величина капитала; 2.3.2.3 - прибавочная стоимость; 2.4.2.4 - величина спроса и доходы фирмы; 2.5.2.5 - ее издержки и предложение фирмы; 2.6.2.6 - равновесие спроса и предложения фирмы; 2.7.2.7 - индивидуальное предложение (эффекты); 2.8.2.8 - рыночное предложение; 2.9.2.9 - излишек производителя;

2.1.3.1 - материально-техническая база капитализма; 2.2.3.2 - накопление капитала; 2.3.3.3 - первоначальное накопление капитала и его тенденции; 2.4.3.4 - потребительский и инвестиционный спрос; 2.5.3.5 - равновесие доходов и расходов; 2.6.3.6 - равновесный выпуск и мультипликатор; 2.7.3.7 - эффекты государственных расходов и налогов; 2.8.3.8 - сбалансированность государственного бюджета; 2.9.3.9 - автоматические стабилизаторы.

3.1.1.1 - стадии кругооборота капитала; 3.2.1.2 - его функциональные формы; 3.3.1.3 - кругооборот форм капитала; 3.4.1.4 - капиталовложения; 3.5.1.5 - общие и 3.6.1.6 - предельные капиталовложения; 3.7.1.7 - межвременное бюджетное ограничение потребления; 3.8.1.8 - кривые безразличия временных предпочтений потребления; 3.9.1.9 - оптимум межвременного потребления;

3.1.2.1 - основной, оборотный капиталы, износ; 3.2.2.2 - реальный оборот капитала; 3.3.2.3 - время оборота капитала; 3.4.2.4 - спрос на инвестиции и доходность инвестиций; 3.5.2.5 - предложение инвестиций; 3.6.2.6 - их цена и равновесный объем инвестиций; 3.7.2.7 - индивидуальные спрос и предложение инвестиций (эффекты); 3.8.2.8 - рыночные спрос и предложение инвестиций; 3.9.2.9 - дисконтный доход;

3.1.3.1 - совокупный общественный продукт; 3.2.3.2 - условия его реализации; 3.3.3.3 - формирование равновесия совокупных спроса и предложения; 3.4.3.4 - валовый общественный продукт и совокупный спрос; 3.5.3.5 - валовый общественный продукт и совокупное предложение; 3.6.3.6 - равновесие совокупных спроса и предложения (в условиях циклических колебаний); 3.7.3.7 - эффекты и формирование совокупного спроса на инвестиции; 3.8.3.8 - фискальная политика и эффект вытеснения инвестиций; 3.9.3.9 - эффект акселератора.

4.1.1.1 - общественные, отраслевые и индивидуальные издержки, прибыль и норма прибыли; 4.2.1.2 - рынки факторов производства (ресурсов); 4.3.1.3 - внутриотраслевая и межотраслевая конкуренции; 4.4.1.4 - предельные издержки и 4.5.1.5 - предельная доходность факторов производства (ресурсов); 4.6.1.6 - равновесная прибыль; 4.7.1.7 - ограниченность ресурсов в условиях общего равновесия; 4.8.1.8 - равновесие изоквант; 4.9.1.9 - оптимальность равновесия на рынках факторов производства;

4.1.2.1 - первичные доходы факторов производства; 4.2.2.2 - перераспределение доходов; 4.3.2.3 - торговый капитал и торговая прибыль; 4.4.2.4 - величина спроса на факторы производства (ресурсы); 4.5.2.5 - их предложение; 4.6.2.6 - цена и равновесие факторов производства (ресурсов); 4.7.2.7 - индивидуальные и 4.8.2.8 - рыночные спрос и предложение факторов производства (ресурсов); 4.9.2.9 - экономическая рента;

4.1.3.1 - цены (предприятия, оптовые, розничные); 4.2.3.2 - ВВП (ВВП), национальный доход, личный располагаемый доход; 4.3.3.3 - кредитная система; 4.4.3.4 - совокупный спрос и 4.5.3.5 - совокупное предложение рынков товаров и факторов производства (ресурсов); 4.6.3.6 - равновесие совокупных спросов и предложения рынков товаров и факторов производства (ресурсов); 4.7.3.7 - совокупные спрос и 4.8.3.8 - предложение (горизонтальный, восходящий и вертикальный отрезки); 4.9.3.9 - совокупное равновесие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гутник В. П. Политика хозяйственного порядка в Германии. М.: Экономика, 2002. 271 с.
2. Дружинин Н. Л. Япония: экономическое чудо. СПб.: Питер, 2003. 272 с.
3. Истерли У. В поисках роста: приключения и злключения экономистов в тропиках. М.: Институт комплексных стратегических исследований, 2006. 362 с.
4. Лебедева И. П. Япония: промышленность и предпринимательство (вторая половина XX – начало XXI в.). М.: Вост. лит., 2007. 223 с.
5. Маевский В. Эволюционная теория и макроэкономика // Вопросы экономики. 1997. № 3. С. 27–41.
6. Мартишин Е. М. Методологический инструментарий эволюционного исследования экономики // Эволюционная и институциональная экономическая теория: дискуссии, методы и приложения / Под ред. А. Ю. Архипова, С. Г. Кирдиной, Е. М. Мартишина. СПб.: Алетейя, 2012. С. 133–157.
7. Мартишин Е. М. Эволюционная теория и эволюция теорий циклического развития // Мировой экономической кризис и тенденции развития российской экономики / Под ред. К. А. Хубнева. М.: МГУ, 2010. С. 45–54 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.econ.msu.ru/ds/1680>
8. Мюллер-Армак А. Принципы социального рыночного хозяйства // Социальное рыночное хозяйство: концепции, практический опыт и перспективы применения в России / Под ред. Р. М. Нуреева. М.: ТЕИС, 2007. С. 52–72.
9. Ольсевич Ю. «Неортодоксальный взгляд» У. Баумоля на достижения экономической науки в XX веке и ее задачи // Вопросы экономики. 2001. № 12. С. 18–37.
10. Социальное рыночное хозяйство в Германии: Истоки, концепции, практика / А. Ю. Чепуренко. М.: РОССПЭН, 2001. 208 с.
11. Сундарам Д. К. О стратегиях экономического развития // Финансы и реальный сектор: взаимодействие и конкуренция: Материалы IX Международного симпозиума по эволюционной экономике / Отв. ред. В. И. Маевский, С. Г. Кирдина. М.: Институт экономики РАН, 2012. С. 100–102.
12. Winter S. The Research Program of the Behavioral Theory of the Firm: Orthodox Critique and Evolutionary Perspective // B. Gilad and S. Kaish. Handbook of Behavioral Economics. Vol. A. Greenwich/CT: JAI Press, 1986. P. 151–188.

Martishin E. M., Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

EVOLUTIONAL AND INSTITUTIONAL FOUNDATION OF “ECONOMIC MIRACLE”

The purpose of the article is to determine the choice and selection of institutional arrangements instrumental in the economic growth and development of the country. The goal of the study is to determine the methodology of the research based on the genotypic matrix describing a particular system incorporating final economic results. The levels of the matrix are effective in the development of economic cycles' content and other significant factors influencing economic growth. “Economic miracle” occurs when economic policy of the country or the region corresponds with the institutional logic of economic processes reflected in the structure of the genotypic matrix designed to maximize the outcome of the economic system in focus.

Key words: economic evolution, economic institutions, economic genotype, “economic miracle”

REFERENCES

1. Gutnik V. P. *Politika khozyaystvennogo poryadka v Germanii* [Politics of economic order in Germany]. Moscow, Ekonomika Publ., 2002. 271 p.
2. Druzhinin N. L. *Yaponiya: ekonomicheskoe chudo* [Japan's economic miracle]. St. Petersburg, Piter Publ., 2003. 272 p.
3. Isterli U. *V poiskakh rosta: priklyucheniya i zloklyucheniya ekonomistov v tropikakh* [In search of growth: economists' adventures and failures in tropics]. Moscow, Institut kompleksnykh strategicheskikh issledovaniy Publ., 2006. 362 p.
4. Lebedeva I. P. *Yaponiya: promyshlennost' i predprinimatel'stvo (vtoraya polovina XX – nachalo XXI v.)* [Japan: industry and business (second half of the XXth - beginning of XXIth century)]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2007. 223 p.
5. Maevskiy V. Evolutionary theory and macroeconomics [Evolutsionnaya teoriya i makroekonomika]. *Voprosy ekonomiki* [Problems of Economics]. 1997. № 3. P. 27–41.
6. Martishin E. M. Methodological tools of evolutionary studies of economy [Metodologicheskii instrumentariy evolyutsionnogo issledovaniya ekonomiki]. *Evolutsionnaya i institutsional'naya ekonomicheskaya teoriya: diskussii, metody i prilozheniya* / Pod red. A. Yu. Arkhipova, S. G. Kirdinoy, E. M. Martishina [Evolutionary and Institutional Economics: debate, methods and applications]. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2012. P. 133–157.
7. Martishin E. M. Evolutionary theory and evolution of theories of cycle development [Evolutsionnaya teoriya i evolyutsiya teorii tsiklicheskogo razvitiya]. *Mirovoy ekonomicheskij krizis i tendentsii razvitiya rossiyskoy ekonomiki* [The global economic crisis and development trends of the Russian economy]. Moscow, MGU Publ., 2010. P. 45–54. Available at: <http://www.econ.msu.ru/ds/1680>
8. Myuller-Armak A. Principles of social market economy [Printsipy sotsial'nogo rynochnogo khozyaystva]. *Sotsial'noe rynochnoe khozyaystvo: kontseptsii, prakticheskiy opyt i perspektivy primeneniya v Rossii* / Pod red. R. M. Nureeva [Social Market Economy: Concepts, practical experience and application prospects in Russia]. Moscow, TEIS Publ., 2007. P. 52–72.
9. Ol'sevich Yu. “Unorthodox views” W. Baumol on the achievements of economic science in the XX century and its objectives [“Neortodoksal'nyy vzglyad” U. Baumolya na dostizheniya ekonomicheskoy nauki v XX veke i ee zadachi]. *Voprosy ekonomiki* [Problems of Economics]. 2001. № 12. P. 18–37.
10. *Sotsial'noe rynochnoe khozyaystvo v Germanii: Istoki, kontseptsii, praktika* [Social market economy in Germany: origin, concepts, practice] / A. Yu. Chepurenko. Moscow, ROSSPEN Publ., 2001. 208 p.
11. Sundaram D. K. On economic development strategies [O strategiyakh ekonomicheskogo razvitiya]. *Finansy i real'nyy sektor: vzaimodeystvie i konkurentsia: Materialy IX Mezhdunarodnogo simpoziuma po evolyutsionnoy ekonomike* / Отв. ред. V. I. Maevskiy, S. G. Kirdina [Finance and real sector: cooperation and competition. Proceedings of the IX International Symposium on Evolutionary Economics]. Moscow, Institut ekonomiki RAN Publ., 2012. P. 100–102.
12. Winter S. The Research Program of the Behavioral Theory of the Firm: Orthodox Critique and Evolutionary Perspective // B. Gilad and S. Kaish, Handbook of Behavioral Economics. Vol. A. Greenwich/CT: JAI Press, 1986. P. 151–188.

Поступила в редакцию 04.02.2014

ВИКТОРИЯ ВИКТОРОВНА ЕФИМОВА

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории, истории государства и права юридического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
efimova1870@rambler.ru

ПРОЕКТ ПЕРЕНЕСЕНИЯ ГУБЕРНСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ИЗ ПЕТРОЗАВОДСКА В ВЫТЕГРУ В 1820-Е ГОДЫ*

Впервые в полном объеме устанавливаются причины, побудившие олонецкого губернатора Т. Е. Фан-дер-Флита выйти в правительство с данным проектом; степень участия в нем архангельского генерал-губернатора С. И. Миницкого; а также процедура обсуждения и принятия конечного решения по проекту. Сделан вывод о том, что основной причиной выдвижения этого проекта были не столько интересы населения губернии, сколько очередная эскалация отношений между губернской и горной администрациями, осложненная борьбой враждующих «партий» внутри губернского аппарата. Генерал-губернатор до последней возможности защищал предложение своего протеже Фан-дер-Флита, используя все административные ресурсы своей должности. Лишь на уровне Комитета министров возобладали мнение министра финансов Е. Ф. Канкрин о нецелесообразности и дороговизне реализации этого проекта.

Ключевые слова: Олонецкая губерния, проект перенесения губернского центра, механизм обсуждения и принятия решения, роль генерал-губернатора

В первый и последний раз вопрос о переносе губернского центра из Петрозаводска в Вытегру был специально рассмотрен С. А. Левитским в 1902 году в связи с подготовкой к столетнему юбилею образования Олонецкой губернии [3]. Однако, находясь на государственной службе, автор при изложении событий 2-й половины 1820-х годов был вынужден уклониться от раскрытия всех причин, побудивших олонецкого гражданского губернатора Т. Е. Фан-дер-Флита войти в правительство с данным проектом, а его преемника П. А. Лачинова всячески сопротивляться дальнейшей его реализации, а также минимизировать роль, которую сыграл в продвижении проекта архангельский генерал-губернатор С. И. Миницкий. При помощи введения в научный оборот новых архивных документов мы попытаемся не только восполнить данные пробелы, но детально выяснить механизм продвижения, обсуждения и принятия Николаем I окончательного решения по проекту.

По мнению С. А. Левитского, «первое основательное обоснование» о необходимости перенесения губернского центра принадлежит олонецкому губернатору Т. Е. Фан-дер-Флиту. Действительно, в июле 1827 года находившийся в Санкт-Петербурге губернатор представил министру внутренних дел «Описание Олонецкой губернии», где в разделе «Губернский город» и было сделано предположение «об учреждении Вытегры губернским городом». 16 августа 1827 года по требованию министра он вновь представил выписку из «Описания». Вот ее текст: «По причине удаления от торговых сообщений и от большой почтовой (Архангельской) дороги, го-

род Петрозаводск беден, малолюднен и худо обустроен. ... По сим уважениям, с давнего времени существовало предположение перенести губернский город в другое выгоднейшее место, а именно в Вытегру. Сие последнее предположение уже многими из прежних начальников признано за основательное¹. Вытегра счастливо расположена у ключа Мариинской системы, на большой Архангельской дороге и близ озера Онеги. Нет сомнения в том, что город сей, став губернским, в короткое время будет богат и хорошо обустроен. При том же уезды Белозерский и Кирилловский, отстоящие от Вытегры (считая сухопутным окольным путем) только до 200 верст, а от губернского их города слишком 600 верст (от Новгорода), удобнее могут быть причислены к Олонецкой губернии. Тогда губерния сия выиграет весьма много и чрез приобретение народонаселения, получа с двух новых уездов (в Белозерском и Кирилловском) до 50 тысяч жителей. Такое приращение в жителях уменьшит сбор земских повинностей, ибо Олонецкая губерния, богатая пространством, но бедная жителями, исправляет такие же и еще большие земские повинности, как и самые многолюдные губернии. От сего здесь (в Олонецкой губернии) земского сбора с души приходится по 2 рубля 50 коп., тогда как в других многолюдных губерниях такой сбор достигает едва от 30 до 50 копеек. Выгода от перемещения Губернского Начальства в Вытегру очевидна, ибо сей город есть сосредоточие Олонецкой губернии и весьма важный пункт на большом торговом пути между Архангельском и Санкт-Петербургом. Нынешний же губернский город Петрозаводск, которого уезд составляет

особенное ведомство, в случае перемещения начальства губернии в Вытегру, останется на правах горного города и потери для него никакой быть не может»².

Как мы видим, четко сформулирована в этом фрагменте была только одна причина необходимости перевода – это желание уменьшить объем лежащих на жителях губернии земских повинностей. И это не случайно – весь 1826 год Фан-дер-Флит, будучи председателем «Комитета о земских повинностей», возглавлял работу по составлению проекта сметы этих повинностей для Олонецкой губернии с 1827 года на последующие 3 года³. Однако в данном фрагменте была скрыта и другая, прямо не названная, но хорошо известная правительству причина – возникшие между гражданским и горным начальством серьезные разногласия в ходе работавшей в Петрозаводске в 1825–1826 годах Комиссии «об устройстве приписных крестьян». Данное противостояние, в котором генерал-губернатор встал на сторону гражданской администрации, побудило министра финансов перевести летом 1826 года Комиссию в Санкт-Петербург⁴. Вот почему Фан-дер-Флит во избежание дальнейших раздоров предложил развести две администрации даже территориально. Третья причина крылась в другой части «Описания», называвшейся «Чиновники». В ней описывались причины кадрового дефицита и предлагались способы его преодоления, в том числе за счет перевода, с точки зрения губернатора, в более удачно географически расположенную Вытегру⁵.

Выписка была переслана новгородскому губернатору, который 15 сентября 1827 года ответил, что он не только не против отчисления 2 уездов к Олонецкой губернии, но даже «предвидит существенную в том пользу», так как эти уезды отстоят от Новгорода на отдаленном расстоянии (Белозерский – в 674, а Кирилловский – в 632 верстах), «отчего нельзя видеть и в самых необходимых случаях того скорого исполнения, как бывает в уездах, расположенных вблизи»⁶. Тогда 27 декабря 1827 года министр внутренних дел предложил генерал-губернатору С. И. Милицкому рассмотреть предположение олонцкого губернатора и ответить на следующие вопросы: 1) какие могут потребоваться от казны издержки при переводе губернского города в Вытегру и на наем или постройку в нем присутственных мест; 2) какие будут нужны издержки для производства размежевания представленных к отчислению к Олонецкой губернии двух уездов и на какой счет их отнести; 3) не встретится ли какого-либо затруднения со стороны владельцев и казенных крестьян при проведении границ; 4) какое число жителей заключает в себе Вытегорский уезд. 15 января 1828 года генерал-губернатор переадресовал эти вопросы новому олонцкому губернатору П. А. Лачинову, а тот –

губернским архитектору И. В. Янко и землемеру И. А. Неелову. Однако сбор сведений последним затягивался и, как нам представляется, по двум причинам. Первая была чисто техническая – это сложность и объемность поставленной задачи и занятость другими поручениями⁷. Вторая – это «недоброжелательство» этих чиновников к губернатору, как будет позже доказывать Лачинов. Действительно, эти чиновники поддерживали «партию» Фан-дер-Флита, к которой принадлежали члены Олонецкого губернского правления. Практически сразу же после вступления в должность П. А. Лачинов развязал, по замечанию одного из современников событий, целую «войну» с советниками Правления [4; 93], в которой генерал-губернатор открыто встал на их сторону.

13 июня 1828 года генерал-губернатор в очередной раз поторопил губернатора с предоставлением сведений. Это понуждение было связано с тем, что министр внутренних дел переслал ему на отзыв переданную от министра финансов записку чиновника его министерства Н. П. Ломбри⁸. Николай I, ознакомившийся с ней, повелел узнать, «в каком положении находятся строения в Петрозаводске для губернских мест и что примерно стоил бы перевод оных в Вытегру»⁹. Так как эта записка никогда не публиковалась, то изложим кратко ее суть. Главной целью Ломбри было прекратить постоянно возникавшие между горным и гражданским начальством «разные раздоры, несогласие и недоразумения» по поводу подчиненности приписанных к Олонецким горным заводам казенных крестьян. Для этого он предлагал вслед за Фан-дер-Флитом преобразовать Петрозаводск в горный город, подобно Екатеринбург, с полным подчинением приписных крестьян горной администрации¹⁰, а губернское управление перенести в Вытегру. Выгоды переноса он видел в следующем. Во-первых, 6 из 7 уездов губернии (за исключением Петрозаводского) будут управляемы не «по заочности... от главного своего начальства, имеющего пребывание в стороне и в глуши», а из находящейся от них вблизи Вытегры, «где стечение народа по торговле бывает самое большое». Преимущество же географического положения Вытегры по сравнению с Петрозаводском были такими: 1) лежит на большой дороге Архангельск – Санкт-Петербург; 2) составляет «сосредоточие» Олонецкой губернии, находясь намного ближе к Санкт-Петербургу, Архангельску и Вологде, «в коих пребывает генерал-губернатор», 3) является «ключом к сообщениям по Мариинской системе, которую столь много уважал и государь император Петр Великий», 4) связана с г. Рыбинском, важным пунктом, через который доставляется в Олонецкую губернию хлеб и другие припасы, 5) отстоит не далее от Шунгской ярмарки, чем Петрозаводск, 6) станет после строительства

новой водной коммуникации между Вологодой, Архангельском и Вытегорой важным пунктом связи Балтийского моря с Каспийским и Белым морями, и от этого «разовьется торговля». Во-вторых, для губернских чиновников «будет в Вытегре и та выгода, что они и семейства их во все лето проезжать безопасно водою до Санкт-Петербурга и обратно, не касаясь озера Онега, которым от Петрозаводска до р. Свири примерно 130 верст довольно опасного перевоза». В-третьих, в Вытегре не будет недостатка в строительных материалах – глина и известковый камень «находятся ближе, нежели в Петрозаводске, а леса, хотя не повсюду близки, однако же водным сообщением доставляются». Ломбри видел только два препятствия в реализации своего проекта. Это, во-первых, недостаток в Вытегре зданий для размещения присутственных мест, но полагал, что возвести их можно постепенно и расходы на возведение этих зданий в Вытегре все же будут меньше, так как здесь достаточно рабочих рук и строительных материалов. Во-вторых, бедность проживающих в Петрозаводске губернских чиновников, о чем он писал так: «Нельзя, правда, не признать, что некоторые бедные чиновники, кои в г. Петрозаводске обзавелись домиками в своем хозяйстве, и от этого могут возникнуть разного рода домогательства». Выход из этой ситуации прожектор видел в том, что правительство, стремясь «совместить общее благо с частным», найдет возможным отпустить деньги на их переезд, а также рассрочит его на 3–5 лет, «что будет нечувствительным для государства». В конце записки Ломбри упомянул о состоянии казенных корпусов в Петрозаводске, на поправку которых, писал он, начиная с 1818 года уже ушло около 100 тысяч рублей, а с 1826-го выделено еще 60 тысяч, которые можно было бы потратить на строительство этих же мест в Вытегре¹¹.

Губернатор ответил лишь 15 октября 1828 года, написав, что неисполнительность архитектора Янко¹² заставила его лично осмотреть Вытегру и заняться составлением предположений, во сколько обойдется перевод, но он их еще не завершил¹³. Министр внутренних дел, не дождавшись ответа, 18 октября предложил С. И. Миницкому поручить рассчитать стоимость перевода членам работавшей в это время в Петрозаводске Комиссии «для обследования состояния казенных домов в г. Петрозаводске» и, по возможности, при его личном присутствии¹⁴.

30 октября 1828 года губернатор Лачинов представил генерал-губернатору и министру внутренних дел не только ответы на вопросы, заданные генерал-губернатору в отношении от 27 декабря 1827 года, но и пространные аргументы за и против перевода. Позже он продублирует их в своем годовом отчете за 1828 год и отношении к генерал-губернатору от 5 февраля 1829 года¹⁵. Собственно сами ответы на вопросы были

краткими и состояли в следующем. Во-первых, так как в Вытегре нет подходящих частных обывательских домов, в которых бы можно было поместить все присутственные места, а «пространство, занимаемое Вытегрою, почти все застроено тамошними обывателями», то нанять квартиры уже сейчас трудно, а цены на них выше, чем в Петрозаводске, поэтому придется строить новые каменные здания «для присутственных мест и всех вообще заведений, губернскому городу принадлежащих»¹⁶. На все это необходимо будет истратить, «даже без учета стоимости возведения архиерейского дома со службами», до 2 775 000 рублей. Их возведение еще более может удорожиться, так как необходимо делать более прочный фундамент из-за особенностей почвы. Во-вторых, на размежевание 2 уездов не потребуется издержек, так как границы этих уездов известны. В-третьих, для владельцев и казенных крестьян вновь присоединенных уездов затруднений не будет, ибо для них изменится только название губернии. В-четвертых, в Вытегорском уезде, по данным последней ревизии, государственных и помещичьих крестьян числится 13 499 душ.

Остальную, притом большую, часть своего рапорта Лачинов посвятил оспариванию доводов Фан-дер-Флита и Ломбри. Единственный плюс в переносе губернского центра в Вытегру виделся губернатору, как и его предшественникам, при условии, если к Олонецкой губернии будут присоединены Кирилловский и Белозерский уезды¹⁷. Его доводы против мы не будем излагать отдельно, так как их суть будет понятна из приведенных ниже акта и мнения генерал-губернатора, представленных им в МВД. К тому же рапорт Лачинова опубликован. Сейчас для нас важнее отметить, что первой реакцией генерал-губернатора на рапорт губернатора от 30 октября стало его предложение от 10 ноября 1828 года, в котором он сообщал губернатору, что все его доводы оставлены им без рассмотрения, так как дело это независимо от него поручено «особо командированным от Министерства внутренних дел и его чиновникам». Явно оскорбленный таким ответом, 20 ноября Лачинов представил рапорт министру внутренних дел, в котором писал, что задержка им сведений произошла из-за архитектора Янко и поэтому его предположения «долженствовали бы быть удостоены рассмотрения генерал-губернатором», тем более что примерно рассчитанные им по переводу расходы «могут еще увеличиться по части постройки в г. Вытегре казенных зданий из-за существующих цен». Более того, в «цену» перевода должны быть заложены и «потери для г. Петрозаводска»¹⁸.

Члены Комиссии И. В. Рогинский и И. Т. Жарков прибыли в Вытегру 9 декабря, а уже 14 декабря ими был подписан акт о стоимости перевода, который генерал-губернатор Миницкий

в этот же день отправил министру внутренних дел¹⁹. В акте перечислялись объекты, которые нужно было бы выстроить в Вытегре. Стоимость этого строительства оценивалась в 478 314 руб., но можно, считали члены Комиссии, обойтись еще меньшей суммой, если выкупить для губернатора дом у купца Голашевского. Если же не производить перевода губернского центра, то на ремонт казенных зданий в Петрозаводске необходимо прямо сейчас 27 тыс. руб., а для его полного окончания еще 80 тыс. руб. Также потребуется выстроить тюрьму²⁰, дом для училища канцелярских служащих и Приказа общественного призрения, архиерейский двор и корпус для Консистории. По этому поводу в акте замечалось: «не лучше ли их выстроить в Вытегре?», так как правительство, потратив 478 314 руб., сэкономит до 287 000 руб., но при этом приобретет новые прочные строения. В расчетах же Лачинова, полагали члены Комиссии, на строительство зданий заложены «невероятные ни для Петрозаводска, ни для Вытегры» суммы, а именно: 1) казармы для внутренней стражи на 900 тыс. руб.; 2) дом для училища канцелярских служащих примерно на 120 тыс. руб.; 3) дом Приказа общественного призрения примерно на 240 тыс. руб. Но зачем, например, такая сумма для Приказа, если «в ныне существующей богадельне всего 4 человека и 3 незаконнорожденных, а остальные 45 отдаются на руки?». Не забыли члены Комиссии подумать и о малочисленном купечестве Вытегры. Для облегчения их общественных повинностей было предложено приглашать в Палаты, Совестный суд и Приказ общественного призрения членов из Думы и Магистрата. Также предполагалось, что перевод облегчит почтовую повинность, так как «уничтожится» почтовый тракт от Вытегры до Петрозаводска. Не будут пустовать и оставленные в Петрозаводске присутственные места, в которых могут поместиться казармы для мастеровых, городская полиция, уездный и земский суды, казначейство, почтовая экспедиция и квартиры для чиновников, приезжающих в город. Для бедных чиновников в пособие для переезда можно дать годовой оклад жалованья. Что же касается предположений Лачинова об оживлении промышленности и торговли в Петрозаводске, то они, по мнению членов Комиссии, требуют «обширных, а не поверхностных соображений»²¹.

Приехавший по делам службы в Санкт-Петербург С. И. Минацкий 10 марта 1829 года получает от министра внутренних дел отношение, в котором ему сообщалось, что государь при докладе министра финансов заметил промедление по делу о переводе и «высочайше соизволил, чтобы сделано было кому следует о скорейшем окончании того дела подтверждение»²². Понимая, что теперь задержка происходит исключи-

тельно из-за него, генерал-губернатор вынужден был ускориться. Уже 14 марта он представил министру свое мнение, в котором подробно сопоставляет «соображения» Лачинова и членов Комиссии и по каждому делает свое заключение. Приведем наиболее важные из них. Соглашаясь с Лачиновым в том, что в Вытегре нет необходимых зданий для помещения губернских присутственных мест, генерал-губернатор тем не менее полагал, что их «на первое время можно нанять и купить», а для их постройки можно расширить городскую черту Вытегры. Опровергал Минацкий и замечание Лачинова о неудобном и глинистом местоположении Вытегры, подчеркивая, что она «не имеет никаких особых неудобств для строений» и в ней «едва ли не менее каменных домов, нежели в Петрозаводске». «Исчисления» же Лачинова в 2 775 000 руб., подчеркивал Минацкий, «превосходят всякую меру», если, конечно, «г. Лачинов не имел намерения устроить Правительство». Например, зачем было исчислено: а) на строительство помещения для губернатора и вице-губернатора 250 тыс. руб., в то время как на эти деньги «не в Вытегре, а в Санкт-Петербурге можно приобрести богатый дом и гораздо обширнее, чем нужно», к тому же, вице-губернатор может нанять себе квартиру на выделяемые ему деньги; б) на каменный корпус присутственных мест 600 тыс. руб., в то время как в Архангельске строительство здания для судебных мест обошлось в 170 тыс. руб., а двух каменных казарм, где разместилось до 2 тыс. человек, около 700 тыс. руб.; в) на строительство тюрьмы для содержания 100 человек до 200 тыс. руб., в то время как в Петрозаводске не бывает никогда более 50 арестантов; г) на Приказ общественного призрения 240 тыс. руб., «хотя все его заведения ничтожны и размещаются все в одном доме». Лачинов также должен знать, писал далее Минацкий, что Петрозаводску отказано в строительстве казарм для гарнизона, но он все равно включил в смету предположенные на эти цели еще ранее 900 тыс. руб. В свою очередь Минацкий предлагал часть губернского гарнизона расположить на квартирах в ближайших селениях вокруг Вытегры. В отношении же чиновников генерал-губернатор писал, что если по отзыву самого Лачинова присутственные места Олонецкой губернии наполнены «безнравственными» чиновниками, «то для чего для таких людей было бы оказывать особое внимание Правительства, которое принуждено было для привлечения на службу достойных издать особые учреждения. ...Поэтому надобно желать, чтобы с переводом в Вытегру губернских мест люди хорошие и остались в Петрозаводске, а для вновь поступающих из других губерний все равно где служить – в Вытегре или в Петрозаводске»²³. Взамен генерал-губернатор предлагал чиновникам, которые будут признаны достойными

к дальнейшему служению и имеют дома в Петрозаводске, выдать пособие на обзаведение, полугодовое жалованье и прогоны, а тем, кто без домов, – только прогоны. В самом конце своего рапорта С. И. Миницкий не преминул заметить, что Лачинов «руководствовался не той целью, какая должна быть у Начальника губернии для блага общего и государства, а собственную пользу, ибо перемещением губернского города в Вытегру отдалился бы он от своих выгод: сверх ближнего родства с начальниками заводского управления»²⁴ есть у него имение в 17 верстах от Петрозаводска, «в коем, не говоря уже о сельскохозяйственном и значительном рыбном промысле, имеет он по р. Шуе лесопильный завод, приносящий ему большой доход», в то время как при вступлении в действие этого завода «внезапно сгорела лесопильная мельница при заводе и до сих пор не возобновлена». В итоге С. И. Миницкий написал, что находит перевод «полезным и удобным»²⁵.

Этот рапорт генерал-губернатора вместе со сметами, составленными членами Комиссии Рогинским и Жарковым, был передан для подготовки доклада императору министру внутренних дел и финансов, но последний ответил, что так как «устройство городов относится собственно до Министерства внутренних дел», то именно оно и должно сделать это. При этом Е. Ф. Канкрин сделал важное замечание, «что по мнению его при настоящих обстоятельствах Государства едва ли было удобно приступить к таковому с значительными издержками сопровождаемому перемещению губернского управления из Петрозаводска в Вытегру»²⁶.

Совет при министре внутренних дел, рассмотрев на заседаниях 10 и 17 октября 1829 года этот вопрос, признал не только полезным «помянутое предположение», но даже «необходимым», при условии, что г. Петрозаводск «будет обращен в горный город подобно Екатеринбург». Однако Совет полагал, что если Комитет министров согласится с этим предположением, то «должно быть поставлено Министерству внутренних дел в обязанность привести в точную известность, чего именно перемещение сие будет стоить». Министр внутренних дел А. А. Закревский утвердил это решение и в отношении от 1 ноября 1829 года известил генерал-губернатора о «приостановке производства новых строений» в Петрозаводске «впредь до рассмотрения дела о переводе», что и было зафиксировано в журнальном постановлении Олонецкого губернского правления от 13 ноября²⁷.

12 декабря 1829 года министр внутренних дел представил дело о переводе на рассмотрение Комитета министров. Заслушав его записку на заседании 4 января 1830 года, Комитет решил, что предположение о переводе «надлежит рассматривать в 2 видах: первое, в отношении соб-

ственно к сим городам и, второе, в отношении ко всей Олонецкой губернии. В первом случае, конечно, г. Вытегра при учреждении в нем Губернского Управления может несколько выиграть, но зато г. Петрозаводск, оставшись уездным городом, должен прийти в упадок, тогда как для Правительства одинаковым образом важно цветущее состояние того и другого города. В последнем случае... перевод Губернского Управления из Петрозаводска в Вытегру при настоящем положении сей губернии без присоединения к оной от Новгородской губернии Кирилловского и Белозерского уездов не представляет никакой существенной выгоды; между тем и замечание Министра Финансов о неудобности приступить к таковому с значительными издержками сопряженному переводу заслуживает полное уважение. Само присоединение к Олонецкой губернии двух новых уездов, хотя умножит число ее жителей и чрез то уменьшит сбор в земских повинностях, но с другой стороны увеличит сборы с губернии Новгородской. По сему Комитет Министров, не усматривая настоятельной потребности в переводе губернского управления из Петрозаводска в Вытегру, ни в причислении от Новгородской к Олонецкой губернии Кирилловского и Белозерского уездов, положил: изъясненное в представленном Вашим Высокопревосходительством предположении по обоим сим предметам оставить без действия; впрочем, если бы в последствии времени признано было нужным учинить новое разграничение между Олонецкой и Новгородской губернией, тогда можно будет сделать соображение и на счет назначения в оной другого губернского города»²⁸.

Однако на этом дело не закончилось. В своем отношении от 6 февраля 1830 года Е. Ф. Канкрин сообщил А. А. Закревскому, что при докладе решения Комитета министров от 4 января император повелел сообщить его министру внутренних дел и снова представить их общее мнение по вопросу. В силу этого повеления министр финансов прилагал к данному отношению свое мнение от 31 января. Приведем его здесь почти дословно: «1. Промышленное основание г. Петрозаводска состоит ныне: а) из оборотов, кои суть последствия нахождения там присутственных мест; б) из оборотов от самого населения города; в) от Горного завода, и что если первые основания отойдут, то вторые исчезнут равномерно и благосостояние многих семей разрушится; завод же не может поддерживать существование города в значительном виде, ибо сравнение с Екатеринбургом, на главном тракте Сибирской торговли лежащем, и центр Урала составляющим, не согласно с обстоятельствами. 2. Местные удобства Вытегры для торговли не многим будут усилены чрез перенесение туда Губернского Управления. Город сей еще более удален от центра Губернии, нежели Петроза-

водск; присоединение же новых уездов не исправит неудобства и, не принося существенной пользы Олонецкой губернии, возвысит земские повинности остальных уездов Новгородской губернии, как и заметил Комитет министров. 3. На постройки в Вытегре исчислено примерно до 500 т. р., но сей суммы будет не достаточно, а исключение из нее половины, потребной на поправку присутственных мест в Петрозаводске и постройку новых, не совсем основательно, т. к. нельзя предать г. Петрозаводск разрушению, заводам же они не нужны... хотя, возможно, горные чиновники рады были бы расширить свои квартиры, сверх состояния их. 4. Перевод сей будет затруднительным не только для купцов и ремесленников Петрозаводска, но и для чиновников, кои обзавелись домами; квартиры в Вытегре будут дороже. 5. Вероятно расстроится и заведение Приказа общественного призрения. По сим причинам я не мог убедиться в пользе сего перевода, который расстроит один город, не принося соразмерных выгод другому, и при том вероятно весьма дорого станет».

В отношении от 19 февраля А. А. Закревский сообщил Е. Ф. Канкрину о своем согласии с его мнением, но при этом сделал две оговорки: 1) утвержденное им ранее мнение Совета «основано было на предположениях бывшего губернатора Фан-дер-Флита и тамошнего Генерал-Губернатора Минацкого; но главнейше на сообщенном мне от Вас, м.[илостивейший] г.[осударь], по высочайшему Повелению, проекте Ломбри, причем не было в виду Вашего замечания, чтоб проект сей, в сравнении Петрозаводска с Екатеринбургом, был не соображен с обстоятельствами»; 2) «мысль об учреждении г. Вытегры губернским городом не имела основанием своим центрального положения города сего, но сближение к оному большей части населения Олонецкой губернии, особенно, если б отчислены были к ней от Новгородской губернии уезды Кирилловский и Белозерский»²⁹.

Важно заметить, что царь решил проверить информацию и по другому каналу. В 109-м фонде III Отделения С.Е.И.В. Канцелярии хранится анонимная «записка насчет предположенного Генерал-Губернатором Минацким перемещения из Петрозаводска в Вытегру», датированная 11 февраля 1830 года. И хотя все аргументы в ней были заимствованы из рапортов П. А. Лачинова, но представлены в весьма неприятном для С. И. Минацкого виде. Например, в ней писалось, что «справедливыми» из всех доводов Минацкого можно признать только один – «о причислении уездов от Новгородской губернии, ибо сим увеличится число жителей... и прибавится класс дворянства и уменьшится от этого земский сбор» для Олонецкой губернии. Остальные его доводы назывались либо неточными, либо «поспешными» и «противоречивыми». Повидимому, такой тон записки стал возможным

после высочайшего назначения 10 февраля на ревизию в Архангельск сенатора А. Д. Гурьева. 18 февраля А. Х. Бенкендорф приказал майору Отдельного корпуса жандармов Матушевичу «собрать сведения на месте о действительных выгодах... и неудобствах» перевода³⁰.

В результате только 18 марта 1830 года Комитету министров было объявлено, что государь утвердил его решение от 4 января 1830 года. Отношением от 29 марта министр внутренних дел сообщил о решении генерал-губернатору Минацкому, который официально известил об этом Олонецкое губернское правление только 22 апреля, то есть через 5 дней после своего собственного отрешения от должности по результатам ревизии А. Д. Гурьева. 4 августа 1830 года вице-губернатор Я. И. Пенкин сообщил в МВД, что по предложению бывшего генерал-губернатора присутственным местам и жителям двух городов объявлено об исходе дела³¹.

Подведем итоги. Как мы установили, выйти летом 1827 года с инициативой о переносе губернского центра Олонецкой губернии из Петрозаводска в Вытегру губернатора Т. Е. Фан-дер-Флита заставила возникшая в очередной раз переписка с правительством о способах уменьшения земских повинностей, а также преодоления кадрового дефицита и «соперничества "гражданского и горного начальства"». Генерал-губернатор С. И. Минацкий активно поддержал это предположение, но сменивший Фан-дер-Флита на посту губернатора П. А. Лачинов высказался категорически против него, выдвинув ряд весьма целесообразных доводов. Однако этот протест во многом был вызван чувством личной неприязни к членам Олонецкого губернского правления – единомышленникам бывшего губернатора. Генерал-губернатор Минацкий в противостоянии губернатора с советниками выступил на их стороне и до последней возможности протезировал предложение Фан-дер-Флита. Используя авторитет своей должности, генерал-губернатор даже сумел добиться в 1829 году удаления П. А. Лачинова от должности. Министр внутренних дел А. А. Закревский поддержал С. И. Минацкого и представил дело о переводе в Комитет министров. 4 января 1830 года Комитет высказался против, вняв прежде всего мнению министра финансов Е. Ф. Канкрина о крайней дороговизне перевода. Однако государь не спешил утвердить решение Комитета министров, решив еще раз перепроверить аргументацию его сторонников и противников через III Отделение С.Е.И.В. канцелярии. Немаловажным фактором, повлиявшим на мнение государя, стала утрата в начале 1830 года генерал-губернатором С. И. Минацким «образом управления своим... высочайшего доверия». 18 марта 1830 года Комитету министров было объявлено, что государь утвердил его мнение.

* Статья подготовлена при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ С. И. Левитский заметил по этому поводу, что он не смог в губернском архиве найти документы по более раннему периоду. На сегодняшний день нам удалось установить, что, вероятно, впервые с таким предложением в 1803 году «вышел» губернатор А. А. Ушаков. Однако данный перенос уже тогда им был тесно увязан с присоединением к Олонецкой губернии Кирилловского и Белозерского уездов Новгородской губернии. В 1824 году ходатайство повторил губернатор А. И. Рыхлевский. Впрочем, предыстория этого вопроса требует дальнейших изысканий.
- ² Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1286. Оп. 4. Д. 278. Л. 1–3; Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК). Ф. 27. Оп. 2. Д. 4/53. Л. 5 (писарская копия); [4; 75–76].
- ³ См., например, дело «По Комитету о земских повинностях о составлении раскладки с 1826 по 1830 г.» // НА РК. Ф. 4. Оп. 44. Д. 57/566.
- ⁴ Смотри об этом подробнее: [1; 106–108].
- ⁵ Смотри об этом подробнее: [2; 105–106].
- ⁶ РГИА. Ф. 1286. Оп. 4. Д. 278. Л. 5.
- ⁷ Смотри, например, их оправдания: РГИА. Ф. 1286. Оп. 4. Д. 278. Л. 4–9, 29; НА РК. Ф. 1. Оп. 36. Д. 29/23. Л. 1, 22, 30б, 57.
- ⁸ Ломбри – чиновник Департамента горных и соляных дел Министерства финансов, назначенный председателем Комиссии «по улучшению положения приписных крестьян» в Санкт-Петербурге.
- ⁹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 4. Д. 278. Л. 10; НА РК. Ф. 1. Оп. 36. Д. 29/23. Л. 5, 15–20.
- ¹⁰ Последнее условие было нарушено высочайше утвержденным по представлению С. И. Миницкого положением Комитета министров от 28 ноября 1826 года, согласно которому «надзор за общей безопасностью и тишиною, а равно и производство следствий» вновь передавались петрозаводской земской полиции при обязательном присутствии депутата от заводского начальства [1; 108].
- ¹¹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 4. Д. 278. Л. 10–29.
- ¹² Губернатор даже просил его как «неблагонадежного» заменить другим архитектором.
- ¹³ РГИА. Ф. 1286. Оп. 4. Д. 278. Л. 33; НА РК. Ф. 1. Оп. 36. Д. 29/23. Л. 33–34.
- ¹⁴ Эта Комиссия в составе члена от МВД чиновника И. В. Рогинского и генерал-губернатора – советник Вологодского губернского правления И. Т. Жаркова должна была проверить законность и целесообразность расходов на ремонт. Именно о них упоминает в конце своей записки Ломбри. РГИА. Ф. 1286. Оп. 4. Д. 278. Л. 46, 52; Д. 907. Л. 19–20.
- ¹⁵ РГИА. Ф. 1286, Оп. 4. Д. 278. Л. 37–43; Д. 799. Л. 17, 27–33; Д. 907. Л. 37–43; НА РК. Ф. 1. Оп. 38. Д. 5/21. Л. 223–233; Оп. 36. Д. 29/23. Л. 69–81. Текст отношения от 5 февраля 1829 года опубликован с некоторыми изъятиями в: [5; 20–23].
- ¹⁶ Перечислялись дома для гражданского губернатора и вице-губернатора, губернской почтовой конторы, губернской гимназии, уездного училища и училища для детей канцелярских служителей, а также гауптвахта, корпус для помещения присутственных мест, городская тюрьма на 100 человек арестантов с церковью, заведения Приказа общественного призрения, казармы для внутренней стражи.
- ¹⁷ См. примечание 1.
- ¹⁸ НА РК. Ф. 1. Оп. 36. Д. 29/23. Л. 58.
- ¹⁹ По документам непонятно, присутствовал ли лично Миницкий в Вытегре. РГИА. Ф. 1286. Оп. 4. Д. 278. Л. 45–46, 52–61; Д. 907. Л. 47, 60–73.
- ²⁰ Нынешнюю тюрьму, расположенную в 2 флигелях, члены Комиссии назвали «более декорацией нежели тюрьмой».
- ²¹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 4. Д. 278. Л. 45–61.
- ²² Там же. Д. 278. Л. 64–68; Д. 907. Л. 112.
- ²³ С. И. Миницкий имел в виду высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 31 октября 1828 года «О мерах к отвращению недостатка в Олонецкой губернии чиновников и канцелярских служителей» [2; 107].
- ²⁴ П. А. Лачинов был женат на родной сестре Р. А. Амстронга, управляющего Александровским пушечным заводом. РГИА. Ф. 1348. Оп. 104. Д. 465а. Л. 319, 370.
- ²⁵ РГИА. Ф. 1286. Оп. 4. Д. 278. Л. 70–81.
- ²⁶ Там же. Л. 187.
- ²⁷ Там же. Л. 130–189, 191–194; НА РК. Ф. 36. Оп. 36. Д. 29/23. Л. 90.
- ²⁸ РГИА. Ф. 1286. Оп. 4. Д. 278. Л. 195–202, 214–215; НА РК. Ф. 1. Оп. 36. Д. 29/23. Л. 93–95.
- ²⁹ РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 5453. Л. 1–2, 5–9; Ф. 1286. Оп. 4. Д. 278. Л. 204–205, 222–226.
- ³⁰ В деле, к сожалению, нет ответных рапортов майора. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109. 4-я экспедиция. Оп. 70. Д. 71.
- ³¹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 4. Д. 278. Л. 227–238; Д. 907. Л. 114–116; НА РК. Ф. 1. Оп. 36. Д. 29/23. Л. 92–95.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Е ф и м о в а В. В. Генерал-губернатор С. И. Миницкий и приписные крестьяне Олонецкой губернии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер.: «Общественные и гуманитарные науки». 2012. № 5 (126). С. 105–110.
2. Е ф и м о в а В. В. Генерал-губернатор С. И. Миницкий и кадровый вопрос в Олонецкой губернии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер.: «Общественные и гуманитарные науки». 2013. № 7 (136). Т. 2. С. 104–109.
3. Л е в и т с к и й С. А. Проекты перенесения губернского управления из Петрозаводска в Вытегру // Памятная книжка Олонецкой губернии за 1902 г. Петрозаводск, 1902. С. 270–296.
4. П а ш к о в А. М. Карелия и Соловки глазами литераторов пушкинской эпохи: В 2 т. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2001. Т. 2. 228 с.
5. Петрозаводск: 300 лет истории: Документы и материалы: В трех книгах. Кн. 2. 1803–1903. Петрозаводск: Карелия, 2001. 400 с.

Efimova V. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

PROJECT OF MOVING GOVERNORATE ADMINISTRATION FROM PETROZAVODSK TO VYTEGRA IN 1820s

For the first time, the causes that impelled Olonets Governor T. E. Van-der-Vliet to submit this project proposal to the government were established fully. The degree of Arkhangelsk Governor General S. I. Minsky's involvement was revealed. The discussion procedure and the process of final decision-making on the project were also determined. A conclusion was drawn that the main causes for promoting this project were not as much dictated by the interests of the people as by another escalation in the relations between the governorate and mining authorities. These relationships were complicated by the power struggle between rival "parties" within the governorate administration. Governor General defended the proposal of his protégé Van-der-Vliet to the end by exploiting all existing advantages of his administrative offices. It was only on the level of the Committee of Ministers that the opinion of the Minister of Finance E. F. Kankrin on the inexpediency and expensiveness of the project execution prevailed.

Key words: Olonets Province, Province administrative center displacement project, mechanism for discussion and decision-making, Governor-General's role

REFERENCES

1. Efimova V. V. Governor General S. I. Minsky and the Serfs of Olonets Governorate [General-gubernator S. I. Minskiy i pripisnye krest'yane Olonetskoj gubernii]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: "Obshchestvennye i gumanitarnye nauki"* [Proceedings of Petrozavodsk State University. Social Sciences and Humanities]. 2012. № 5 (126). P. 105–110.
2. Efimova V. V. Governor General S. I. Minsky and the Employment Issue in Olonets Governorate [General-gubernator S. I. Minskiy i kadrovyy vopros v Olonetskoj gubernii]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: "Obshchestvennye i gumanitarnye nauki"* [Proceedings of Petrozavodsk State University. Social Sciences and Humanities]. 2013. № 7 (136). Vol. 2. P. 104–109.
3. Levitskiy S. A. Projects of Moving the Governorate Administration from Petrozavodsk to Vytegra [Proekty pereneseniya gubernskogo upravleniya iz Petrozavodska v Vytegru]. *Pamyatnaya knizhka Olonetskoj gubernii za 1902 g.* [Memorial Book of Olonets Governorate in 1902]. Petrozavodsk, 1902. P. 270–296.
4. Pashkov A. M. *Kareliya i Solovki glazami literatorov pushkinskoy epokhi* [Karelia and Solovki through the Eyes of Literary Men of Pushkin's Epoch]: In 2 vol. Petrozavodsk, Izd-vo PetrGU, 2001. Vol. 2. 93 p.
5. *Petrozavodsk: 300 let istorii: Dokumenty i materialy: V trekh knigakh. Kn. 2. 1803–1903* [Petrozavodsk: 300 Years of History: Documents and Files. Of three volumes. Vol. 2. 1803–1903]. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 2001. 400 p.

Поступила в редакцию 17.06.2014

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА ОЛЕНИНА

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и конституционного права юридического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
tyolenina@mail.ru

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЛЕСА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ*

Проанализировано законодательство России после распада СССР, затрагивающее понятие леса, и мнения ученых и специалистов по данному вопросу. Законодательство нашей страны на разных этапах своего развития характеризовало лес неодинаково. Лес – это очень сложная система, охарактеризовать которую в единой дефиниции, закрепив в ней все характеристики этого понятия, представляется проблематичным. Данная система включает в себя различные природные объекты (земли, недра, растительность, животный мир, атмосферный воздух). Каждый человек под лесом понимает что-то свое: для кого-то это некая благоприятная окружающая среда, кто-то рассматривает лес как источник прибыли (например, предприниматели рассматривают лес в целях продажи древесины), для кого-то это объект имущественных прав и т. д. В результате проведенного исследования сделан вывод о том, что в действующем законодательстве лес рассматривается в аспекте окружающей среды.

Ключевые слова: лес, лесной кодекс, Федеральный закон «Об охране окружающей среде», экологическая система, природный ресурс

Термин «лес» довольно часто упоминается в повседневной жизни человека и общества, но в настоящее время законодатель не дает четкого определения леса. В связи с участвовавшей практикой лесонарушений понятие леса приобретает особую актуальность как в юридической науке, так и правоприменительной деятельности. В теории права вопрос о понятии «лес» считается дискуссионным. Одни авторы полагают, что под ним следует понимать только древесно-кустарниковую растительность, другие – исключительно землю, а третьи предлагают определять лес как совокупность разных элементов природы. Высказывалось мнение и о том, что объектом действующего лесного законодательства является не «юридическое понятие леса», а лес как особый природный объект в его общепринятом понимании [6; 36]. Законодательство нашей страны на разных этапах своего развития характеризовало лес неодинаково. До революции из законодательства следовало, что лес является составной частью или принадлежностью земли. Тогда отражался преимущественно цивилистический взгляд на лес как на объект гражданско-правовых отношений. В СССР одно время лес трактовался как «комплекс земли с покрывающей ее растительностью».

В советском лесном законодательстве определения понятия «лес» не давалось, что и послужило основной причиной разных трактовок указанного понятия в различные периоды развития лесного права в юридической науке и практике. Профессор Р. К. Гусев пришел к выводу, что «юридическое понятие “лес” может быть представлено как совокупность произрастающих на земле древесно-кустарниковых организмов, отве-

чающая определенным количественным и качественным лесотехническим требованиям и признанная лесом в установленном порядке» [3; 10].

Р. Хайитов определял лес как «часть природной среды в пределах территории СССР в виде взаимосвязанной совокупности растущих деревьев и других растительных организмов, отвечающую определенным качественным и количественным показателям, отнесенную в установленном порядке к лесу и составляющую исключительную собственность Советского государства» [9; 8]. Из этого определения можно сделать вывод, что автор включал в определение леса, помимо древесно-кустарниковой растительности, другие растительные организмы, например мхи. При этом он использовал формальный юридический признак – признание древесно-кустарниковой растительности лесом соответствующими актами государства. Схожее мнение по определению леса высказывается и в современной литературе. Например, А. И. Бадаев определял лес как «совокупность древесно-кустарниковой растительности, расположенной на землях, зарегистрированных в земельном и лесном кадастрах как площадь, покрытая лесом» [1; 14–15]. Из этого определения следует, что древесно-кустарниковая растительность, образующая лес по своим лесоводческим признакам, не зарегистрированная в земельном и лесном кадастрах «как площадь, покрытая лесом», не является лесом в юридическом смысле [2; 4]. Как справедливо отмечал один из исследователей в области лесного права О. И. Крассов, лес представляет собой кладовую самых разнообразных лесных ресурсов, ценность которых может значительно превышать стоимость наиболее массово заготавливаемого здесь сырья – древесины [5].

Таким образом, лес – это очень сложная система, которую нельзя точно охарактеризовать в единой дефиниции, закрепив в ней все характеристики данного понятия.

В Основах лесного законодательства Российской Федерации от 6 марта 1993 года № 4613-1 (далее – Основы) (в настоящее время они утратили силу) впервые было сформулировано законодательное определение леса – это совокупность земли, древесной, кустарниковой и травянистой растительности, животных, микроорганизмов и других компонентов окружающей природной среды, биологически взаимосвязанных и влияющих друг на друга в своем развитии.

12 декабря 1993 года была принята Конституция РФ. В ней не упоминается слово «лес». Единственная норма по лесному законодательству есть в пункте «к» статьи 72 Конституции РФ: лесное законодательство находится в совместном ведении РФ и субъектов РФ. Совместное ведение предполагает принятие нормативно-правовых актов в указанной сфере как на уровне РФ, так и на уровне субъектов РФ. В статье 9 предусматривается, что земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории. Земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности. В части 2 статьи 36 Конституции РФ предусматривается, что владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами осуществляются их собственниками свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов иных лиц. Согласно пункту «в» статьи 72 Конституции РФ вопросы владения, пользования и распоряжения землей, недрами, водными и другими природными ресурсами находятся в совместном ведении РФ и субъектов РФ.

Таким образом, в Конституции Российской Федерации содержатся общие нормы, посвященные природным ресурсам, но нет пояснения, что под ними понимается и относится ли к ним лес.

Закон РСФСР от 19.12.1991 № 2060-1 «Об охране окружающей природной среды», действовавший на момент принятия Конституции РФ, определение термина «природный ресурс» также не предусматривал. В Основах такой термин вообще не упоминался.

В Лесном кодексе РФ от 29 января 1997 года № 22-ФЗ (далее – ЛК РФ 1997 г.) (утратил силу) лес был представлен как совокупность лесной растительности, земли, животного мира и других компонентов окружающей среды, имеющей важное экологическое, экономическое и социальное значение.

По мнению многих исследователей, неточности определения леса, лесного фонда, земель

лесного фонда, использовавшиеся в ранее действующем лесном законодательстве, приводили к трудностям в их применении, порождали споры и коллизии. При этом отмечалось, что первичным элементом экономико-правовых отношений должен был стать лесной участок, поскольку именно он является предметом использования [7; 312].

Лесной кодекс РФ от 4 декабря 2006 года № 200-ФЗ (далее – ЛК РФ 2006 года), направленный в основном на расточительство национальных лесных ресурсов страны [10; 65], в статье 5 «Понятие леса» предусматривает, что использование, охрана, защита, воспроизводство лесов осуществляются исходя из понятия о лесе как об экологической системе или природном ресурсе.

Считается, что рассматриваемая статья 5 ЛК РФ 2006 года характеризуется своей незавершенностью. В настоящем Кодексе отсутствует закрепление терминов и определений, и даже имеющиеся определения не раскрывают сути объектов в полной мере [8].

Определение, содержащееся в статье 5 ЛК РФ 2006 года, более чем неконкретно, оно подчеркивает только, что лес – это экологическая система или лес – это природный ресурс. Что входит в указанную экологическую систему – не отражается, альтернативен ли союз для двух данных понятий – также сомнительно. Использование, охрана, защита, воспроизводство, о которых идет речь, практически являются составляющими лесных отношений, что, однако, также Кодексом четко не отмечено [8]. О. И. Красновым подчеркивается, что ЛК РФ 2006 года умалчивает, «когда лес представляет собой только экологическую систему и когда лес представляет собой природный ресурс» [4; 40].

В статье 1 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 25.06.2012) «Об охране окружающей среды» дается определение терминов «естественная экологическая система» и «природные ресурсы». В соответствии с данными нормами:

– естественная экологическая система – объективно существующая часть природной среды, которая имеет пространственно-территориальные границы и в которой живые (растения, животные и другие организмы) и неживые ее элементы взаимодействуют как единое функциональное целое и связаны между собой обменом веществом и энергией;

– природные ресурсы – компоненты природной среды, природные объекты и природно-антропогенные объекты, которые используются или могут быть использованы при осуществлении хозяйственной и иной деятельности в качестве источников энергии, продуктов производства и предметов потребления и имеют потребительскую ценность.

Таким образом, в действующем российском законодательстве нет определения понятий «эко-

логическая система» и «природный ресурс», исходя из которых следует понимать лес.

Стандарт отрасли ОСТ 56-108-98 «Лесоводство. Термины и определения» (утвержденный Приказом Рослесхоза от 3.12.1998 г. № 203), разработанный Всероссийским научно-исследовательским институтом лесоводства и механизации лесного хозяйства, содержит определение леса, установленное в соответствии с ЛК РФ 1997 года: «3.1.3. Лес – целостная совокупность лесных древесных и иных растений, земли, животных, микроорганизмов и других природных компонентов, находящихся во взаимосвязи с внутренней и с внешней средой».

Исходя из анализа правовых норм и мнений специалистов о лесе, можно прийти к выводу о том, что лес – это не просто экологическая система или природный ресурс, а это окружающая среда. В подтверждение данного утверждения обратимся к определению окружающей среды, которое дано в статье 1 Федерального закона «Об охране окружающей среды», – это совокупность компонентов природной среды, природных и природно-антропогенных объектов, а также антропогенных объектов. Дефиниции указанных элементов окружающей среды также представлены в рассматриваемой статье. В соответствии с ней компоненты природной среды – это земля, недра, почвы, поверхностные и подземные

воды, атмосферный воздух, растительный, животный мир и иные организмы, а также озоновый слой атмосферы и околоземное космическое пространство, обеспечивающие в совокупности благоприятные условия для существования жизни на Земле. Природный объект – естественная экологическая система, природный ландшафт и составляющие их элементы, сохранившие свои природные свойства. Природно-антропогенный объект – природный объект, измененный в результате хозяйственной и иной деятельности, и (или) объект, созданный человеком, обладающий свойствами природного объекта и имеющий рекреационное и защитное значение. Антропогенный объект – объект, созданный человеком для обеспечения его социальных потребностей и не обладающий свойствами природных объектов.

В связи с этим можно сделать вывод о том, что лес – это окружающая среда согласно Федеральному закону «Об охране окружающей среды». Стало быть, на него распространяется законодательство об охране окружающей среды. Поэтому статью 5 «Понятие леса» ЛК РФ 2006 года предлагается изложить в следующей редакции: «Использование, охрана, защита, воспроизводство лесов осуществляются исходя из понятия о лесе как об окружающей среде на основании Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ “Об охране окружающей среды”».

* Исследование выполнено при поддержке Программы стратегического развития (ПСР) ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бадаев А. И. Правовая характеристика лесов и древесно-кустарниковой растительности. Орел, 1999. 125 с.
2. Быковский В. К. Использование лесов в Российской Федерации: правовое регулирование // СПС «Консультант Плюс». Изд-во «Волтерс Клувер», 2009.
3. Гусев Р. К. Правовые проблемы управления государственным лесным фондом СССР: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1971. 18 с.
4. Красов О. И. Комментарий к Лесному кодексу Российской Федерации. М.: Норма, 2007. 416 с.
5. Красов О. И. Правовой режим земель государственного лесного фонда. М.: Наука, 1985. 223 с.
6. Лесной кодекс Российской Федерации. Комментарии. Изд. 2-е, доп. / Под общ. ред. Н. В. Комаровой, В. П. Рощупкина. М.: ВНИИЛМ, 2007. 856 с.
7. Малая Т. Н., Малыш А. Ф. Лесной кодекс 2006 года и реализация права государственной собственности на лесные участки // Правовое регулирование земельных отношений, природопользования и охраны окружающей среды в сельском хозяйстве в России, Украине, Белоруссии, Казахстане, других странах СНГ и государствах ЕС: состояние, проблемы, пути совершенствования: Международный сборник научных трудов аграрных и юридических высших учебных заведений России, Украины, Белоруссии, Казахстана, других стран СНГ и государств ЕС / Отв. ред. Г. Е. Быстров. Т. II. М., 2008. С. 312–315.
8. Пуряева А. Ю. Научно-практический комментарий к Лесному кодексу Российской Федерации (постатейный). 09.01.2013 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://mo-jurist.narod.ru/kodeks/les_kom.html
9. Хайтов Р. Правовые проблемы управления и пользования лесами и землями государственного лесного фонда (на материалах Узбекской ССР): Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Алма-Ата, 1980. 22 с.
10. Царев В. А. Современные проблемы лесоуправления в Российской Федерации // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер.: «Естественные и технические науки». 2012. № 8 (129). Т. 1. С. 65–67.

Olenina T. Yu., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

LEGAL DEFINITION OF CONCEPT “FOREST” IN RUSSIAN FEDERATION

The concept of forest is viewed as a controversial issue. In the article, the author analyzes Russian legislation, which was established after the Soviet Union collapse. The part of legislature in focus profoundly affected understanding of the concept forest and the views of scientists and specialists on the matter. The legislation of our country, at different stages of its development, characterized the concept of forest differently. Forest is a very complex system, which is difficult to characterize accurately by means of a single

definition, which could include all characteristics of this notion. This system includes various natural objects (land, minerals, vegetation, fauna, and atmospheric air). Every person understands the concept of forest in his own way: for some people it is good environment, for others it as a source of profit (for example, entrepreneurs see forests as a profitable commodity), for some it is an object of property rights and so on. As a result of the carried out research, the author came to a conclusion that the Russian legislation in force approaches the concept of forests as an aspect of environment.

Key words: forest, forest law, the Federal Act on environment protection, ecological system, natural resource

REFERENCES

1. B a d a e v A. I. *Pravovaya kharakteristika lesov i drevesno-kustarnikovoy rastitel'nosti* [The legal characterization of forests and wood-shrubby vegetation]. Orel, 1999. 125 p.
2. B y k o v s k i y V. K. *Ispol'zovanie lesov v Rossiyskoy Federatsii: pravovoe regulirovanie* [The use of forests in the Russian Federation: legal regulation]. Wolters Kluwer Publ., 2009. Consultant Plus Publ.
3. G u s e v R. K. *Pravovye problemy upravleniya gosudarstvennym lesnym fondom SSSR: Avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk* [Legal problems in management of USSR public forests: Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 1971. 18 p.
4. K r a s s o v O. I. *Kommentariy k Lesnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii* [Comments on the forest law of the Russian Federation]. Moscow, Norma Publ., 2007. 416 p.
5. K r a s s o v O. I. *Pravovoy rezhim zemel' gosudarstvennogo lesnogo fonda* [Legal regime of the State forest lands]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 223 p.
6. *Lesnoy kodeks Rossiyskoy Federatsii. Kommentarii* [The forest law of the Russian Federation. Comments]. Moscow, VNIILM Publ., 2007. 856 p.
7. M a l a y a T. N., M a l y y A. F. Forest law of 2006 and realization of the right of State ownership of forest lands [Lesnoy kodeks 2006 goda i realizatsiya prava gosudarstvennoy sobstvennosti na lesnye uchastki]. *Pravovoe regulirovanie zemel'nykh otnosheniy, prirodoopol'zovaniya i okhrany okruzhayushchey sredy v sel'skom khozyaystve v Rossii, Ukraine, Belorussii, Kazakhstane, drugikh stranakh SNG i gosudarstvakh ES: sostoyanie, problemy, puti sovershenstvovaniya: Mezhdunarodnyy sbornik nauchnykh trudov agrarnykh i yuridicheskikh vysshikh uchebnykh zavedeniy Rossii, Ukrainy, Belorussii, Kazakhstana, drugikh stran SNG i gosudarstv ES* [Legal regulation of land relations, natural resources management and environmental protection in the agricultural sector in Russia, Ukraine, Belarus, Kazakhstan and other CIS countries and EU Member States: State, problems and ways of perfection: an international collection of scientific papers of agricultural and legal higher educational institutions of Russia, Ukraine, Belarus, Kazakhstan and other countries and EU Member States]. Vol. II. Moscow, 2008. P. 312–315.
8. P u r y a e v a A. Yu. *Nauchno-prakticheskiy kommentariy k Lesnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii (postateynyy)* [Scientific practical commentary on the Forest law of the Russian Federation (article by article)]. Available at: http://mo-jurist.narod.ru/kodeks/les_kom.html
9. K h a y i t o v R. *Pravovye problemy upravleniya i pol'zovaniya lesami i zemlyami gosudarstvennogo lesnogo fonda (na materialakh Uzbekskoy SSR): Avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk* [Legal problems in management and use of forests and lands of the forest fund (on materials of the Uzbek SSR): Cand. legal sci. diss.]. Almaty, 1980. 22 p.
10. T s a r e v V. A. Modern problems of forest management in Russian Federation [Sovremennye problemy lesoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. "Estestvennye i tekhnicheskie nauki"* [Proceedings of Petrozavodsk State University. Natural and Engineering Sciences]. 2012. № 8 (129). Vol. 1. P. 65–67.

Поступила в редакцию 12.02.2013

6 июля 2014 года исполнилось 80 лет известному фольклористу, литературоведу, доктору филологических наук, профессору кафедры русской литературы и журналистики филологического факультета Петрозаводского государственного университета *Софье Михайловне Лойтер*.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА ЛОЙТЕР

К 80-летию со дня рождения

С. М. Лойтер родилась в г. Житомире. В 1958 году окончила с отличием филологический факультет Петрозаводского университета. Работала учителем русского языка и литературы в Надвоицкой сельской школе. В 1967 году защитила кандидатскую диссертацию «Проблемы романтического в творчестве Л. А. Кассиля», в 2002 году – докторскую «Русская детская литература XX века и детский фольклор: проблемы взаимодействия». Более 40 лет отработала в Карельском государственном педагогическом институте.

С. М. Лойтер – автор более 200 научных работ, в том числе 9 книг. Она ученый-филолог с широким спектром деятельности: фольклорист, литературовед, литературный критик. Ее монография-сборник «Русский детский фольклор Карелии» (1991) – итог 20-летней собирательской и исследовательской деятельности, в Материалах Первого Всероссийского конгресса фольклористов 2005 года сказано, что она «до сих пор остается самым крупным собранием текстов локальной фольклорной традиции». Ее исследования известны не только в России, но и за рубежом. Особенный резонанс получила монография «Русский детский фольклор и детская мифология» (2001), глава из которой о детских игровых утопиях отмечена как «подлинное открытие», а введенное ученым понятие «детские игровые утопии» широко вошло в научный оборот. Работая в архивах Петрозаводска, С. М. Лойтер открыла и исследовала деятельность целой плеяды олонечских учителей-краеведов, в Париже опубликован ее доклад на эту тему, прочитанный в Сорбонне (2000) на Международной конференции краеведов. В течение ряда лет она читала учителям словесности школ республики спецкурс «Русский фольклор Карелии», который лег в основу одноименного пособия-хрестоматии «На поле-поляне, на море-океане» (2009). В 2009 году издана составленная ею в соавторстве с М. Тарасовым первая антология русской детской литературы Карелии «Я вам утро подарю».

С. М. Лойтер награждена медалями «За трудовое отличие», значком «Отличник народного просвещения», она почетный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный деятель науки РК, лауреат РК «За достигнутые успехи в научно-педагогической деятельности, большой личный вклад в фольклористику».

Сердечно поздравляем Софью Михайловну с юбилеем и желаем здоровья, оптимизма и творческой энергии!

ТАТЬЯНА ГРИГОРЬЕВНА ИВАНОВА

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
Отдела русского фольклора, Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
tivanova@inbox.ru

Рец. на кн.: Лойтер С. М. **Детский поэтический фольклор Карелии: Исследование и тексты /** Петрозаводский гос. ун-т. – Петрозаводск, 2013. – 439 с.

В 1974 году в коротенькой в несколько строк заметке «Экспедиции Карельского пединститута в 1971–1972 годах», опубликованной в 14-м томе «Русского фольклора» (издание Института русской литературы (Пушкинский Дом)), перечисляя записанные студентами фольклорные жанры (21 сказка, 37 свадебных песен, 525 частушек, 100 лирических протяжных песен и пр.), С. М. Лойтер называет также «6 произведений детского фольклора». С того времени прошло много лет. Были другие экспедиции, исследования, посвященные детскому фольклору, публикации текстов детской народной поэзии. Многие из изданий С. М. Лойтер по праву могут называться открытиями, и практически во всех своих крупных работах фольклорист совмещает исследование с публикацией записанных ею и ее студентами текстов.

В настоящее время С. М. Лойтер – ведущий фольклорист в области детской народной поэзии. Новая книга старейшины петрозаводской фольклористики – «Детский поэтический фольклор Карелии» – имеет подзаголовок «Исследование и тексты». Читатель здесь найдет большую вступительную статью «Детский фольклор как специфическая область традиционной народной культуры. Собирающие и изучение детского фольклора в Карелии» (С. 8–33), а также две вводные статьи к разделам «Поэзия пестования» и «Игровой и потешный фольклор»: «Жанровый состав поэзии пестования Карелии» (С. 34–47) и «Жанровый состав игрового фольклора Карелии» (С. 164–180). Далее следует большой корпус текстов (С. 48–163 и 181–374). В научном аппарате рецензируемого издания имеется Список сокращений, Примечания, в которых содержатся «паспортные данные» текстов, Алфавитный указатель мест записи (по районам) и Словарь диалектных и устаревших слов. Отсутствует, к сожалению, традиционный для фольклористических сборников указатель собирателей.

Названные статьи С. М. Лойтер являются путеводной нитью, которая помогает читателю погрузиться в непростую проблематику детского фольклора. Обращает на себя внимание принципиально важное для автора положение о том, что «весь детский фольклор – игровой по преимуществу» (С. 13). Игра как универсальная

культурно-историческая категория пронизывает все стороны жизни ребенка.

Чрезвычайно интересным представляется фрагмент вступительной статьи, посвященный истории изучения детского фольклора в Карелии. Под пером С. М. Лойтер вырастают портреты местных краеведов, внесших большой вклад в собиране детского народной поэзии в бывшей Олонецкой губернии, – учитель олонечской гимназии К. М. Петров (1836–1898), заонежская учительница Е. В. Ржановская (1888–1975), крестьянин-помор И. М. Дуров (1894–1938).

Фольклорные тексты в рецензируемой книге представлены в двух больших разделах: I. Поэзия пестования (с подразделами: Колыбельные песни; Пестушки; Потешки; Прибаутки и песенки; Докучные сказки), II. Игровой и потешный фольклор (с подразделами: Заклички; Приговорки; Дразнилки; Считалки; Небылицы, перевертыши; Детская сказка; Скороговорки; Игры; Страшные истории). Как любая классификация в области народной поэзии, эта классификация, вероятно, может вызывать возражения и замечания. Мы, например, выделили бы в отдельный подраздел так называемые поддевки (№ 718–739), которые составитель включил в подраздел дразнилок. Игровой момент, столь важный в детском фольклоре с точки зрения С. М. Лойтер, здесь явно на порядок выше, чем в собственно дразнилках. Сама исследовательница в статье «Жанровый состав игрового фольклора Карелии», предшествующей разделу «Игровой и потешный фольклор», кстати, точно определила специфику жанра поддевок: «Поддевки – забавы детей в форме искусственных диалогов (как правило, кратких), непременно построенных таким образом, чтобы второй, вовлеченный в него, оказался пойманным на слове» (С. 166) (см., например: – Скажи: дай. – Дай. – А ты полай).

У кого-то из исследователей может вызвать возражение жанровый термин «страшные истории» (№ 1347–1371). Предпочтительнее, как нам кажется, уже устоявшийся с конца 1960-х годов термин «страшилки» (рассказы о черной руке и пр.).

Можно поставить под сомнение и помещение отдельных текстов в тот или иной подраздел. Так, вряд ли текст № 500 (*Ух-ты, ах-ты / Все мы космонавты*) стоит квалифицировать как при-

говорку. Явно по недосмотру разные варианты заклинательного текста, обращенного к мышке по поводу выпавшего молочного зуба, попали в различные подразделы: закличек (№ 471 – *Мышка, мышка! / На тебе зуб липяной. / Дай мне гребяной*) и приговорок (№ 478 – *Мышка-мышка, / На тебе зуб мясной, / А мне дай костяной*; ср. № 480). Однако сразу скажем, что своих решений – к какой жанровой группе отнести текст о космонавте и считать ли тексты о мышке закличкой или приговоркой – у нас нет. Проблема классификации, повторим еще раз, – это еще не решенная (а может быть, и не решаемая) проблема отечественной фольклористики, тем более в сфере детского фольклора. Спорные вопросы еще долго останутся спорными вопросами.

Однако значение рецензируемой книги в другом. Здесь представлен великолепный корпус (1371 номер) текстов разных жанров детского фольклора, корпус, за которым стоит огромная работа С. М. Лойтер – не только составителя книги, но и собирателя и организатора собирательской работы. С 1971 года задачи полевых фольклорных экспедиций и практик Карельского государственного педагогического института / университета / академии определялись именно автором «Детского поэтического фольклора Карелии». В Карельском научном центре РАН находятся 19 коллекций народной поэзии (включая детский фольклор), собранных самой С. М. Лойтер и ее студентами. Составитель опирается также на другие материалы, хранящиеся в Научном архиве КарНЦ (Е. В. Ржановской и И. М. Дурова). Она выявила множество текстов детского фольклора в публикациях – прежде всего в «Олонецких губернских ведомостях» (К. М. Петров, Г. И. Куликовский, П. И. Певин).

По долгу рецензента и въедливого библиографа сделаю небольшое замечание. Публикуя тексты детского фольклора из «Олонецких губернских ведомостей» (№ 831, 912, 932, 1031, 1032, 1057 и др.), составитель в Примечаниях дает очень глухое библиографическое описание источника – ОГВ с указанием года и номера газеты. Автор и название статьи, к сожалению, отсутствуют, в то время как № 831 – считалка *Пери-мери по заморью летели, / За морем церковь, / В церкви Никола, Дарья Быкова, / Кум да кума, / Пуговка-лукова вон пошла, / Чтобы дале отошла* – записан П. И. Певинным и взят из его большого «Очерка Горского прихода, Петрозаводского уезда, Олонецкой губернии», печатавшегося на протяжении июня – августа 1894 года в ОГВ. Здесь дано географическое и историческое описание местности, небольшой словарь диалектных слов, а также описаны некоторые фрагменты фольклорной культуры (суверия, родильные обряды, беседы и песни, звучавшие на них, свадьбы и пр.). В одном из номеров (9 июля, № 51. С. 7–9) приведены детские игры.

Отсюда же взяты считалки «Шла кукушка мимо сети» (№ 932), «Заяц белый, куда бегал?» (№ 1032), «Кашку с имбирем варил дядя Симеон» (№ 1057).

Сфера детского фольклора, как она представлена в рецензируемой книге, убедительно свидетельствует, что здесь действуют те же закономерности, что и во взрослой народной поэзии. Фольклористика, как известно, наука, прочно связанная с проблемами региональных особенностей устной культуры этноса. Книга С. М. Лойтер отражает детский репертуар одного региона – Карелии. При всех тенденциях к универсальной глобальности, которой характеризуется культура XX века (и русский детский фольклорный репертуар в том числе), детский фольклор Карелии сохраняет региональную составляющую, на что обращает внимание составитель во вступительной статье (мотивы рыбной ловли в потешках и колыбельных песнях – С. 32). Только в Поморье, где большую роль играют рыбные промыслы трески и палтуса, могла, например, родиться колыбельная песня с такими словами: *Бай-бай, бай-бай, / Кулюбачку подай. / Не хочу трески, / Да хочу палтуски* (№ 131, записано в 1972 году в с. Колежме Беломорского района).

Жанры детского фольклора в определенной своей части являются великолепным материалом для понимания проблемы функционирования народной поэзии и, самое главное, – проблемы смены функций. В вводной статье к разделу «Игровой и потешный фольклор» С. М. Лойтер показывает, как магическая функция, главная в существовавшем когда-то ритуале, перерождается в игровую в детских закличках: «Ритуал выродился, разрушился миф, однако то, что из него выделилось, осталось и зажило самостоятельной жизнью <...> Ребенок обращается к дождю как к живому существу, однако магическая функция этого обращения "затушевана" утраченным обрядом. Как к живому существу он обращается и к солнцу, радуге, весне и т. д. В этих обращениях доминирует другая функция – игровая» (С. 165). Книга содержит представительную подборку вариантов хорошо знакомых с детства закличек «Солнышко-колоколнышко» (№ 392–405), «Дождик, дождик, перестань» и «Дождик, лей, лей, лей» (№ 405–424). Здесь же не менее знакомые «Бабка-липка, сядь на травку» (№ 436–443), «Улитка, улитка, высунь-ко рожки» (№ 448–451) и др.

Представленный в книге материал красноречиво свидетельствует, что в детском фольклоре на протяжении всего XX века (и в начале XXI века) шли (и, будем надеяться, идут) активные творческие процессы. Разные жанры детской устной поэзии, столь ничтожные в глазах невнимательного наблюдателя культурной жизни нашего народа, отражают время. В 1929 году Е. В. Ржановская в д. Щоглово Медвежьегорско-

го района записала следующий вариант заклички «Божьей коровки»: *Божья коровка, / Надой молочка / Три подойничка* (№ 428). Здесь заклинательное начало (обращение к жуку Божьей коровке, в мифологическом сознании связанной с солнцем) прочитывается еще довольно четко, а вся образная система текста прочно укоренена в деревенский мир 1920-х годов (молочко, подойничек). Через пятьдесят лет в Петрозаводске был записан другой вариант: *Божья коровка, / Слети-ка на небушко, / Там твои братья, / Там твои сестры / Книжки читают, / Тебя дождидают* (№ 429). Этот вариант с другой доминантной ценностью (книжки) отражает те перемены, которые произошли на 1978 году в культурной парадигме нашего народа.

Отражение времени великолепно сказывается в жанре дразнилки, представленном в книге (№ 501–739) и прекрасно освещенном во вступительной заметке С. М. Лойтер: «Дразнилки... это и способ осмеяния отклонений от правил и норм поведения, и способ посрамления порицаемых общественным мнением поступков, и определенный способ утверждения неписаного морального кодекса детской жизни, и яркая форма словесной агрессии» (С. 167). Из коллекции Е. В. Ржановской взят текст № 638 (дразнилка, которой дразнят тех, кого не взяли в гости) – *Съездила Настенька в гости: / С печи на прилавок, / С прилавка на лавку, / С лавки – под лавку / Да в пол головой*. Современному ребенку этот путь (печь, прилавок, лавка) уже непонятен и требует разъяснения, поэтому и дразнилка перестала быть актуальной в нынешнем детском репертуаре. В 1997 году в Заонежье записали дразнилку, свидетельствующую о техническом кругозоре современных детей: *Пончик-пончик, макарончик, / Состоит из трех частей: / Коммутатор, вентилятор / И коробка скоростей* (№ 709).

Детский фольклор вполне вписывается в проблему взаимоотношений письменной и устной культур, масштабную поставленную и во многом решенную на средневековом материале корифеем русской филологической науки А. Н. Веселовским. В условиях XX века понятие «письменная культура», безусловно, расширяется, включая в себя не только литературу, но и кинематографию. Докучная сказка *Жил-был царь Картаус,*

у него вырос ус, на ус арбуз, на арбузе дыня, на дыне – огурец, на огурце дворец, во дворе – двор, во дворе – кол, на колу – мочало, качало, качало... Рассказать вам сказку сначала? (№ 388), записанная в 1987 году, отсылает одновременно и к кругу чтения начала XX века – к лубочным сказкам с их героем Картаусом (из популярной сказки о Еруслане Лазаревиче), и к детскому фильму-сказке «Финист Ясный Сокол» (1975) режиссеров Александра Роу и Геннадия Васильева, где противником главного героя является Картаус. Круг чтения советских детей (К. И. Чуковский и его сказки) отражают и дразнилки, например, дразнилка, записанная в 1972 году, направленная против тех, кто любит командовать, отсылает к Бармалею из сказки о докторе Айболите: *Командир полка, / Нос до потолка, / Уши до дверей, / Сам, как бармалей* (№ 676).

Проблема взаимоотношений письменной и устной культур в сфере детской народной поэзии XX века оказывается прочно связанной с другой проблемой, перед которой неоднократно стояла фольклористика, – иноэтническое заимствование. Читательские приоритеты детей 1980-х годов, знакомство с героями английского писателя Алана Милна (по книге или посредством советских анимационных фильмов) сказываются в устно-поэтической дразнилке № 714, записанной в 1987 году: *У кого четыре глаза, / Тот похож на водолаза. / У кого четыре уха, / Тот похож на Винни-Пуха*. Обращает на себя внимание поэтическая докучная сказка «Десять поросят пошли купаться в море» (№ 386), явно восходящая к английской песенке «Десять негрят пошли купаться в море», хорошо известной российским детям по детективу Агаты Кристи и соответствующей советской экранизации С. С. Говорухина.

Книга С. М. Лойтер «Детский поэтический фольклор Карелии» рождает у читателя ностальгию по детству. Рецензируемое издание представляет детскую народную поэзию как творческую, живую традицию. Оно фокусирует внимание специалистов на определенных проблемах фольклористики. Словом, новая книга С. М. Лойтер заставляет думать и искать новые решения в осмыслении фольклорной культуры, за что ей благодарна вся российская фольклористика.

Поступила в редакцию 05.05.2014

СТЕЛЛА МИЛТОНОВНА СЕВАНДЕР

преподаватель кафедры языковых исследований, Университет Умео (Умео, Швеция)
stella.sevander@ryska.umu.se

Рец. на кн.: Alexey Golubev and Irina Takala. The Search for a Socialist El Dorado: Finnish Immigration to Soviet Karelia from the United States and Canada in the 1930s (В поисках социалистического Эльдорадо: Финская иммиграция в Советскую Карелию из США и Канады в 1930-е гг.). Michigan State University Press, 2014. 236 с.

Мой интерес к рецензируемой монографии отчасти сугубо личный. Я отношусь к потомкам народа, истории которого посвящена данная монография, и являюсь дочерью Мейми Севандер, которая не только оставила мемуары о жизни своей семьи, но и, не будучи профессиональным историком, провела сотни часов в архивах Карелии в поисках ответов на вопросы о трагических судьбах исчезнувших в Карелии отца, его соратников и многих своих друзей. Ее работу я называла «кровь, пот и слезы», нетрудно представить, какого накала достигали ее чувства и эмоции, когда она держала в руках дела невинно убиенных близких и друзей. Я родилась и выросла там, где развиваются основные события, описанные в книге, к счастью, не в самый кровавый из описанных в книге периодов, а в послевоенное время, полное надежд и веры. Я жила среди этих людей, любила их и часто в детстве задавала вопрос: «Почему вы сюда приехали?» Тех, кто мог ответить на этот вопрос, в живых уже не было, а родителей, которые были подростками при отъезде из США, когда принималось решение, никто не спрашивал. Многие упомянутые в книге участники истории – мои близкие или друзья, как и авторы исторических трудов и мемуаров по обе стороны Атлантики.

Появления монографии карельских историков Алексея Голубева и Ирины Такалы ждали долго, но появилась она не раньше и не позже, а именно тогда, когда пришло ее время. На пути к данной монографии можно выделить несколько этапов: долгая и профессиональная работа авторов в архивах Карелии и Финляндии, их собственные многочисленные научные публикации, труды их коллег – историков России, Финляндии, США, Канады, а также их участие в двух крупных исследовательских проектах: «Missing in Karelia: Canadian Victims of Stalin's Purges» («Пропавшие в Карелии: канадские жертвы сталинских репрессий») и «Североамериканские финны в Советской Карелии в 1920–1950-е годы». Следует отметить, что подступ к изучению этой темы был сделан самими участниками истории, представителями молодого поколения иммигрантов-североамериканцев, в форме мемуаров, оставленных писем, а также записанных в разные периоды с ними и их потомками интервью. Эти рассказы из первых рук о судьбах отдельных се-

мей представляют собой фрагменты, из которых складывается история их народа.

Нетрудно представить, насколько разнообразны по своему содержанию и форме использованные источники и насколько обширна библиография. Данный труд стал первым научным изданием, посвященным столь малоизвестной странице нашей общей истории, общей для Финляндии, России и Североамериканского континента. Если выразиться современным языком, общей частью нашей глобальной истории, театром действия которой в данном исследовании становится Советская Карелия. Первые два десятилетия существования СССР были отмечены новым для Советского государства явлением – переселением десятков тысяч людей в СССР по идеологическим причинам. Их привлекала идея справедливого социалистического общества, в которую они искренне верили и были готовы внести свой посильный вклад в его создание. Самой крупной группой иммигрантов в Карелии были финны, иммиграция которых из Финляндии началась после драматических событий Гражданской войны уже в 1918 году. Красные финны вместе с Москвой вынашивали планы создания в Карелии образцовой социалистической республики, которая стала бы плацдармом будущей мировой революции и смогла бы вовлечь в этот процесс соседнюю Финляндию и Скандинавию (С. 13). Позже к иммигрантам из Финляндии примкнула группа североамериканских финнов, основная волна иммиграции которых в Советскую Карелию пришлось на период 1931–1932 годов и завершилась в 1934 году. Для старшего поколения этой группы это уже была вторая эмиграция, младшее поколение были уроженцами США и Канады. Она составила, по подсчетам исследователей, от 6 000 до 6 500 человек, более вероятной является вторая цифра (С. 44), это третья часть всей финской диаспоры, проживающей на территории Карелии (1935 год). Многочисленные архивные источники и база данных, созданная в ходе проекта «Пропавшие в Карелии», дополняют эти данные: 3098 человек (58 %) были переселенцами из США и 2211 (42 %) – из Канады. Авторами дается четкая иллюстрация этих данных в форме графиков: как были представлены штаты, из которых прибыли переселенцы, и соотношение

прибывших из США и Канады иммигрантов по годам (С. 46–47).

Первые североамериканцы появились на российском севере недалеко от Кандалакши еще в 1922 году, где начала работать бригада рыбаков из США, а тремя годами позже канадские сельскохозяйственные рабочие создали в Олонецком районе свою коммуну «Säde». В это же время Эдвард Гюллинг, в 1920 году ставший руководителем Карельской Трудовой Коммуны, предпринимает со своей стороны все усилия, чтобы получить добро Москвы на вербовку рабочей силы из США и Канады. Переговоры Карелии с Москвой долго не давали положительного результата. Ситуация изменилась в положительную сторону лишь после состоявшегося летом 1930 года XVI съезда ВКП(б), который легализовал новую политику партии на приглашение высококвалифицированной рабочей силы в СССР (С. 18–22). Первая группа финнов-лесорубов прибыла в Карелию из Канады уже осенью этого года. К сожалению, имеющиеся в распоряжении исследователей источники приводят разные цифры по количеству переселенцев этой группы. Данные расходятся: от шестнадцати до пятидесяти человек. Исследователям удалось идентифицировать имена двадцати одного человека, вошедшего в состав этой группы (С. 24).

Без структур, занимающихся осуществлением переселенческой политики на самом американском континенте, было не обойтись. Авторы рассказывают, как функционировали сначала созданный в 1921 году в США Комитет помощи Советской Карелии, возглавляемый Юрьё Халаненом и ответственным за финансовую деятельность Матти Тенхуненом, а позже Комитет технической помощи Советской Карелии, существующий с 1 мая 1931 года под руководством сначала Калле Аронена, а позже до 1934 года возглавляемого Оскаром Корганом (С. 27–31). В Канаде аналогичной структурой руководил Джон Латва. Первоочередной задачей этих комитетов была вербовка рабочей силы, но не менее важным было приобретение техники, оборудования. Источников финансирования было несколько: добровольные дотации американских граждан, отчисления пароходных компаний, занимающихся перевозкой переселенцев через Атлантику, и денежные взносы самих переселенцев. Кроме того, переселенцы сами приобретали оборудование на личные средства, что позволяло им ввозить его беспопытно, а позже реализовать через Переселенческое управление. По подсчетам исследователей, вклад североамериканцев в народное хозяйство Карелии составил к 1935 году в цифровом выражении 1 200 000 руб. В действительности же с учетом реального курса валюты и высокой стоимости технического оборудования, как предполагают авторы, он был в два или три раза больше. Для сравнения исследователи при-

водят следующие данные: основные капиталовложения в промышленность Карелии в бюджете 1931 года составили 5 687 000 руб., а в целом бюджет народного хозяйства Карелии составил 18 417 000 руб. (С. 30). Трое из вышеназванных руководителей: М. Тенхунен, К. Аронен и О. Корган – были арестованы и расстреляны во времена сталинских репрессий.

В чем были причины эмиграции из США и Канады, или, как ее называют, «Карельской лихорадки», 1930-х годов? Мнения исследователей, ранее занимающихся изучением этого вопроса, расходятся: признавая множество мотивов, одни делают упор на экономические причины (экономическая депрессия в США), другие подчеркивают особую значимость коммунистической пропаганды, проводимой финноязычной левой прессой и вербовщиками, еще более усилившей раскол финноязычной диаспоры на Американском континенте, и целый ряд других причин. До недавнего времени основными источниками для изучения истории иммиграции были лишь газетные публикации, мемуары и интервью с реэмигрантами в Финляндии и Северной Америке. Этим объясняется тот факт, что во многих публикациях на эту тему подход историков к «Карельской лихорадке» делался с позиции финской диаспоры Северной Америки. Недостаток эмпирического материала мешал рассмотрению вопроса иммиграции финнов из Северной Америки в Карелию как части трансатлантической истории (С. 31–35). Ответ на вопрос, кто же были эти люди, решившиеся во второй раз так круто изменить свою судьбу и отдавшие все до последнего цента, чтобы переехать в СССР (С. 36), дается на принципиально иной основе: использованы документы Центрального архива Карелии, сведенные в единую базу данных по 5 557 иммигрантам; информация Переселенческого управления; документы партии и органов безопасности и др. В этом существенное отличие данного исторического труда от предыдущих трудов, в том числе и крупных имен, к примеру, финляндского историка Р. Керо.

Небольшая по объему (С. 109–120) седьмая глава, в которой описаны сложности и проблемы кросс-культурной коммуникации, несет большую смысловую нагрузку. Блестяще владея материалом разнообразных официальных источников, включая отчеты ОГПУ и НКВД, а также частными источниками, исследователи прослеживают, как образ Финляндии и финнов менялся в Советской Карелии. К 1935 году, когда Красное правительство Гюллинга было отстранено от власти, Финляндия приобрела образ враждебного государства. В преддверии большой волны иммиграции из Северной Америки в прессе Карелии был создан положительный образ североамериканцев, готовых помочь в строительстве социалистического государства.

Но избежать конфликта с местным населением было невозможно. Он был заложен в самой идеи иммиграции в СССР: американцы ехали в страну, где уже были воплощены социалистические идеалы – равенство, отсутствие безработицы, а увидели полуголодный народ и нищету. Сами переселенцы при этом оказались в привилегированной группе: особое снабжение продуктами питания, освобождение от налогов и другие льготы. Все это не могло не вызывать зависть и неприязнь местного населения. С учетом существования огромного барьера в языке и культуре, конфликт между местным русскоязычным населением и североамериканцами был неизбежен, и в этом нередко была вина самих переселенцев. Адаптироваться переселенцам в таких условиях было сложно, скорее наоборот, начинается их самоизоляция. Вместе с нарастанием конфликта, отмечают авторы, происходит трансформация идентичности переселенцев, социалистические идеалы уходят на второй план, уступая место чувству этнической принадлежности и культуры (С. 118).

В четвертой главе (С. 51–68) исследователи четко обозначают причины провала иммиграционной политики в Карелии. Каждая из этих причин подтверждается историческими документами, живым материалом писем и цитированием мемуаров. Первые столкновения с властями и советской бюрократией начинались нередко уже при пересечении границы, когда советская таможня производила противозаконную конфискацию ввозимых иммигрантами товаров. Советский быт: полное отсутствие жилищных условий, должного питания, антисанитария в местах общественного питания, нехватка медицинского обслуживания – приводил переселенцев в шоковое состояние и заставлял братья за решение этих проблем. Так, к примеру, в Петрозаводске появился американский городок (фотография на с. 61–62). Свободный труд в социалистической стране не приносил им удовлетворения. Нередко они сталкивались с полным пренебрежением трудовой морали как рабочими, так и руководством на местах, что, в свою очередь, часто вело к конфликтам с администрацией. Нередко иммигрантов обвиняли в несоблюдении рабочей дисциплины и нежелании признавать авторитеты. Полное отсутствие культурной жизни еще больше усугубляло и без того мрачную картину. Причин у американских и канадских переселенцев покинуть Карелию было более чем достаточно. Многие сделали это. Почему большинство осталось? На этот вопрос ответить сложнее, чем понять причины их иммиграции в СССР. К такому заключению приходят исследователи, приводя целый ряд доводов (С. 68–69).

В пятой главе (С. 69–87) рассказывается о вкладе североамериканских рабочих в совет-

скую экономику. Североамериканцы с уже приобретенным опытом работы в Америке были востребованы такими крупными организациями, как Кареллес, Стройобъединение, Карелтранс, большинство рабочих на лыжной фабрике в Петрозаводске были переселенцами, они также принимали активное участие в строительстве бумагоделательного комбината в Кондопоге. Многочисленная группа иммигрантов работала в лесной промышленности: к осени 1932 года уже 1 049 североамериканцев работали в системе Кареллеса. Производительность труда американцев значительно превышала производительность местных рабочих: средний показатель рубки для американцев составлял 8,5 м³, в то время как местные рабочие не превышали в среднем 4,4 м³ (С. 71). Привезенные ими новые, более совершенные орудия труда, новые круглогодично используемые технологии вывозки древесины, а также более четкая организация труда стали значительным вкладом в народное хозяйство республики. Рабочие-переселенцы были готовы делиться своим опытом с местным населением, поэтому активно участвовали в профессиональном обучении своих коллег. Примечательно, что авторы дают ссылку на большое количество учебно-методического материала в форме газетных статей и брошюр (С. 74). Всего три процента переселенцев работали в сельском хозяйстве Карелии. Вклад в эту отрасль иллюстрируется авторами историей сельскохозяйственной коммуны «Säde», деятельность которой началась в Олонецком районе в 1925 году с 14 000 долларов, собранных в Канаде, отчасти израсходованных на приобретение трактора и другого сельскохозяйственного оборудования для Карелии. В 1933 году «Säde» было признана лучшим животноводческим хозяйством Карелии (С. 84).

Шестую главу, в которой рассматривается вклад североамериканцев в культуру Карелии (С. 89–108), авторы начинают с краткого, выдержанного по структуре анализа несколько запутанной, связанной прежде всего с политической структурой языковой ситуации в республике в период 1920–1937 годов, соотнося ее со сталинским лозунгом «Культура должна быть социалистической по содержанию, но национальной по форме». Авторы останавливаются на деятельности Карельского отделения издательства «Кирья», многочисленные издания книг и журналов которого создали ему к 1934 году репутацию самого крупного нерусскоязычного издательства в СССР (С. 97). Авторы отдают дань памяти писателям-североамериканцам, удивительным способом вовлеченным в создание новой литературы социалистического реализма (С. 101). Четверо из упомянутых в тексте монографии писателей – Луото, Паррас, Мякеля и Раутанен – стали жертвами сталинских репрессий. Оста-

навливаясь на начальном периоде деятельности Национального театра Карелии, созданного в 1932 году, авторы делают интересное наблюдение о том, что благодаря театру его создатели (Кууно Севандер и Рагнар Нюстрём) так же, как и все участники труппы, осознают принадлежность к той социальной группе, из которой они происходят. Поэтому театр поддерживает их идентификацию в среде советской культуры (С. 103). Североамериканцы внесли немалый вклад и в музыкальную культуру Карелии. Основу репертуара ансамбля «Кантеле», созданного в 1939 году, составляли народные финские и карельские мелодии в обработке Карла Раутио. В состав коллектива вошли несколько артистов из североамериканцев: Сиркка Рикка, Кертту Вильянен, Элса Баландис. Одиннадцать из пятнадцати музыкантов состава вновь созданного симфонического оркестра были уроженцами Северо-Американского континента.

Американские и канадские финны во время Большого террора (С. 121–156) – самая тяжелая для восприятия часть монографии. Остается только предположить, какой великомученический труд проделали авторы, работая с таким огромным количеством «кровавых» документов. Из 159 источников 80 – архивные документы, в основном из Национального архива Республики Карелия и Архива Федеральной службы государственной безопасности. В этой главе доминирует сухой язык цифр, на котором изложена трагическая статистика. Более 40 % жертв репрессий в Карелии составили финны, хотя они представляли всего 3 % населения. Авторы выделяют основные периоды Большого террора и останавливаются на всех государственной важности документах, принятых для осуществления этого страшного проекта в стране. «Охота на ведьм» началась в республике уже в 1935 году, когда были произведены первые аресты, и достигла своего апогея после пленума ЦК ВКП(б) в феврале – марте 1937 года, который открывает новый, полный драматизма период в истории репрессивной политики. Финская операция получила добро в соответствии с решениями пленума на уничтожение 1000 человек, 300 из которых попадали под первую категорию – расстрел. Чтобы создать четкую картину того, как репрессии отразились на североамериканцах, исследователи используют графики и таблицы, иллюстрирующие эту трагическую статистику: мужчин-американцев было репрессировано 28 %, каждый пятый; канадцев тоже 28 %. Самую многочисленную возрастную группу среди репрессированных американцев (42 %) составили мужчины в возрасте 40–45 лет, канадцев (50 %) – 30–40 лет. Молодые американцы в возрасте 18–19 лет были репрессированы почти все, канадцы – 11 человек (С. 144). В первый период реабилитации (1955–1965 годы) было реабилитировано 311 человек из североамериканцев

(42 % от числа всех репрессированных). На второй, постперестроечный период реабилитации приходится 326 человек (44 %). Никаких данных по реабилитации 83 человек, составляющих 11 % от числа репрессированных, ученым на сегодняшний день разыскать не удалось. Авторы высказывают по этому поводу свои предположения. Среди репрессированных было много одиноких, без семей, у некоторых же семейных, погибших в тюрьмах и лагерях, семьи вымерли после страшных испытаний во времена террора и войны. Вести поиск исчезнувших было некому (С. 147). Свидетельство о смерти Оскара Коргана, которое авторы отобрали как важный исторический документ, показывает, насколько фальсифицированы были подобные документы. В версии 1953 года причина смерти – рак желудка. В версии 1991 года – расстрел. Место смерти не установлено. (Сегодня можно было бы получить третью версию с установленным местом расстрела – Сандармох – и точной датой расстрела.)

Последняя, завершающая монографию небольшая глава посвящена войне и послевоенным годам (С. 157–170). Здесь дополняются и корректируются данные, полученные в ходе исследований Э. Лахти-Аргутиной и М. Севандер: 34 человека погибли на фронте; 24 человека, попавшие в плен в Финляндии, казнены; по самым скромным подсчетам, 500 стали заключенными трудовых лагерей, 100 человек из которых, по последним данным исследований, умерли от голода, болезней и непосильного физического труда (С. 162–163). Осенью 1944 года после освобождения Советской Карелии североамериканцы начинают возвращаться туда. Для кого-то это возвращение затянулось на годы или даже десятилетие до смерти Сталина с последующим освобождением из лагерей ГУЛАГа. Так или иначе американские и канадские финны в конце концов возвращались в Советскую Карелию, где не суждено было сбыться их надеждам и где после всех испытаний Большого террора и Второй мировой войны они наконец-то обрели дом (С. 164).

Работа А. Голубева и И. Такалы – это свод знаний о североамериканских финнах в Советской Карелии. В ней присутствует большое количество таблиц, графиков, карт и фотографий. Книга читается с огромным интересом, написана четким лаконичным языком. Авторы идут по принципу от общего к частному: каждая из глав начинается с краткого экскурса в историю конкретного периода, продолжается описанием ситуации в Карелии, сопровождается рассказами о событиях через судьбы конкретных людей. При этом обращение исследователей к мемуарным первоисточникам, письмам и интервью представляется логичным и уместным. Книга как бы

оживает, авторы передают право голоса непосредственным действующим лицам самой истории, отчего захватывающие сюжеты, сочетаясь со строгостью научного исследования, никоим образом не нарушают ее.

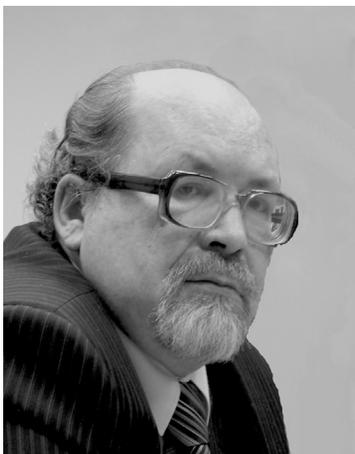
Нет сомнения в том, что подобный труд мог быть написан только карельскими исследователями, ибо для этого необходимо сочетание нескольких важных составляющих: прекрасное владение исторической советской реальностью; доступность архивов; владение русским, финским и английским языками. Хорошо это или плохо, что он появился на английском, а не на русском языке? Хорошо, потому что это первое академическое издание, вышедшее на английском языке, по истории малоизвестного эпизода глобальной истории XX века, массовой иммиграции в Советский Союз из США и Канады. Остается надеяться, что книга увидит свет и на русском языке. Без нее история Карелии советского периода остается недосказанной и недописанной.

В качестве небольших замечаний или скорее пожеланий можно было бы отметить следующее. Во-первых, несколько зауженными кажутся заявленные хронологические рамки исследования: 1930-е годы, хотя первые коммуны североамериканских финнов в Карелии появились уже в 1920-е годы, о чем рассказывают авторы (С. 18–19). Но вполне понятно, что основной интерес исследователей приходится на 1930-е годы. Во-вторых, использованная мемуарная литература могла бы быть дополнена несколькими источниками, в том числе вышедшей в 2012 году книгой мемуаров Ирмы Купри под редакцией Р. Вир-

танен, изданной Миграционным институтом Финляндии. В индексе имен я не обнаружила, к сожалению, имени М. Киро, которого авторы неоднократно цитируют.

И наконец, о названии самой монографии «В поисках социалистического Эльдorado: Финская иммиграция в Советскую Карелию из США и Канады в 1930-е гг.». Хорошо звучащее, лаконичное, но несколько вводящее в заблуждение название. Не случайно в заключении авторы так подробно останавливаются на значимости и многосложности, которую они вкладывают в используемую метафору поиска: это и поиск справедливого социалистического устройства мира (для переселенцев); поиск новой региональной модели развития (для Красного финского правительства); поиск новых путей строительства социалистического государства (С. 171). Все цели были утопическими, недостижимыми, Эльдorado оказалось мифом, как исследователи доказали своим трудом, полным провалом завершилась многонациональная политика. Но, как мы видели, авторы не ограничиваются этим, а как историки пытаются понять и показать, что было создано людьми в иммиграции, какое общество они пытались построить в Карелии, ставшей в 1930-е годы зоной соприкосновения и соревновательности между западным и советским видением (пониманием) социополитического уклада (С. 173). В этом и есть новаторский характер труда А. Голубева и И. Такалы, ставшего значительным и достойным вкладом в современную историческую науку.

Поступила в редакцию 01.07.2014

ЕВГЕНИЙ МИХАЙЛОВИЧ НЕЁЛОВ

(24.03.1947 – 05.07.2014)

Ученый-литературовед, критик, автор фундаментальных исследований в области фольклора, литературной сказки, современной научной фантастики и фэнтези, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы и журналистики филологического факультета Петрозаводского государственного университета.

Евгений Михайлович Неёлов родился в г. Лодейное Поле Ленинградской области. В 1970 году с отличием окончил историко-филологический факультет Петрозаводского государственного университета и поступил в аспирантуру при кафедре русской и зарубежной литературы. Кандидатскую диссертацию «Литературная сказка и научная фантастика» защитил в 1973 году в Петрозаводском университете, докторскую «Волшебно-сказочные корни научной фантастики» – в 1988-м в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (Ленинград).

После окончания аспирантуры 7 лет работал на кафедре русской и зарубежной литературы Семипалатинского педагогического института им. Н. К. Крупской Казахской ССР. В Петрозаводском государственном университете на кафедре русской и зарубежной литературы начал преподавать с сентября 1980 года. Многие годы Е. М. Неёлов сотрудничал с Институтом усовершенствования учителей Республики Карелия; читал спецкурсы в школах города (лицей № 40 и № 10); в течение 19 лет вел клуб научной фантастики в филиале городской библиотеки № 3.

Его мастерство лектора поражало любые аудитории: о сложном он рассказывал просто, а в простом видел глубину. Эрудиция и начитанность Евгения Михайловича, редкая даже для филолога, позволяли ему виртуозно интерпретировать и комментировать тексты от «Репки» до «Мастера и Маргариты».

Е. М. Неёлов – один из создателей оригинальной концепции о волшебно-сказочных истоках научной фантастики и фэнтези. Этим вопросам посвящены его фундаментальные монографии «Волшебно-сказочные корни научной фантастики», «Сказка. Фантастика. Современность»,

учебное пособие «Фольклорная волшебная сказка и научная фантастика. Анализ художественного текста» и др. Е. М. Неёлов – автор 98 научных публикаций. Под его руководством защищено около 10 кандидатских диссертаций. Под редакцией Евгения Михайловича издавались университетские сборники «Проблемы детской литературы и фольклор» и «Поэтика фантастического». Он активный участник многих международных, всероссийских, региональных конференций и семинаров. Им написано большое количество рецензий не только на научные исследования, но и на художественные произведения, и всегда Евгений Михайлович с пониманием относился к автору и его идеям.

Е. М. Неёлову присвоены звания «Заслуженный деятель науки Республики Карелия» и «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации».

За всем этим достаточно кратким послужным списком Е. М. Неёлова стоит не одно поколение филологов, слушателей различных курсов, участников научно-фантастических диспутов, всех тех, кому он дорог. Его мудрость, великодушие и безграничная вера в светлые стороны человека делали нас лучше и добрее.

Евгений Михайлович – ярчайший представитель профессорско-преподавательского корпуса, которого всегда отличала высокая духовность, служение истине и несуетность.

Уход Евгения Михайловича поистине невосполнимая потеря. Нам остаются его «лучшие на свете шкапы с книгами».

Н. В. РОВЕНКО,

кандидат филологических наук,

Петрозаводский государственный университет

CONTENTS

HISTORY

- Baryshnikov V. N.*
SOVIET MILITARY INTELLIGENCE ON COVERT GERMAN – FINNISH MILITARY COOPERATION SHORTLY BEFORE GREAT PATRIOTIC WAR (1940–1941) 7
- Zmeyerova O. V., Razumova I. A.*
“I HAVE DECIDED TO LIVE HERE...”: ADAPTATION OF AZERBAIJANI IN NORTHERN TOWN IN 2010s 13
- Shorokhova I. V.*
“OBLITERATION OF NATIONAL TRAITS” IN KARELIAN THEATRICAL ART IN 1950s – BEGINNING OF 1960s (ON THE EXAMPLE OF FINISH DRAMA THEATRE) 18
- Bereznyak Ya. V.*
ESTABLISHMENT AND ACTIVITIES OF AGRONOMIC ORGANIZATION OF TAURIAN PROVINCE (1890–1914) 23

PEDAGOGICS

- Babakova T. A.*
TECHNOLOGY OF PEDAGOGICAL GUIDANCE PROVIDED TO UNIVERSITY MASTER STUDENTS INVOLVED IN SCIENTIFIC-METHODICAL PROJECTS 27
- Korshunova O. V.*
MODULAR TECHNOLOGY WITH LEVEL-STYLE DIFFERENTIATION AS INSTRUMENTAL FOUNDATION OF RURAL SCHOOL-TEACHERS’ DIDACTIC SYSTEM 31
- Ostrovskaya S. V.*
MAIN STAGES OF CHILDREN’S SUPPLEMENTARY EDUCATION DEVELOPMENT IN RUSSIA .. 38

PHILOLOGY

- Patroeva N. V.*
INTRODUCTIVE SENTENCES IN M. Y. LERMONTOV’S LYRICS 41
- Shcheglova E. A.*
UNKNOWN AND LITTLE KNOWN NOMINATIONS IN I. A. GONCHAROV’S TRAVEL SKETCHES “FRIGATE “PALLADA”” 47
- Gryakalova N. Yu.*
NARRATIVE’S ALLEGORY (ON ICONOGRAPHIC MOTIF IN I. A. BUNIN’S *SUHODOL*) 51
- Drannikova N. V., Morozova T. N.*
POMOR CALENDAR OF WHITE SEA WINTER COAST 56
- Spasova M. A., Pigin A. V.*
END OF XV AND BEGINNING OF XVI CENTURY FESTAL HOMILIARY (*TORZHESTVENNIK*) FROM NATIONAL ARCHIVE OF KARELIAN REPUBLIC 61

Savkina I. L., Bakhtina Yu. V.

- LIFE AS JOURNEY: NARRATIVE SELF-IDENTIFICATION IN AUTOBIOGRAPHICAL INTERVIEW 73

Litinskaya E. P.

- PHRASEOLOGY TRANSLATION OF NOVEL “POOR PEOPLE” BY F.DOSTOEVSKY INTO GREEK 79

Shilova N. L.

- KARELIAN REALITIES IN Y. KAZAKOV’S STORY “ADAM AND EVA” 82

Solopova A. I.

- DOSTOYEVSKY’S NOVEL “RAW YOUTH”: PROBLEMS OF CANONICAL TEXT 86

ECONOMICS

Druzhinin P. V., Belyy E. K.,

- MODELING OF STRUCTURAL SHIFTS IN RUSSIAN ECONOMY 91

Martishin E. M.

- EVOLUTIONAL AND INSTITUTIONAL FOUNDATION OF “ECONOMIC MIRACLE” 97

LEGAL STUDIES

Efimova V. V.

- PROJECT OF MOVING GOVERNORATE ADMINISTRATION FROM PETROZAVODSK TO VYTEGRA IN 1820s 102

Olenina T. Yu.

- LEGAL DEFINITION OF CONCEPT “FOREST” IN RUSSIAN FEDERATION 110

JUBILATION

- To the 80th Birthday Anniversary of S. M. Loyter 114

REVIEWS

Ivanova T. G.

- The book review: Loyter S. M. Child’s poetic folklore of Karelia: Research and texts. 115

Sevander S. M.

- The book review: Golubev A. and Takala I. The Search for a Socialist El Dorado: Finnish Immigration to Soviet Karelia from the United States and Canada in the 1930s 118

MEMORY

- In memory of E. M. Neyelov 123